

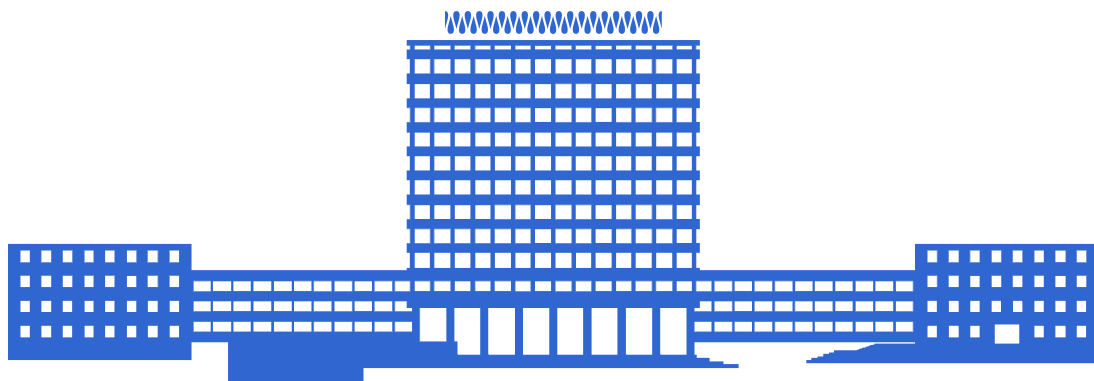
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 19 Выпуск 2 (60) 2023

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2023. – Т. 19. – Вып. 2 (60). – 136 с.

*Печатается по решению Учёного совета
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 6 от 30 июня 2023 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Постановление Правительства Российской Федерации от 18.03.2023 г. № 115).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

*Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22*

ISSN 2415-8720

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 19 Выпуск 2 (60) 2023

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. В. Ленец; д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев;
д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина; д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко;
д. филол. наук, проф. А. В. Петров; д. филол. наук, проф. М. В. Пименова;
д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов; д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик;
д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонГУ 2023

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «DONETSK STATE UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 19 Issue 2 (60) 2023

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov; Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova;

Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik;

Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonSU 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 19, Вып. 2 (60), 2023

Германские языки

- Бессонова О. Л., Кравченко М. И.* Особенности функционирования стилистических средств создания образов в идиостиле Д. Г. Лоуренса..... 5
- Кишко С. Н.* Модерированное высказывание как средство нейтрализации когнитивного диссонанса..... 16
- Кремзикова С. Е., Добрякова А. А.* Концепт стихии «Fire» / ‘огонь’ и средства его репрезентации в английской языковой картине мира..... 28
- Филатова Е. В.* Противоречия в теории порождения речи и неопределенность в понимании и толковании синтагмы..... 46

Типологические и сопоставительные исследования

- Брагина Э. Р.* Диаметральные противоположные терминообразующие процессы..... 58
- Джисоева В. П.* Этноспецифичные характеристики предметно-бытовой лексики..... 66
- Липанова П. К.* Семантика каузативных глаголов эмотивного поля *grustь* (на материале английского и русского языков)..... 77
- Петрищева Е. И.* Эмоционально-оценочная номинация родственников..... 91
- Тадтаева И. А.* Способы образования внешне мотивированных прозвищ в английском и осетинском языках..... 104

Перевод

- Калиущенко В. Д., Сладкомёдова А. Ю.* Категория оценочности в переводе..... 118

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 19, Issue 2 (60), 2023

Studies in Germanic Languages

<i>Bessonova O. L., Kravchenko M. I.</i> Functional Peculiarities of Stylistic Means of Creating Artistic Images in D. Kh. Lawrence's Idiostyle.....	5
<i>Kishko S. N.</i> Moderated Utterance as a Means of Cognitive Dissonance Neutralization.....	16
<i>Kremzikova S. E., Dobryakova A. A.</i> The Concept of the Element «Fire» and the Means of its Representation in the English Linguistic World Image.....	28
<i>Filatova E. V.</i> Discrepancies in the Speech Creation Theory and Indeterminacy in Syntagma Comprehension and Interpretation.....	46

Typological and Contrastive Studies

<i>Bragina E. R.</i> Diametrically Opposed Termformation Processes.....	58
<i>Dzhioeva V. P.</i> Ethnospecific Characteristics of Household Vocabulary.....	66
<i>Lipanova P. K.</i> Semantics of Causative Verbs Expressing <i>Sadness</i> (Based on English and Russian).....	77
<i>Petrishcheva E. I.</i> Emotional-Evaluative Nomination of Relatives.....	91
<i>Tadtaeva I. A.</i> Formation of Externally Motivated Nicknames in the English and Ossetian Languages.....	104

Translation

<i>Kaliuščenko V. D., Sladkomedova A. Yu.</i> The Category of Evaluation in Translation.....	118

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111'38

© 2023 О. Л. Бессонова, М. И. Кравченко

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ В ИДИОСТИЛЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА

В статье рассматриваются экспрессивно-эмоциональный потенциал и функциональная значимость стилистических средств создания образов в индивидуальном стиле английского писателя Д. Г. Лоуренса. В работе описывается специфика применения писателем различных стилистических приёмов в процессе конструирования образов протагонистов произведений. Установлены основные функции экспрессивных средств в идиостиле автора.

Ключевые слова: экспрессивность, стилистические средства, образ, протагонист, идиостиль.

© 2023 O. L. Bessonova, M. I. Kravchenko

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF STYLISTIC MEANS OF CREATING ARTISTIC IMAGES IN D. H. LAWRENCE'S IDIOSTYLE

The article deals with the expressive and emotional potential as well as functional significance of stylistic means employed in creating images of protagonists in the individual style of the British writer D. H. Lawrence. Various stylistic means of character drawing the author resorts to are considered. The main functions of expressive means and stylistic devices in the author's individual style are identified.

Key words: expressiveness, stylistic means, image, protagonist, individual style.

1. Вводные замечания. Статья посвящена описанию особенностей употребления стилистических средств, участвующих в создании художественных образов литературных персонажей в малой прозе британского писателя XX века Дэвида Герберта Лоуренса.

Исследование художественного дискурса с позиций стилистики характеризуется неослабевающим интересом, поскольку данная область лингвистических исследований позволяет проанализировать многоаспектность и многогранность конкретного художественного текста с помощью широкого методологического арсенала. В связи с этим стоит отметить, что современные лингвостилистические исследования опираются на глубокие теоретические основы: обстоятельно изучались стилистика художественной речи, изобразительные и выразительные средства языка, содержание понятий художественный образ и образность [Арнольд, 2016; Борисова, 2018; Скребнев, 2003; Чернова, 2014], экспрессивность и эмоциональность языковых средств [Аванесова, 2010; Скрипак, 2006; Хасанова, 2015], индивидуальные черты стиля конкретного автора

[Болотнова, 2020; Чернышева, 2010]. В лингвистике и литературоведении также становилось предметом исследования и новеллистическое наследие Д. Г. Лоуренса [Булашова, 2011; Калиниченко, 2012; Becket, 2005; Johnson, 2016].

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена общей тенденцией современных лингвостилистических исследований к изучению стилистических средств языка с точки зрения особенностей их функционирования в авторском художественном мире. **Объектом** исследования является категория экспрессивности в идиостиле Д. Г. Лоуренса. **Предметом** исследования выступают особенности функционирования стилистических средств создания образов протагонистов в рассказах Д. Г. Лоуренса.

2. Методологическая основа и материал исследования. Стилистические средства выстраивают между собой сложные взаимосвязи, чтобы создать единую и логичную структуру образа. Следовательно, главным компонентом понятия «стилистический приём» является его способность к воспроизведению образа, содержащего в себе ключ к пониманию идеи художественного произведения.

Анализ стилистических средств создания образов основывается на классификации В. А. Кухаренко [Кухаренко, 2019]. Данный подход представляется наиболее взвешенным и четко структурированным. В рамках классификации выделяются четыре основные группы стилистических приёмов (СП):

- 1) лексические СП (метафора, метонимия, олицетворение, эпитет и др.);
- 2) синтаксические СП (инверсия, повторы, параллельные конструкции и др.);
- 3) лексико-синтаксические СП (антитеза, сравнение, перифраз, и др.);
- 4) фонографические СП (курсив, кавычки, ономапоэя и др.) [Кухаренко, 2019: 102].

Материалом для настоящего исследования послужили 7 рассказов Д. Г. Лоуренса: «Запах хризантем» («Odour of Chrysanthemums»), «Тень в розовом саду» («The Shadow in the Rose Garden»), «Англия, моя Англия ...» («England, My England»), «Самсон и Далила» («Samson and Delilah»), «Дочь лошади» («The Horse Dealer's Daughter»), «Победитель на деревянной лошадке» («The Rocking-Horse Winner»), «Солнце» («Sun»). В общей сложности было выделено 635 стилистически значимых контекстов, среди которых есть как одиночные предложения, так и сверхфразовые единства. В текстовых фрагментах удалось идентифицировать 2415 стилистических приёмов.

Следует подчеркнуть, что единицей исследования избран контекст, поскольку художественный образ персонажа складывается главным образом из синтеза различных стилистических приёмов, представляющих одно смысловое пространство. В ходе анализа

стилистических приёмов производился подсчет относительной частоты употребления различных видов приёмов в исследуемых контекстах.

3. Основные результаты исследования

3.1. Доминантные экспрессивные средства создания образов протагонистов.

Создание образа имеет под собой опору в виде изобразительно-выразительных ресурсов всех уровней языка. Данные средства используются автором для достижения эстетической целостности произведения, его выразительной и эмоциональной силы, чтобы реализовать главную функцию образа – воздействовать на реципиента [Чернова, 2014: 114]. Категория экспрессивности в рассказах Д. Г. Лоуренса представлена многочисленными стилистическими приёмами, принадлежащих к разным уровням языка. Исследование текстовых фрагментов, в которых сосредоточены экспрессивные средства создания образов, позволило выявить наиболее характерные для данного автора стилистические приёмы. Результаты классификации представлены в таблице 1.

Таблица 1. Количественная характеристика групп стилистических приёмов

Группы СП	Кол-во	%	Пример
Лексические СП	1320	55	<i>The landlady sobbed heart-brokenly</i> [Lawrence, 1990: 187] – эпитет. <i>And yet the gates of her heart and soul had shut in his face with a slow, resonant clang, shutting him out forever</i> [Lawrence, 1990: 32] – метафора.
Синтаксические СП	793	33	<i>To forget! To forget! Utterly, utterly to forget, in the great forgetting of death</i> [Lawrence, 1990: 47] – повтор, эллипсис. <i>Softly, frozen with anxiety and fear, she turned the door handle</i> [Lawrence, 1995: 242] – инверсия, обособление.
Лексико-синтаксические СП	226	9	<i>It was as if some membrane had been torn in two in her, so that she was not an entity that could think and feel</i> [Lawrence, 2004: 200] – сравнение, перифраз
Фонографические СП	76	3	<i>Then Winifred so ready to serve the <u>soldier</u>, when she repudiated the man</i> [Lawrence, 1990: 41] – курсив
Всего:	2415	100	

На основе полученных данных можно прийти к заключению, что наиболее гибким и продуктивным инструментом для создания образов являются лексические стилистические средства (1320 единиц, 55%). Превалирование именно этого уровня свидетельствует о том, что лексические стилистические приёмы обладают наиболее обширными выразительными возможностями в языке. Одним из наиболее значительных

стилистических приёмов для идиостиля Д. Г. Лоуренса становится эпитет. Поскольку данный приём достаточно универсален (используется в описаниях внешности и поведения главных персонажей, манере их общения, эмоционального состояния, а также в описаниях природы и интерьера), тексты рассказов изобилуют как одиночными эпитетами, так и цепочками эпитетов, способствующих более глубокому пониманию образа.

Приём метафоры также свойственен слогу писателя. Автор точно дополняет повествование метафорическими описаниями героев, не перегружая текст излишними сравнениями. Метафора служит для меткой характеристики переживаний протагонистов: приём часто построен на транспозиции чувств физиологическими ощущениями, и наоборот, например: *She sat swallowing her bitterness* [Lawrence, 2004: 205]; *When she rose her anger was evident in the stern unbending of her head* [Lawrence, 2004: 285].

Синтаксические стилистические приёмы занимают второе место по частотности (793 единицы, 33%). Главным экспрессивным средством на уровне синтаксиса для идиостиля Д. Г. Лоуренса является обособление второстепенных членов предложения. В качестве примера можно привести следующий фрагмент: *Seeing his hands, with the ring she knew so well upon the little finger, she felt as if she were going dazed* [Lawrence, 2004: 196]. Данный СП во многом формирует фирменный стиль прозы писателя и делает узнаваемым его способ языкового выражения. Устойчивая тенденция автора прибегать к обособлению проявляется как в изображении внешнего мира, так и в описаниях чувств героев.

СП повтора также является довольно типичным экспрессивным средством в арсенале автора. С помощью данного средства автор передаёт эмоциональное состояние героя в его прямой речи, как видно из следующего примера: *«You love me», she murmured, in strange transport, yearning and triumphant and confident. «You love me. I know you love me, I know»* [Lawrence, 1990: 242]. Повторы, в целом характерные для устной разговорной речи, придают повествованию реалистичности и живости.

Инверсия – ещё один распространённый вид СП в слоге писателя. Инверсивный порядок слов, употребляемый зачастую параллельно с обособлением, служит для выделения значимых компонентов предложения, обращая внимание читателя на определенные смысловые элементы, например: *Followed a dark and bitter time* [Lawrence, 1990: 31].

Лексико-синтаксические стилистические приёмы занимают 9% от общего числа выборки (226 единиц). СП, объединяющие в себе уровни лексики и синтаксиса, обладают высоким образным потенциалом, но встречаются гораздо реже в произведениях автора ввиду небольшого количества самих приёмов данного уровня. Самым распространённым

лексико-синтаксическим СП является приём сравнения. Данный приём позволяет наиболее ёмко охарактеризовать персонажей, как внешние их черты, так и внутренние. Наглядным примером употребления автором сравнения может послужить следующий отрывок: *She seemed to be avoiding her surroundings, as if she remained safe in the little obscurity of her parasol* [Lawrence, 2004: 192]. Эксплицитность сравнения разрешает донести информацию доступным и упрощенным способом, впрочем, не умаляя красочности и живописности создаваемых ассоциаций. В некоторых случаях, автор прибегает к аллюзивным сравнениям (к примеру, с библейскими фигурами), что требует от читателя эрудированности.

Среди лексико-синтаксических СП можно также выделить перифраз. С помощью данного приёма автору удастся избегать однотипных выражений, например: *As an adjunct, as an accessory, he was perfect* [Lawrence, 1990: 14]. СП позволяет создавать дополнительные ассоциативные связи, придающие образу героя новые характеристики. В отдельных случаях через перифраз выражается оценочное отношение персонажей друг к другу.

В ходе исследования также удалось зафиксировать фонографические СП – самую малочисленную группу экспрессивных средств (76 единиц, 3%). Фонографические средства являются действенным стилистическим средством повышения эмоциональности высказывания. Высокой частотностью в произведениях Д. Г. Лоуренса отличается СП курсива, например: *Should he make over his own life and body to the control of something which he knew was inferior, in spirit, to his own self?* [Lawrence, 1990: 39]. В идиостиле автора данное явление является вспомогательным, контекстно-зависимым средством визуальной актуализации. Частое использование графического выделения говорит о значимости СП для текстопостроения. Основная роль курсива в произведениях Лоуренса – смещение логического акцента высказывания, пробуждение рефлексии читателя.

3.2. Функциональная значимость стилистических средств создания образов.

Стилистические средства и их концентрация способствуют усилению концептуальности художественного текста, а также выступают маркером экспрессивности отдельных фрагментов текста. Имплементация стилистических средств в художественном тексте способствует более точному и яркому выражению творческого замысла писателя. Созданные с помощью стилистических приёмов образы литературных персонажей полностью подчиняются идее автора и содержанию самого произведения. Воздействуя на реципиента, стилистические средства обладают различной функциональной значимостью. Представляется возможным выделить следующие функции стилистических приёмов:

- 1) изобразительная функция;
- 2) характерологическая функция;

- 3) эмоционально-выделительная функция;
- 4) оценочная функция;
- 5) выделительно-акцентирующая функция;
- 6) интонационно-ритмическая функция.

На основании проведенного анализа стилистических приёмов в рассказах Д. Г. Лоуренса в таблице 2 отображена частотность каждой из функций.

Таблица 2. Функции стилистических средств, участвующих в создании образов

Тип функции	Кол-во	%	Пример
Характерологическая	241	38	<i>She worked at her sewing with energy, listening to the children, and her anger wearied itself, lay down to rest, opening its eyes from time to time and steadily watching, its ears raised to listen [Lawrence, 2004: 287].</i>
Изобразительная	180	28	<i>But she found a place: a rocky bluff, shoved out to the sea and sun and overgrown with large cactus, the flat-leaved cactus called prickly pear. Out of this blue-grey knoll of cactus rose one cypress tree, with a pallid, thick trunk, and a tip that leaned over, flexible, up in the blue. It stood like a guardian looking to sea; or a low, silvery candle whose huge flame was darkness against light: earth sending up her proud tongue of gloom [Lawrence, 1995: 21].</i>
Эмоционально-выделительная	106	17	<i>«You villain!» she cried. «You villain, to come to this house and dare to speak to me. You villain, you down-right rascal!» [Lawrence, 1990: 184].</i>
Выделительно-акцентирующая	42	7	<i>Her eyes searched him, and searched him, to see if he would recognize her, if she could discover him [Lawrence, 2004: 189].</i>
Оценочная	40	6	<i>Beside the path hung disheveled pink chrysanthemums, like pink cloths hung on bushes [Lawrence, 2004: 281].</i>
Интонационно-ритмическая	26	4	<i>The voices in the house suddenly went mad, like a chorus of frogs on a spring evening. There were certain new furnishings, and Paul had a tutor. He was really going to Eton, his father's school, in the following autumn. There were flowers in the winter, and a blossoming of the luxury Paul's mother had been used to. And yet the voices in the house, behind the sprays of mimosa and almond-blossom, and from under the piles of iridescent cushions, simply trilled and screamed in a sort of ecstasy: «There must be more money! Oh-h-h; there must be more money. Oh, now, now-w! Now-w-w – there must be more money! – more than ever! More than ever!» [Lawrence, 1995: 239].</i>
Всего:	635	100	

Результаты исследования показывают, что Д. Г. Лоуренс в процессе создания образов протагонистов использует стилистические приёмы в основном для тщательного описания характеров героев прямыми и косвенными методами. Об этом свидетельствует наибольший процент (241 контекст, 38%) случаев употребления стилистических средств в характерологической функции. Данный факт свидетельствует о тенденции писателя к психологизму, направленности творческой мысли к индивидууму, проникновение в причинно-следственные связи становления характера и мировоззрения главного героя.

Второй по значимости функцией является изобразительная (180 контекстов, 28%). Изобразительная функция предназначена для выделения смыслообразующих элементов общей картины. Такую функцию выполняют описания, объектами которых являются детали внешности персонажа, его поведение, образы природы. Пейзажные картины помогают в детализировании психологического состояния героя, поскольку лоуренсовский персонаж зачастую стремится быть единым с природой.

Речь персонажей также наполнена стилистическими средствами, преимущественно синтаксическими приёмами, которые заключают в себе эмоционально-выделительную функцию (106 контекстов, 17%). Рассматривая эмоционально-выделительную функцию, стоит вспомнить, что эмоциональность является составляющей экспрессивности, пронизывающей как эмоциональное, так и интеллектуальное. Данная функция акцентирует эмоциональное состояние и настроение, переживаемые персонажем.

На одинаково низком количественном уровне находятся выделительно-акцентирующая функция (42 контекста, 7%) и оценочная (40 контекстов, 6%). Выделительно-акцентирующая функция призвана отобразить смысловой акцент на концептуально важной информации. Так, автор выделяет субъективные характеристики персонажей или оценки происходящего. Оценочная функция реализуется в двух видах: положительное или отрицательное отношение автора или персонажа к чему-либо или кому-либо. Ввиду небольшого процента контекстов, репрезентирующих данную функцию, воздействующая роль автора на реципиента сокращается, позволяя читателям конструировать своё отношение к персонажам исходя из собственной перспективы. Расставляя смысловые акценты, Д. Г. Лоуренс лишь направляет читателя и создаёт более свободное поле для интерпретации художественного текста со стороны читателя.

Наименее представленный тип функций стилистических средств – интонационно-ритмический – составляет 4% от общего числа выборки (26 контекстов). Интонационно-ритмическая функция заключается в способности стилистических приёмов изменять интонацию определённого отрывка текста и его ритмический рисунок. Данная функция чаще

всего реализуется посредством скопления стилистических средств в пределах сверхфразового единства. Подобные случаи организации текстового материала в индивидуальном стиле автора содействуют созданию размеренного темпа повествования, не перенасыщая его при этом чрезмерно сложными конфигурациями экспрессивных средств языка.

4. Выводы

Анализ малой прозы Дэвида Герберта Лоуренса показал, что характерной чертой идиостиля автора являются стилистические конвергенции. Принцип конвергенции применяется автором для достижения особенной выразительности тех или иных участков текста, которые при этом становятся смысловыми контрапунктами повествования. Стилистические приёмы сами по себе имеют определенный экспрессивный потенциал, но в случае скопления приёмов они способны усилить и интенсифицировать изначально заданный потенциал. В подобных сосредоточениях экспрессивных средств можно отметить комбинации различных стилистических приёмов таких уровней, как лексический, синтаксический, лексико-синтаксический и фонографический. Среди типичных для писателя лексических стилистических средств данного уровня необходимо выделить эпитеты и метафоры, имеющих особый экспрессивно-эмоциональный потенциал в описании главных героев. Кроме этого, в слоге Д. Г. Лоуренса заметна тенденция к комбинированию синтаксических приёмов обособления, инверсии и повтора, что создаёт узнаваемый ритм и темп прозы. Графическим излюбленным средством писателя является курсив. Хотя его использование носит несистематический характер, всё же существует определённая склонность автора к диалогу с читателем посредством графики – происходит смещение логического акцента высказывания, инициируется осмысление акцента реципиентом.

В ходе исследования особенностей функционирования стилистических средств создания образов в рассказах Д. Г. Лоуренса было определено, что большинство текстовых фрагментов обладают характерологической и изобразительными функциями. Данный факт объясняется, прежде всего, тем, что для писателя важно сконструировать полноценный психологический облик протагониста, а портретные описания и картины природы помогают в детализировании психологического состояния героя, поскольку персонаж Лоуренса зачастую стремится быть единым с природой. Выявленные особенности функционирования стилистических средств вполне соответствует творческим принципам автора, заключающихся в пристальном внимании к внутреннему миру героя, заинтересованности в иррациональном, инстинктивном поведении человека, стихийном выражении его индивидуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесова Н. В. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики // Вестник Югорского государственного университета. 2010. № 2 (17). С. 5-9.
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Москва: Флинта, 2016. 384 с.
3. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: смысловое развертывание поэтического текста и его интерпретация // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (210). С. 174-182.
4. Борисова Е. Б. Художественный образ в параллельных текстах: опыт общелингвистического анализа. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. 247 с.
5. Булашова Н. М. «Англия, моя Англия» – родина У. Хенли и Д. Г. Лоуренса // Всемирная литература в контексте культуры. Москва: Типография «Старая Вятка», 2011. С. 87-92.
6. Булашова Н. М. Литературные аллюзии в заглавиях рассказов Д. Г. Лоуренса («Самсон и Далила», «Новая Ева и ветхий Адам») // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 3 (2). С. 139-142.
7. Калиниченко В. В. Синтез культурных традиций запада и востока в рассказе Д. Г. Лоуренса «Запах хризантем» // Уральский филологический вестник. 2012. № 4. С. 110-120.
8. Кухаренко В. А. Интерпретация. Москва: Флинта, 2019. 314 с.
9. Скрипак И. А. Метафоризация как коннотативный аспект экспрессивности // Педагогическая наука и практика – региону. Ставрополь: ООО «Бюро новостей», 2006. С. 255-258.
10. Хасанова Н. Ф. Категория экспрессивности и ее соотношение с категориями интенсивности, эмоциональности, эмотивности и образности // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. № 6. С. 105-108.
11. Чернова С. В. Художественный образ: к определению понятия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 109-116.
12. Чернышева Т. А. Идиостиль: лингвистические контуры изучения // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 1. С. 30-34.
13. Becket F. Borderlands: The Intersection of the Religious and the «Natural» in Lawrence // Études Lawrenciennes. 2005. No. 33. Pp. 43-60.
14. Johnson J. The Animal in D. H. Lawrence: A Struggle against Anthropocentrism // D. H. Lawrence: New Critical Perspectives and Cultural Translation. 2016. P. 145-164.
15. Skrebnev Y. M. Fundamentals of English Stylistics. Moscow: Astrel, 2003. 224 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Lawrence D. H. England, My England and Other Stories. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 273 p.
2. Lawrence D. H. The Prussian Officer and Other Stories. Kessinger Publishing, LLC, 2004. 316 p.
3. Lawrence D. H. The Woman Who Rode Away and Other Stories. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 296 p.

REFERENCES

1. Avanesova, N. V. (2010). Emotsionalnost i ekspressivnost – kategorii kommunikativnoy lingvistiki [Emotionality and expressiveness – categories of communicative linguistics]. In *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (17). Pp. 5-9. (In Russ.).
2. Arnold, I. V. (2016). *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moskva: Flinta. (In Russ.).
3. Bolotnova, N. S. (2020). Kommunikativnaya stilistika teksta: smyslovoe razvertyvanie poeticheskogo teksta i ego interpretatsiya [Communicative stylistics of the text: semantic unfolding of the poetic text and its interpretation]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4 (210). Pp. 174-182. (In Russ.).
4. Borisova, E. B. (2018). *Khudozhestvennyy obraz v parallelnykh tekstakh: opyt obshchey filologicheskoy analiza* [Artistic image in parallel texts: experience of general philological analysis]. Samara: Izd-vo SGSPU. (In Russ.).
5. Bulashova, N. M. (2011). «Angliya, moya Angliya» – rodina U. Khenli i D. G. Lourensa [«England, my England» – the homeland of W. Henley and D. H. Lawrence]. In *Vsemirnaya literatura v kontekste kultury*. Moskva: Tipografiya «Staraya Vyatka». Pp. 87-92. (In Russ.).
6. Bulashova, N. M. (2011). Literaturnye allyuzii v zaglaviyakh rasskazov D. G. Lourensa («Samson i Dalila», «Novaya Eva i vetkhiy Adam») [Literary allusions in the titles of D. H. Lawrence's stories («Samson and Delilah», «New Eve and Old Adam»)]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. No. 3 (2). Pp. 139-142. (In Russ.).
7. Kalinichenko, V. V. (2012). Sintez kulturnykh traditsiy zapada i vostoka v rasskaze D. G. Lourensa «Zapakh khrizantem» [Synthesis of the Eastern and Western traditions in D. H. Lawrence's short story «Odour of chrysanthemums»]. In *Uralskiy filologicheskii vestnik*. No. 4. Pp. 110-120.
8. Kukhareno, V. A. (2019). *Interpretatsiya* [Interpretation]. Moskva: Flinta. (In Russ.).
9. Skripak, I. A. (2006). Metaforizatsiya kak konnotativnyy aspekt ekspressivnosti [Metaphorization as a connotative aspect of expressivity]. In *Pedagogicheskaya nauka i praktika – regionu*. Stavropol: OOO «Byuro novostey». Pp. 255-258. (In Russ.).
10. Khasanova, N. F. (2015). Kategoriya ekspressivnosti i ee sootnoshenie s kategoriyami intensivnosti, emotsionalnosti, emotivnosti i obraznosti [The category of expressiveness and its relationship with the categories of intensity, emotionality, emotivity and imagery]. In *Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh*. No. 6. Pp. 105-108. (In Russ.).
11. Chernova, S. V. (2014). Khudozhestvennyy obraz: k opredeleniyu ponyatiya [Artistic image: to the definition of the concept]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. No. 6. Pp. 109-116. (In Russ.).
12. Chernysheva, T. A. (2010). Idiostil: lingvisticheskie kontury izucheniya [Idiostyle: linguistic contours of study]. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1. Pp. 30-34. (In Russ.).
13. Becket, F. (2005). Borderlands: The Intersection of the Religious and the «Natural» in Lawrence. In *Études Lawrenciennes*. No 33. Pp. 43-60.
14. Johnson, J. (2016). The Animal in D. H. Lawrence: A Struggle against Anthropocentrism. In *D. H. Lawrence: New Critical Perspectives and Cultural Translation*. Pp. 145-164.
15. Skrebnev, Y. M. (2003). *Fundamentals of English Stylistics*. Moscow: Astrel.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Lawrence, D. H. (1990). *England, My England and Other Stories*. Cambridge: Cambridge University Press.

2. Lawrence, D. H. (2004). *The Prussian Officer and Other Stories*. Kessinger Publishing, LLC.

3. Lawrence, D. H. (1995). *The Woman Who Rode Away and Other Stories*. Cambridge: Cambridge University Press.

Бессонова Ольга Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии (e-mail: o.bessonova@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Bessonova Olga L. – Doctor of Philology, Professor, Head of English Philology Department (e-mail: o.bessonova@donnu.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Кравченко Мария Игоревна – магистрант кафедры английской филологии (e-mail: mravch@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kravchenko Maria I. – Master degree student of English Philology Department (e-mail: mravch@yandex.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 04 мая 2023 г.

МОДЕРИРОВАННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК СРЕДСТВО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА

В данной статье рассматриваются особенности выражения снижения / предотвращения когнитивного диссонанса посредством умеренного высказывания в процессе речевого взаимодействия с учетом принципов организации коммуникации, в частности максим вежливости Дж. Лича, принципов положительной и отрицательной вежливости П. Браун и С. Левинсона. В результате когнитивно-лингвистического и прагматико-лингвистического анализа уточняются факторы, обуславливающие возникновение когнитивного диссонанса, и выделяются типы умеренного высказывания, наиболее активно используемые для нейтрализации когнитивного диссонанса.

Ключевые слова: *умеренное высказывание, коммуникативная интенция сдержанности, модератор, когнитивный диссонанс, консонанс, консонансные отношения, диссонансные отношения.*

© 2023 S. N. Kishko

MODERATED UTTERANCE AS A MEANS OF COGNITIVE DISSONANCE NEUTRALIZATION

The article touches upon the peculiarities of expressing cognitive dissonance reduction / prevention by means of moderated utterance in the process of speech interaction with taking into consideration the communication principles, namely politeness maxims by G. Leech and principles of positive and negative politeness by P. Brown and S. Levinson. As a result of cognitive-linguistic and pragmatic-linguistic analysis factors causing cognitive dissonance are clarified as well as types of moderated utterances which are most used for cognitive dissonance neutralization are defined.

Key words: *moderated utterance, communicative intention of moderation, moderator, cognitive dissonance, consonance, consonance relations, dissonance relations.*

На современном этапе развития коммуникативной лингвистики одним из ведущих направлений исследований является анализ межличностного взаимодействия коммуникантов, где успешность речевого акта рассматривается как одно из важнейших условий коммуникации.

Актуальность данной работы обуславливается повышенным интересом лингвистических студий к вопросам вербального проявления когнитивной деятельности говорящего. Однако, несмотря на значительный интерес к этой проблеме, и тот факт, что стремление к уменьшению диссонанса является базовым процессом, свойственным человеку с психологической точки зрения, специфика нейтрализации когнитивного диссонанса посредством умеренного высказывания до сих пор не рассматривалась.

Исследованию когнитивного диссонанса посвящены многие работы, в частности

Т. В. Дроздова рассматривает когнитивный диссонанс как естественную составляющую речевого взаимодействия в процессе создания художественного пространства и формирования литературно-художественного образа тем самым, придавая ему статус когнитивно-коммуникативной категории [Дроздова, 2011]. В работе В. З. Демьянкова анализ когнитивного диссонанса осуществляется на материале медиадискурса, в частности, анализируя противоречия между заглавием и содержанием текста газетной статьи на русском языке, ученый подчеркивает возможность возникновения разного рода «языковых игр», обусловленных неадекватной интерпретацией медиа сообщений [Демьянков, 2011]. Т. Н. Иванова (Шелингер) акцентирует внимание на том, что когнитивный диссонанс является одной из основных когнитивных характеристик конфликтного общения [Иванова, 2015]. Д. С. Солобуто описывает когнитивный диссонанс с позиций лингвостилистики на материале английской художественной прозы, классифицируя диссонансные явления на лингвистические и нелингвистические [Солобуто, 2015]. О. А. Леонтович считает когнитивный диссонанс важнейшим атрибутом межкультурной коммуникации [Леонтович, 2015].

Первоначально понятие «когнитивный диссонанс» было введено в научный оборот в социальной психологии Л. Фестингером, который определяет данный психологический феномен как существование противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний, т. е. мнений или убеждений индивида относительно окружающего мира, самого себя, своего собственного поведения [Фестингер, 2018].

Со временем, как показывает вышеупомянутый обзор научной литературы по указанной проблематике, данное понятие вошло и в лингвистический оборот, поскольку теория когнитивного диссонанса дает возможность ученым рассматривать коммуникативную деятельность как систему последовательно развертывающихся действий, включающих различного рода консонансные (конгруэнтные), (т. е. непротиворечивые) и диссонансные (неконгруэнтные) (т. е. противоречивые) отношения, отражающих особенности человеческого мышления и психики. В таком свете теория когнитивного диссонанса (далее КД) актуальна и применима в лингвопрагматике. Так, с лингвопрагматической точки зрения, если под знаниями понимать существующие правила организации коммуникации в том или ином лингвокультурном сообществе, то КД выступает как противоречие / несоответствие продуцируемого говорящим высказывания существующим ценностным нормам и принципам, принятым в данном речевом коллективе, стереотипам поведения, присущим определенному этносу и определяющим отношение индивида к действительности и другим людям; коммуникативным и

культурным нормам, в результате чего на этой основе возникают конфликтные ситуации, и лицо продуцента и/или реципиента высказывания подвергается угрозе.

Целью данной статьи является анализ роли модерированного высказывания (далее МВ) в речевой деятельности коммуникантов для снижения / предотвращения когнитивного диссонанса с учетом основных принципов организации коммуникации, а именно максим вежливости, принципов положительной и отрицательной вежливости, а также факторов, обуславливающих возникновение когнитивного диссонанса в ходе речевого взаимодействия.

Объектом данной статьи являются модерированные высказывания, используемые для снижения / предотвращения когнитивного диссонанса в современном англоязычном художественном дискурсе.

Предметом в данной работе выступают особенности функционирования модерированного высказывания в речевой деятельности коммуникантов для снижения / предотвращения когнитивного диссонанса.

Материалом исследования послужили 810 модерированных высказываний, отобранных методом контекстуальной выборки из текстов современной художественной литературы на английском языке.

В своих ранних публикациях мы отмечали, что одной из характерных черт речевого поведения англоязычной личности является коммуникативная интенция сдержанности, состоящая в сознательном смягчении иллокуции речевого акта, т. е. придание смыслу сообщаемого более умеренного (менее самоуверенно-категоричного, безапелляционного и т. п.) тона (от *англ.* moderation – an avoidance of extremes [Webster's Third New International Dictionary, 2005: 1451]), которая находит свое вербальное выражение в модерированном высказывании. Последнее определяется как высказывание, в структуре которого содержатся модераторы, т. е. языковые и дискурсивные единицы, являющиеся иллокутивными показателями реализации говорящим указанной интенции [Кишко, 2007; 2019].

Одной из теоретических предпосылок предпринятого нами анализа роли МВ для нейтрализации КД является регулирующее воздействие на речемыслительную деятельность говорящего таких максим вежливости Дж. Лича, как максима «одобрения» – избегай выражать неодобрение по отношению к адресату, чьи интересы затронуты речевым актом, максима «симпатии» – своди к минимуму антипатию между собой и собеседником, максима «уклончивости» – «выражайся косвенно», а также теории вежливости П. Браун и С. Левинсон, включающей положительную и отрицательную вежливость [Leech, 1983; Brown, 1987]. Теория вежливости, в свою очередь, базируется на

понятии лица, введенным в научный оборот Э. Гоффманом, – позитивный образ самого себя в глазах общества (англ. *positive public self-image*), к которому каждый индивид стремится так настойчиво, что важным является сохранения, как своего лица, так и лица собеседника [Goffman, 1967]. П. Браун и С. Левинсон, конкретизируя данное понятие в своей теории вежливости, рассматривают положительную вежливость как повышенный интерес и внимание к собеседнику, подчеркнутую расположенность, демонстративную обходительность, сближение коммуникантов, стремление к признанию, одобрению своих действий и т. д., что, в конечном итоге, способствует сохранению положительного лица (англ. *positive face*). Отрицательная вежливость трактуется как стремление к свободе действий, свобода от вмешательства в личностное пространство, социальное дистанцирование, соблюдение интерперсональных границ между собеседниками, демонстрация уважения их личной автономии, минимизация коммуникативного давления, что, в свою очередь, способствует сохранению отрицательного лица (англ. *negative face*) [Brown, 1987].

Угроза лицу коммуникантов является достаточно распространенным явлением и содержится, прежде всего, в оценочных высказываниях, выражающих отрицательную оценку окружающего мира, в том числе адресата, 3-го лица, их характеристик (индивидуально-психологических, этических и др.), которая, в свою очередь, является одной из причин возникновения когнитивного диссонанса.

Анализ эмпирического материала показал, что одним из средств нейтрализации КД является МВ, в которых говорящий смягчает отрицательную оценку реалий объективной действительности и тем самым нейтрализует когнитивный диссонанс. По результатам количественного анализа данная разновидность МВ составляет 530 высказываний от общего количества выборки (810 единиц).

Данный тип МВ обусловлен социокультурными моральными ценностями и нормами, требующими смягчения отрицательной оценки объекта интенции в процессе коммуникации, и регулируется принципами положительной вежливости, а именно, максимами «одобрения» и «симпатии» [Brown, 1987; Leech, 1983]. Это может проявляться в намеренном преуменьшении продуцентом высказывания негативных качеств обозначаемого объекта – диссонансного элемента. Рассмотрим следующие примеры.

(1) A – *She can be a little abrupt.*

B – *Abrupt? She's a cobra in heels and lipstick* [Baldacci, 2004: 263] ‘Она может быть немного грубой. – Грубой? Да, она просто кобра на каблуках и в помаде’ (здесь и далее перевод наш).

Пример (1) иллюстрирует диссонанс, вызванный противоречием в оценке 3-го лица. Неконгруэнтные (диссонансные) отношения в процессе речевого взаимодействия проявляются в том, что говорящий А использует модерированное высказывание, выбирая более умеренную форму выражения своей неприязни к грубости манер девушки, модерируя иллокуцию высказывания словом *a little*, в то время как говорящий Б категорично выражает несогласие (*Abrupt?*), при этом выражает свою собственную оценку, используя образную метафору – *a cobra in heels and lipstick*, выражающую его стойкую неприязнь к девушке (объекту оценки).

(2) – *Look, Mum, Charlotte said, ... get a decent job. What's going on just now is pretty silly.*

– *Silly?*

– *In all honesty, I can't support this supermarket.*

Anna turned away. Charlotte watched her and then said, almost without meaning to, – Sorry.

– *That's all right, Anna said* [Trollope, 1991: 132] ‘– Мама, послушай, найди приличную работу. То, что происходит сейчас, просто глупо. – Глупо? – Честно, я никак не одобряю. Анна отвернулась. Шарлотта наблюдала за ней, а затем, совершенно естественно сказала: «Извини». «Все нормально», ответила Анна’.

Пример (2) иллюстрирует диссонанс, вызванный противоречием в отношении к работе в магазине: Анне (матери) нравится эта работа, Шарлотта (ее дочь) стыдится своей матери из-за этого. Диалогическое единство представлено последовательностью коммуникативных ходов, включающих как консонансные, так и диссонансные отношения. Шарлотта при всем своем неодобрении поступка матери использует МВ, в котором иллокуция отрицательной оценки модерируется посредством модератора *pretty*, с последующим речевым актом извинения. Анна, напротив, выражает несогласие (*Silly?*), усиленное невербальным компонентом кинесики – отворачивается, однако извинение способствует устранению диссонанса (*That's all right*) в конце коммуникации.

(3) *I suppose he is a pretty unmitigated rascal* [Maugham, 1977: 189]. ‘Я считаю, что он отъявленный мошенник’; (4) *I'm afraid, you know, you're rather an idealist* [Christie, 1977: 107] ‘Боюсь, что вы – идеалист’.

В примерах (3), (4) для уменьшения степени когнитивного диссонанса резкость отрицательного восприятия неэтичного поведения 3-го лица, личностных характеристик адресата снижена модераторами *I suppose, I'm afraid*, подчеркивающими, что высказанная нелестная характеристика – это всего лишь точка зрения говорящего, которую собеседник может не разделять; модераторы *pretty, rather* выражают, что это качество развито не в максимальной мере.

(5) *And didn't you more or less lead the way in your sex life?* [Bartel, 1985: 318] 'А вы в своей сексуальной жизни как-то лидируете?'

В примере (5) говорящий, выражая оценку индивидуально-психологических особенностей адресата, прибегает к использованию модераторов *more or less* с целью ослабления возможного негативного воздействия на адресата номинации («быть активным партнером в сексе»), которая могла бы вызвать у коммуникантов взаимный дискомфорт.

Когнитивный диссонанс также возникает между двумя такими когнитивными элементами, как представлением говорящего о себе и представлениями других, которые не соответствуют / противоречат его самооценке, и таким образом содержат угрозу его положительному лицу, вызывая чувство определенного дискомфорта. В соответствии с Я-концепцией самоутверждения (англ. *self-affirmation* – [Steele, 1988]), говорящий, как правило, проявляет заботу о собственном лице и старается выгодно подать себя. Стремление к положительной самопрезентации удовлетворяет стремление говорящего к сохранению собственного положительного социального лица, позволяет ему избежать чувства стыда или неловкости, способствует созданию благоприятного впечатления, удовлетворению самолюбия, повышению социальной приемлемости и т. п.

В МВ данного типа говорящий, проявляя самокритичность (говоря, например, о поступках или качествах, которые не показывают его в выгодном свете), смягчает отрицательную самооценку с помощью модераторов.

(6) *I may be a little rusty but I was on a horse before I could walk* [Rustand, 2004: 13] 'Может быть, я и отстал от жизни, но я ездил на лошади до того как научился ходить'.

В примере (6), признавая свою слабость (*rusty* – мет. «постаревший, отставший от жизни»), говорящий пытается сохранить чувство собственного достоинства, отразить угрозу собственному «Я», хвастаясь достижениями молодости.

(7) – *This is ridiculous.*

– *I know. I look pretty stupid and I'm sorry I smell like beer* [Kellerman, 1999: 493] '– Это глупо. – Я знаю. Я выгляжу довольно глупо и пахну пивом, извини'.

Пример (7) иллюстрирует консонансные отношения: оба коммуниканта единодушны в оценке ситуации. Однако говорящий, предупреждая возможный диссонанс, признает свои недостатки, представляет себя в более выгодном свете, смягчая пафос самообличения с помощью различных модераторов (подчеркнуты).

Снижение когнитивного диссонанса может осуществляться использованием речевого приема компенсации, суть которого состоит в номинации положительных характеристик / качеств обозначаемого объекта оценки в противовес отрицательным.

В структуре таких модерированных высказываний первая пропозиция содержит аксиологический знак «плохой» или его синонимы, т. е. отрицательную оценку объекта в терминах социально неодобряемых атрибутов, другая – аксиологический знак «хороший» или его синонимы и выполняет «компенсирующую» функцию. Примером такого приема является использование структур сложносочинительного предложения с противительным союзом *but*, и структур сложноподчинительного предложения с уступительным придаточным предложением с союзами *although / though*.

(8) *The man was a boor and a bully **but**, to be fair to him, he was doing his best to fetch up six kids on his own since his wife died* [Joseph, 1990: 11] ‘Мужчина был грубым и невоспитанным, но, надо отдать ему должное, он делал все возможное, чтобы поставить детей на ноги после смерти жены без чьей-либо помощи’. В данном высказывании «дефектность» объекта, выраженная в первой пропозиции высказывания (грубый, невоспитанный человек), представляет собой диссонансные когнитивные элементы. Этот диссонанс уравнивается указанием на наличие у него положительных черт, выраженных в другой пропозиции высказывания (делал все возможное, чтобы поставить детей на ноги после смерти жены) – риторический прием компенсации.

(9) *The place was dark, smoky, and smelled ripe. Roomy, though* [Kellerman, 1999: 83] ‘Своему отрицательному впечатлению от комнаты (темная, прокуренная) говорящий противопоставляет положительную характеристику (просторная) – риторический прием компенсации’.

Другой причиной возникновения КД является нарушение свободы действий собеседника / адресата, вызванное использованием императивных речевых актов, таких как приказ, предложение, требование, просьба, приглашение и т. п. Данные речевые акты уже традиционно относятся к классу ликоповреждающих для социального лица участников коммуникации (в английской терминологии ‘face-threatening acts’), поскольку они несут угрозу как лицу адресата, которому необходимо принять решение: подчиниться директиве или нет, так и лицу адресанта, который создал такую ситуацию.

В этом случае, в условиях взаимоуязвимости лица, предотвращение КД реализуется посредством МВ, которые направлены на смягчение продуцентом иллокуции таких ликоповреждающих актов. По результатам количественного анализа, они составляют 280 МВ от общего количества выборки. Данная разновидность МВ коррелирует с принципами отрицательной вежливости, предписывающих невмешательство в личностное пространство собеседника и конкретизирующихся, в частности, в максиме «выражайся косвенно, будь уклончив», и, таким образом, направлены на сохранение отрицательного

лица, как адресата, так и адресанта [Leech, 1983; Brown, 1987].

Примерами такого типа МВ являются конвенционально косвенные высказывания, которые позволяют не оказывать прямого давления на адресата и тем самым минимизировать указанную угрозу.

(10) *I'd give it to the FBI, if I were you* [Baldacci, 2004: 193] 'На твоём месте, я бы все это предоставил ФСБ'.

Пример (10) демонстрирует стремление говорящего выразить свое требование в предельно вежливой форме, что достигается использованием условного наклонения: иллюкуция приказа выражена имплицитно, что способствует уменьшению диссонанса, поскольку хотя бы формально (чисто теоретически) допускается возможность отказа со стороны адресата.

В примере (11) *I'm sorry to upset your plans, but I must request you to give your escort elsewhere* [Christie, 1989: 108] 'Извините, что нарушаю ваши планы, но я вас очень прошу обеспечить сопровождение повсюду'. Использование извинения предшествует императиву и является признанием факта вторжения в личную зону собеседника, ее нарушения и выражением сожаления по этому поводу. Говорящий признает и уважает потребности адресата и не будет (разве что минимально) стеснять свободу его действий.

Кроме императивных РА, когнитивный диссонанс вызывают также такие ликоповреждающие РА, как отказ, несогласие и т. п. [Кишко, 2020].

(12) *I'm afraid, I don't share your point of view* [Rustand, 2004: 16]. 'Боюсь, я не разделяю вашу точку зрения'. В примере (12) использование модератора *I'm afraid* позволяет говорящему выразить свое несогласие с мнением собеседника в умеренном тоне, минимизируя диссонанс, не доводя ситуацию до конфликта.

(13) – *Will you be interested in having dinner with me?*

– *The thing is I sort of have a boy friend.*

– *Sure, yeah. I'm sorry* [Baldacci, 2004: 125] '– Вы не пообедаёте со мной? – Дело в том, что у меня есть парень. – Извините'. В примере (13) отказ от предложенного ужина выражен косвенно, что способствует нейтрализации диссонанса. Адресат производит ответный коммуникативный ход, иллюстрирующий конгруэнтные отношения: говорящий, получив отказ, осознаёт опрометчивость своего предложения, меняет свое поведение и извиняется за нарушение личного пространства своего собеседника – когнитивный диссонанс нейтрализован.

Другим средством модерации иллюкуции отказа является использование риторического приема аргументации – разновидность дискурсивного модератора.

(14) *I can't tell you. Not now. I know that may seem rude and unfair but I've been doing research and investigating a matter that I really don't have time to discuss at the moment* [Baldacci, 2004: 53] 'Я не могу тебе сказать. Не сейчас. Знаю, что, возможно, это грубо и несправедливо, но я провожу исследование, занимаюсь расследованием, и у меня, действительно, нет сейчас времени обсуждать все это'.

(15) – *I'm having a small dinner party on Saturday and was hoping you could come. – I'm sorry, I've got plans, thanks anyway. Maybe another time* [Baldacci, 2004: 34] '– Я устраиваю небольшую вечеринку в субботу и очень надеюсь, что ты придешь. – Извини, но у меня свои планы. В любом случае спасибо за приглашение, может быть, в другой раз'.

В примерах (14) и (15) риторические приемы аргументации (ссылка на проведение исследования и отсутствие времени для разговоров или ссылка на свои планы и возможность встречи в будущем) нейтрализуют диссонанс, вызванный отказом, и сглаживают конфликтную ситуацию.

Проведенное исследование роли модерированного высказывания в речевой деятельности коммуникантов для снижения / предотвращения когнитивного диссонанса на материале английского художественного дискурса позволило сделать следующие выводы.

Использование модерированного высказывания является одним из эффективных языковых средств, способствующих уменьшению / предотвращению когнитивного диссонанса через установление конгруэнтной когнитивной репрезентации окружающего мира.

Уменьшение / предотвращение диссонанса осуществляется модерированными высказываниями, использование которых обусловлено такими принципами организации коммуникации, как максимы одобрения и симпатии, принципами положительной вежливости, направленных на сохранение и поддержку положительного лица адресата и предполагающих позитивность в оценке других, а также отрицательной вежливости, предписывающей невмешательство в личностное пространство адресата и направленной на сохранение и поддержку отрицательного лица. Нейтрализация когнитивного диссонанса маркируется адекватными языковыми и дискурсивными модераторами.

Факторами, обуславливающими появление когнитивного диссонанса, являются отрицательная оценка, которая несет угрозу лицу адресата / 3-го лица, противоречия в оценке окружающего мира, несоответствие между представлениями говорящего о себе и представлениями других, нарушение свободы действий адресата, вызванное использованием целого ряда ликоповреждающих речевых актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков В. З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: Москва: Институт языкознания РАН; Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2011. Вып. 9. С. 33-40.
2. Дроздова Т. В. Явление когнитивного диссонанса в контексте литературно-художественного произведения (на материале английского языка) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки» Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. № 6(101). Вып. 9. С. 126-132.
3. Иванова (Шелингер) Т. Н. Когнитивное и коммуникативное в конфликтном речевом общении // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований. С. 725-728.
4. Кишко С. Н. К вопросу английского коммуникативного поведения (на материале коммуникативно-прагматической категории модерации) // Мир. Человек. Язык. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. С. 252-258.
5. Кишко С. Н. Сказать «нет» по-английски // Герценовские чтения. Иностранные языки. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 163-166.
6. Кишко С. Н. Модерация в свете теории высказывания // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. 2007. № 537. С. 51-54.
7. Леонтович О. А. Cognitive dissonance from the intercultural communication perspective // Russian Journal of Linguistics. 2015. Т. 19. № 4. С. 49-56.
8. Солобуто Д. С. Когнитивный диссонанс в лингвостилистической перспективе // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 19 (730). С. 128-139.
9. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. Москва: ООО «Издательство «Э», 2018. 41 с.
10. Brown P. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Univ. Press, 1987. 345p.
11. Goffman E. Interactional ritual. New York: Anchor Books, 1967. 270p.
12. Leech G. Principles of Pragmatics. Ch. 6: A survey of the interpersonal rhetoric. London, New York: Longman, 1983. 250 p.
13. Steele C. M. The psychology of self-affirmation: Sustaining the integrity of self // Advances in Experimental Social Psychology. New York: Academic Press, 1988. Vol. 2. P. 261-302.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Webster's Third New International Dictionary. Merriam-Webster Inc., Publishers Springfield, Massachusetts, U.S.A., 2005.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Baldacci D. Split Second. New York: Warner Vision Books, 2004. 496 p.
2. Bartel C. A Woman Like That. New York: Warner Books, 1985. 477 p.
3. Christie A. The Murder at the Vicarage. New York: Dodd, Mead & Co, 1977. 251 p.
4. Kellerman F. Moon Music. New York: Avon Books, 1999. 505 p.
5. Joseph M. The Traveling Man. London: Arrow, 1990. 316 p.
6. Maugham W. S. Rain and Short Stories. Moscow: Progress, 1977. 407 p.
7. Rustand R. Operation: Texas. Silhouette Superromance, 2004. 298 p.
8. Trollope J. The rector's wife. Black Swan, 1991. 285 p.

REFERENCES

1. Demyankov, V. Z. (2011). Kognitivnyy dissonans: kognitsiya yazykovaya i vneyazykovaya [Cognitive dissonance: lingual and extralingual cognition]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vzaimodeystvie kognitivnykh i yazykovykh struktur*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN; Tambov: Tambovskiy gos. un-t im. G. P. Derzhavina. Iss. 9. Pp. 33-40. (In Russ.).
2. Drozdova, T. V. (2011). Yavlenie kognitivnogo dissonansa v kontekste literaturno-khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale angliyskogo yazyka) [Phenomenon of cognitive dissonance in belles-lettres context (on the material of the English language)]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* Belgorod: Izd-vo BelGU. No. 6(101). Iss. 9. Pp. 126-132. (In Russ.).
3. Ivanova (Shelinger), T. N. (2015). Kognitivnoe i komunikativnoe v konfliktnom rechevom obshchenii [Cognitive and communicative features in the conflict speech interaction]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Iss. XXII: Yazyk i soznanie v mezhdistsiplinarnoy paradigme isledovaniya. Pp. 725-728. (In Russ.).
4. Kishko, S. N. (2019). K voprosu angliyskogo kommunikativnogo povedeniya (na materiale komunikativno-pragmaticheskoy kategorii moderatsii [On the problem of English communicative behavior (based on communicative-pragmatic category of moderation)]. In *Mir. Chelovek. Yazyk*. Vladimir: Izd-vo VIGU. Pp. 252-258. (In Russ.)
5. Kishko, S. N. (2020). Skazat «net» po-angliyski [To say 'No' in English]. In *Gertsenovskie chteniya. Inostrannye yazyki*. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. Pp. 163-166. (In Russ.).
6. Kishko, S. N. (2007). Moderatsiya v svete teorii vyskazyvaniya [Moderation from utterance theory perspective]. In *Vestnik Charkovskogo natsionalnogo universiteta im. V. N. Karazina*. No. 537. Pp. 51-54. (In Russ.).
7. Leontovich, O. A. (2015). Cognitive dissonance from the intercultural communication perspective. In *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 19. No. 4. Pp. 49-56.
8. Solobuto, D. S. (2015). Kognitivnyy dissonans v lingvistilisticheskoy perspective [Cognitive dissonance in linguostylistic perspective]. In *Vestnik MGLU*. Iss. 19 (730). Pp. 128-139. (In Russ.).
9. Festinger, L. (2018). *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [Theory of cognitive dissonance]. Moskva: OOO «Izdatelstvo E». (In Russ.).
10. Brown, P. (1987). *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge: Univ. Press.
11. Goffman, E. (1967). *Interactional ritual*. New York: Anchor Books.
12. Leech, G. (1983). *Principles of Pragmatics. Ch. 6: A survey of the interpersonal rhetoric*. London, New York: Longman.
13. Steele, C. M. (1988). The psychology of self-affirmation: Sustaining the integrity of self. In *Advances in Experimental Social Psychology*. New York: Academic Press. Vol. 2. Pp. 261-302.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

Webster's Third New International Dictionary. Merriam-Webster Inc., Publishers Springfield, Massachusetts, U.S.A., 2005.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Baldacci, D. (2004). *Split Second*. New York: Warner Vision Books.
2. Bartel, C. (1985). *A Woman Like That*. New York: Warner Books.
3. Christie, A. (1977). *The Murder at the Vicarage*. New York: Dodd, Mead & Co.
4. Kellerman, F. (1999). *Moon Music*. New York: Avon Books.
5. Joseph, M. (1990). *The Traveling Man*. London: Arrow.
6. Maugham, W. S. (1977). *Rain and Short Stories*. Moscow: Progress.

7. Rustand, R. (2004). *Operation: Texas*. Silhouette Superromance.
8. Trollope, J. (1991). *The rector's wife*. Black Swan.

Кишко Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии (e-mail: s.kishko@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Kishko Svetlana N. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: s.kishko@donnu.ru) Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 11 апреля 2023 г.

УДК 811.111'42

© 2023 С. Е. Кремзикова, А. А. Добрякова

КОНЦЕПТ СТИХИИ «FIRE» / 'ОГОНЬ' И СРЕДСТВА ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящена исследованию концепта стихии «Fire» 'огонь' и особенностей его объективации в английской языковой картине мира. Описана семантическая организация имени концепта «Fire» как словарной единицы в лексикографической интерпретации и как участника определенной деятельностной ситуации, вербализованной фразеологическими / паремиологическими контекстами, которые, рассматриваемые с когнитивной точки зрения, представляют собой свернутые формулы знаний об объектах, процессах и ситуациях. Анализ концептуального поля «Fire», на базе конкретных фразеологических единиц, выводит на уровень информации о внеязыковой ситуации, в которой «стихия» выступает как «активное начало» и определяет круг потенциальных участников этой ситуации, что свидетельствует о способности любой фразеологической конструкции выразить определенное мировосприятие. Выделены семантические признаки концептуального поля стихии «Fire» и исследованы средства их объективации, которые выражают особенности мировоззрения, характерные для англоязычной лингвокультуры.

Ключевые слова: концепт, стихия, объективация, активное начало, языковая картина мира.

© 2023 S. E. Kremzikova, A. A. Dobryakova

THE CONCEPT OF THE ELEMENT «FIRE» AND THE MEANS OF ITS REPRESENTATION IN THE ENGLISH LINGUISTIC WORLD IMAGE

The article is devoted to the study of the element «Fire» concept and the features of its objectification in the English linguistic world image. The semantic organization of the «Fire» concept name is described as a dictionary unit in lexicographic interpretation and as a participant in a certain activity situation, verbalized by phraseological / paremiological contexts, which, considered from a cognitive point of view, are convoluted formulas of knowledge about objects, processes, and situations. The analysis of the «Fire» conceptual field based on specific phraseological units brings to the level of information about the extralinguistic situation in which the «element» acts as an «active principle» and determines the circle of its potential participants, which indicates the ability of any phraseological construction to express a certain worldview. The semantic features of the element «Fire» conceptual field are singled out and the means of their objectification, which express the specifics of the worldview, characteristic of the English language culture, are investigated.

Key words: concept, element, objectification, active principle, linguistic world image.

Введение

На современном этапе развития лингвистики актуальным является вопрос о том, каким образом знания об окружающем мире находят свое отражение в языке. При этом языковые единицы рассматриваются не только как средство хранения и передачи знаний. Но также как средство, продуцирующее ментальность носителей языка. Представители

когнитивной лингвистики утверждают, что «национальная ментальность формируется конкретными факторами материальной среды бытования этноса (речь идет о природе и климате, пище, пейзаже, уровне природной и социальной адаптации в среде)» [Колесов, 2016: 74; Пименова, 2011, 2016]. Ментальность представляется «как фундамент картины мира народа», как концептуальная сетка, с помощью которой носители языка осуществляют познание мира, а «В языке ассимилируются только те знания, которые совпадают с существующей в нем концептуальной системой» [Колесов, 2016: 96; Пименова, 2011, 2016].

В последние десятилетия отечественные и зарубежные учёные занимаются подробным изучением и анализом концептов и их связи с языком и культурой (Н. Ф. Алефриенко [Алефриенко, 2008], А. П. Бабушкин [Бабушкин, 2018], С. Г. Воркачев [Воркачев, 2001], В. И. Карасик [Карасик, 2004; 2009], В. В. Колесов. [Колесов, 2011; 2016], Ю. С. Степанов [Степанов 2007], Г. Г. Слышкин [Слышкин 2004], М. В. Пименова [Пименова 2011; 2016]. Существуют различные варианты интерпретации этого термина. В работах Ю. С. Степанова концепт представляет собой способ описания действительности, включающий в себя не только внешние, логические признаки объекта, но и сопутствующие факторы восприятия: эмоции, психологию, окружающую обстановку, атмосферу [Степанов, 2007: 32]. Г. Г. Слышкин рассматривает концепт как «ментальную проекцию объективных элементов культуры» [Слышкин, 2004: 8]. Согласно дефиниции М. В. Пименовой, концепт – это «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2011: 126]. Языковые единицы могут выражать различные концепты, становясь таким образом языковым символом, связующим звеном между внешним миром и представлением о нём в сознании человека [Harras, 2000].

Как отмечают ученые, «концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих», поэтому исследование концепта предполагает исследование языкового корпуса, в котором он реализуется, включая лексические единицы, фразеологизмы, поговорки, устойчивые сравнения, авторские контексты [Колесов, Пименова, 2016: 153], Степень значимости концепта измеряется тем, насколько плотно этот концепт представлен в языке, т. е. каким образом происходит его реализация через семантику слов, семантику свободных и устойчивых словосочетаний с ключевым словом – репрезентантом концепта, семантику пословиц и поговорок, синонимические, антонимические, словообразовательные и ассоциативные связи представляющих его единиц [Карасик, 2009; Колесов, Пименова

2016]. Различные подходы к изучению языковой объективации концептов природных стихий, представлены в работах О. В. Балонкиной [Балонкина, 2018; 2020], А. Р. Каюмовой [Каюмова, 2013], А. К. Устюжиной [Устюжина, 2015], Д. Д. Хайруллиной [Хайруллина, 2009]. Вопросы культурной символики первоэлементов отражены в исследованиях В. В. Колесова, М. В. Пименовой, В. И. Теркулова. Стихия «огонь» при этом выделяется как одна из ключевых, поскольку имеет значительное влияние на жизнь, быт и мировоззрение народов, объединяя в себе как важные функциональные особенности, так и своё сакральное значение первоэлемента.

Актуальность работы обусловлена тем, что настоящее исследование выполнено в рамках антропоцентрической парадигмы в языкознании, которая ориентирована на изучение явлений языка в его неразрывной связи с человеком и культурой, а рассматриваемая в ней проблематика полностью соответствует активно развивающимся направлениям – когнитивной лингвистике и лингвокультурологии.

Объектом исследования является концепт *Fire* «огонь» в английской лингвокультуре, а предметом исследования выступают лексические и фразеологические средства языковой объективации этого концепта.

Цель настоящего исследования – выявить и описать механизм языковой объективации концепта *Fire* «огонь» в английском языке и определить его национально-культурную специфику.

Эмпирический корпус **исследования представлен лексическими единицами семантического поля** стихии *Fire* «огонь» и 138 ФЕ с этими лексемами, отобранными из английских лексикографических источников: толковых, этимологических и фразеологических словарей, среди которых Англо-русский словарь идиом А. М. Винокурова [Винокуров, 2009], Англо-русский фразеологический словарь под редакцией А. В. Кунина [Кунин, 2008], Book of Idioms: American Language Course [Book of Idioms, 2000], Cambridge International Dictionary of Idioms [Cambridge International Dictionary of Idioms, 2002], The Oxford Dictionary of Idioms [The Oxford Dictionary of Idioms, 2004], The Farlex Idioms and Slang Dictionary [The Farlex Idioms and Slang Dictionary, 2017].

Результаты исследования

Понятие **стихии** (первоэлемента) – одно из самых архаичных в культурном аспекте. В толковом словаре современного русского языка имя концепта «стихия» определяется в двух значениях: 1. Неразложимые элементы: огонь, вода, воздух и земля, лежащие в основе

всех явлений природы. 2. Явление природы, обнаруживающееся как мощная сила, независимая от воздействия со стороны человека. [Толковый словарь современного русского языка, 2013: 655]. Словарь Oxford Dictionary предлагает трактовку, согласно которой стихия – это «(*element*) one of the four substances: earth, air, fire and water, which people used to believe everything else was made of» ‘одна из четырёх субстанций: земля, воздух, огонь и вода, которые люди считали основой всего существующего’ [Oxford Dictionary, 2023]. Идентичные дефиниции присутствуют и в других толковых словарях английского языка [Collins Dictionary; Longman Dictionary; Macmillan Dictionary]. Кроме того, в словарях отмечаются такие его концептуальные признаки, как: *substance which cannot be split up into a simpler form* ‘субстанция, которую нельзя разделить на более простые формы’; *the forces of nature* ‘силы природы’; *beginnings or outlines of a subject of study* ‘начало или основы предмета изучения’; *necessary or characteristic feature* ‘необходимый или характерный признак’ [Oxford Advanced Learner’s Dictionary: Hornby, Cowie].

Идея о том, что мироздание строится на основании стихий, появилось ещё в глубокой древности. В античные времена философы, рассматривая их как первоэлементы материи, по-разному оценивали функции каждой из них. Так, характеризуя философские учения своих предшественников о первопричинах бытия, Аристотель в *Метафизике* указывает на разные позиции первых философов в этом вопросе: Фалес утверждал, что начало природы – вода; Анаксимен и Диоген считали, что воздух первичнее воды, а Гиппас и Гераклит – огонь [Аристотель, 1976: 71-72]. Эмпедокл, выделяя четыре материальных элемента, «толкует их не как четыре, а словно их только два: с одной стороны, отдельно огонь, а с другой – противоположные ему земля, воздух и вода как естество одного рода». Парменид же «устанавливает две причины или два начала – теплое и холодное, говорит об огне и земле; а из этих двух он к сущему относит теплое, а другое начало к не-сущему» [Аристотель, 1976: 75-78]. Характеризуя оппозиции «теплое и холодное» или «огонь и земля» как одну из первопричин, Аристотель уточняет, что те, кто признает их началами «рассматривают огонь как обладающий двигательной природой, а воду, землю и тому подобное как противоположное ему» [Аристотель, 1976: 73]. Таким образом, в отличие от других стихий огонь занимает особое место в их иерархии и определяется философами как сущность, обладающая двигательной действенной природой, которая, разрушая, создает новое.

Как отмечается в работах по когнитивной лингвистике и концептологии, концепт имеет сложную форму представления, реализуемую различными языковыми средствами. Особое место в структуре концепта занимает мотивирующий признак, положенный в основу номинации слова, именуемый в традиционной лингвистике внутренней формой

слова. Анализ структурной организации концепта как многомерного образования предполагает прослеживание развития мотивирующего признака и формирование составляющих ее компонентов: понятийного, образного и символического [Воркачев 2007; Карасик 2004; Пименова 2011; 2016]. Понятийное ядро, которое образуется совокупностью констант [Воркачев, 2001], или понятийных признаков, определяется через словарные дефиниции, через производные слова и их словообразовательные связи; семантическое содержание определяется через свободные словосочетания имени концепта с другими словами, через ряды синонимов и другие лексические серии; интерпретационный и образный слои определяются через совокупность нечетко структурированных предикаций, отражающих толкование отдельных концептуальных признаков в виде утверждений, установок сознания, которые нередко находят свое представление в фразеологизмах и поговорках. Фразеологизмы, являясь единицами языка, характеризующимися экспрессивностью, не только обозначают различные черты и свойства объективной действительности, но и отражают отношение к ним говорящего.

Основу методики настоящего исследования составляют принципы концептуального анализа, разработанного учеными направления лингвоконцептологии, который включает изучение дефиниций имени концепта в толковых и этимологических словарях с целью определения мотивирующих признаков и их пути развития, распределение их по семантическим группам, определение актуальности данных признаков в языке [Пименова, 2011; 2016]. Таким образом, первым этапом концептуального анализа является изучение внутренней формы слова, его этимологии.

В этимологических словарях английского языка упоминаются два исходных корня для слова *fire* – **paewr-* и **egni-*. Первый служит для обозначения огня как неживого объекта, элемента, субстанции. Второй – для обозначения огня как живой силы. С появлением огнестрельного оружия слово в своей глагольной форме также соотносилось с процессом выстрела. Староанглийская форма *fyr* связывается с английским словом *pure* 'чистый, непорочный', *to purify* 'очищать'; также сопоставляется с и.-е. **pu-* «мужчина, мужской», отмечается, что в древности огонь был мужского пола и ассоциировался с мужским началом [Маковский 1999: 135; Etymological dictionary of English language, 1912: 209; Online Etymology Dictionary, 2023].

Согласно этимологическому анализу слова *fire* понятийные признаки дополняются следующими категориями: 1) огонь как живая сила, существо; 2) очищение; 3) мужчина, мужское начало.

В толковых словарях английского языка лексема *Fire* определяется так:

– *the hot, bright flames produced by things that are burning* ‘горячее, яркое пламя, создаваемое горящими вещами’;

– *an occurrence of uncontrolled burning which destroys buildings, forests, or other things* ‘возникновение неконтролируемого горения, которое разрушает здания, леса или другие объекты’;

– *a burning pile of wood, coal, or other fuel that you make, for example to use for heat, light, or cooking* ‘горящая куча дров, угля или другого топлива, которая используется, например, для обогрева, освещения или приготовления пищи’;

– *to heat an object at a high temperature in a special oven, as part of the process of making it* ‘нагревать изделие при высокой температуре в специальной печи, как часть процесса его изготовления’;

– *to produce an electrical spark which causes the fuel to burn and the engine to work* ‘создавать электрическую искру, которая приводит к сгоранию топлива и работе двигателя’;

– *a word to refer in an approving way to someone's energy and enthusiasm* ‘слово, которое одобрительно оценивает чью-то энергию и энтузиазм’;

– *to make people feel very enthusiastic, interested and excited* ‘заставить людей чувствовать себя очень восторженными, заинтересованными и взволнованными’;

– *shots from guns* ‘выстрелы из оружия’;

– *a very strong emotion that makes you want to think about nothing else* ‘очень сильная эмоция, которая заставляет вас не думать ни о чем другом’ [Collins Dictionary; Longman Dictionary; Macmillan Dictionary; Oxford Dictionary, 2023].

Из лексикографических дефиниций толковых словарей следует, что концепт *Fire* ‘огонь’ характеризуется следующими понятийными признаками: 1) первоэлемент; 2) пламя, жар, свет; 3) разрушительная сила, пожар; 4) побудитель процесса; 5) инструмент для приготовления, создания нового объекта; 6) источник тепла – средство обогрева (костёр, плита, печь); 7) энтузиазм, интерес, восторг; 8) мотивация, побуждение других к действию; 9) выстрелы, опасность; 10) сигнал о бедствии, просьба о помощи.

С многообразием понятийных признаков концепта *Fire* ‘огонь’ в английском языке связано обширное количество синонимов ключевого слова (имени концепта), реализующих оттенки основного значения.

В семантике языковых единиц, составляющих синонимический ряд и описывающих область стихии *Fire* ‘огонь’, отмечены следующие концептуальные основания:

– перцептивный визуальный признак: огонь – это пламя: *flame* ‘visible part of a fire’,

blaze ‘bright flame of fire’, ‘a very *large* bright or fiercely burning fire’; в концептуальной структуре лексем *flame* и *blaze* как членов синонимического ряда *Fire* присутствуют визуальные компоненты: *visible, bright, large*;

– процессуальный признак: огонь – это процесс горения, жжения: *fire* ‘a burning sensation in the body’ / «*the whiskey lit a fire in the back of his throat*»; *burning*, ‘горение, обжиг’; *combustion* ‘сжигание’ / ‘the process of burning something’; концептуальный признак *burning* указывает на процесс горения и ощущение жжения;

– отрицательный эмоциональный признак: огонь – это опасность, угрожающая жизни человека: *wildfire* ‘лесной пожар’ / ‘a large, destructive fire that spreads quickly over woodland or brush’; *conflagration* ‘пожарище’ / ‘an extensive fire which destroys a great deal of land or property’; *Inferno* ‘адский огонь’ / ‘a large fire that is dangerously out of control’ / «*the inferno had swept through the city*». Лексемы *wildfire, conflagration, inferno* синонимического ряда *fire* актуализируют семы, реализующие этот эмоциональный признак: *large, extensive, destroys, destructive, dangerously out of control*;

– результативный деструктивный признак: огонь – это полное разрушение: *incineration* ‘всесожжение’ / ‘the destruction of something, especially waste material, by burning’; *Holocaust* ‘холокост’ / ‘destruction or slaughter on a mass scale, especially caused by fire or nuclear war’. Лексемы *incineration, Holocaust* актуализируют семы полного и всеобщего разрушения *destruction, waste, nuclear war*.

– деструктивно-звуковой признак: огонь – стрельба, выстрел, атака: *fire* ‘огонь, обстрел, стрельба’. Лексемы *firing, shooting, fusillade, gunning* ‘стрельба’ / ‘a series of shots fired, or missiles thrown all at the same time or in quick succession’, *shelling* ‘артобстрел’ кроме звукового признака, актуализируют потенциальные семы «опасность», «гибель» через понятийные признаки орудий и снарядов *gun, fusil* и *missiles*.

– результативный перцептивный признак: огонь – это источник света и тепла, символ очеловечивания, сигнал: *flare* ‘вспышка’ / ‘a sudden brief burst of bright flame or light’; *spark* ‘искра’ / ‘a small fiery particle thrown off from a fire’, ‘flash of light’; *embers* ‘тлеющие угольки’;

– положительный эмоциональный признак: огонь – энтузиазм и яркие эмоции: *energy* ‘энергия’, *drive* ‘энергия, напор’, *vigor* ‘энергия, бодрость’, *zeal* ‘рвение’, *fervor* ‘пыл, страсть’, *intensity* ‘сила, интенсивность’, *ardor* ‘пыл’, ‘рвение’, *passion* ‘страсть’, *verve* ‘живость, энергия’, *vehemence* ‘сила, ярость’. Лексемы этого синонимического ряда актуализируют семы «высокая степень», «интенсивность» чувства, эмоции;

– побудительный признак: огонь – побуждение к действию, мотивация к действию других: *inflammare* ‘воспламенять’, *excitare* ‘волновать’, *incitare* ‘побуждать’, *inspirare* ‘вдохновлять’, *spark* ‘зажигать, зажигать искрой, побуждать, воодушевлять’, *electrify* ‘электризовать, зажигать, побуждать’, *quicken* ‘стимулировать, разжигать, возбуждать’, *galvanize* ‘shock or excite (someone) into taking action’ / ‘побуждать, воодушевлять’. Таким образом, отталкиваясь от значения первоэлемента, характеризующегося признаками явления природы, живой силы, зачатка, начала, структура концепта *Fire* ‘огонь’ расширяется за счет представления знаний, связанных с постижением опыта человеком, до значений «проявление чувств, способностей». Он переосмысливается через образы побуждения, воодушевления, вдохновения; предстает в контекстах своей частицей *spark of hope* ‘искра надежды’, *embers* ‘еще не погасшие угольки’ / ‘еще не угасшие чувства’. Стихия *Fire* ‘огонь’ уподобляется живому существу, которое движется, вселяется в сердце или душу, концептуализируется признаками деятеля.

Известно, что в концептуальном пространстве «активное начало» категория агента действия, занимает центральное место. В современных исследованиях обращается внимание на то, что «... агентивной функцией периферийного плана наделяются также инструменты, средства материального и нематериального воздействия на человека и другие объекты, что, в свою очередь, приводит к развитию других концептов, которые коррелируют со структурой человеческой деятельности» [Кремзикова, 2019: 42].

К последним относятся и силы природного воздействия на человека, в том числе и стихии. Агентивная функция периферийного плана концептуального поля «активное начало» стихии *Fire* ‘огонь’ реализуется в следующих ситуациях: огонь как источник опасности для человека; огонь как начало определенного действия; огонь как движущая сила разрушительного действия; огонь как инициатор нового процесса (действия) эмоционального характера, технического плана; огонь как средство очищения; огонь как символ человеческого бытия.

Фразеологические единицы (ФЕ), объективизирующие концепты первостихий, являются показательными маркерами специфики картины мира определённой лингвокультуры. Несмотря на то, что концепты стихий «вода», «огонь», «земля» и «воздух» архаичны и универсальны для всего человечества, они активно транслируются и модифицируются в культурном пространстве, показывая уникальную интерпретацию их естественных свойств через мифы, религию, верования. ФЕ закрепляют, транслируют и передают стереотипы, представления, знания, эталоны и архетипы, зачаток которых находится ещё в древности, при этом они могут варьироваться в связи с изменениями,

происходящими в обществе [Каюмова, 2013: 173, Хайруллина, 2009: 8].

В работах, посвященных проблемам фразеологии, отмечены традиционные свойства ФЕ: устойчивость, воспроизводимость, раздельнооформленность и целостность значения, а также незамкнутость структуры, под которой понимается способность сочетаться в речи со знаменательными словами (словом) – фразеологическим окружением. В исследованиях последних лет обращается внимание на толкование семантики фразеологизма (в его корреляции с обозначаемой фразеологизмом ситуацией, ее участниками, их социальноречевыми намерениями и эмоциональноокрашенным отношением к этой ситуации). Отмечается, что новые фразеологические словари, являясь словарями нового типа, нового поколения, отражают, помимо традиционной для всех словарей информации, еще и лингвокультурологическую, связанную с кодами культуры, когнитивно-познавательную характеристику, в частности, в новых фразеологических словарях [Байрамова, 2010: 32]. В настоящем исследовании фразеологизм рассматривается в рамках когнитивного подхода как единица, специфика значения которой определяется ситуативностью, что проявляется в ее соотносительности с соответствующей онтологической ситуацией и ситуацией употребления.

Анализ языкового материала (представленного фразеологическими и паремнологическими единицами) позволил установить наиболее репрезентативные семантические признаки языковой объективации концепта *Fire* 'огонь', соотносимые с деятельностными ситуациями, в которых он выступает в качестве активного начала.

Таковыми являются признаки, обозначающие опасную ситуацию или положение (29 ФЕ или 23%), сильные эмоции (22 ФЕ или 17%), разрушение через процесс горения (18 ФЕ или 14%). Наименьшую репрезентативность показали ФЕ, соотносящиеся с представлением огня в качестве символа или сигнала (7 ФЕ или 5%), источника света (5 ФЕ или 3%) и цвета (2 ФЕ или 1%) (см. табл.).

Преобладание ФЕ с семантической маркировкой «опасность» может быть связано со страхами людей перед стихией огня и последствиями его разрушительного действия, что подтверждают ФЕ *put one's finger(s) in the fire* 'напрасиваться на неприятности, лезть на рожон, рисковать; обжечь крылышки', *play with fire* 'играть с огнём, рисковать', а также ФЕ *between two fires* 'между двух огней; в безвыходном, опасном положении': человек оказывается в положении между двумя источниками опасности, что делает положение безвыходным. С опасностью огня связана необходимость спасать из него, что выражается ФЕ *a brand from (out of) the fire* 'человек, спасённый от грозящей ему опасности, от верной

гибели, чудом спасшийся человек’, *pull (someone's) bacon out of the fire* ‘спасти кого-то от неминуемой или надвигающейся беды, затруднения или опасности’, *pull/snatch smb out of the fire* ‘спасти кого-л., выручить кого-л. из беды’, *save smth. out of the fire* ‘спасти что-л. от уничтожения, разрушения’.

Таблица. Концептуальное поле стихии *Fire* ‘огонь’ и его объективация ФЕ

Семантические признаки концепта <i>Fire</i>	Кол-во ФЕ	%	Примеры объективации ФЕ
Источник опасности	29	23	<i>be in/on the firing line</i> ‘быть на линии огня’ / ‘быть раскритикованным, атакованным’; <i>to play with fire</i> ‘играть с огнем’
Сильные эмоции	22	17	<i>fire of desire</i> ‘огонь желания’, <i>flame of passion</i> ‘пламя страсти’; <i>a fire in the blood</i> ‘огонь в крови’; <i>all fired up</i> ‘очень воодушевлённый’
Горение как проявление эмоций	18	14	<i>burn with desire</i> ‘гореть желанием’, <i>burn with impatience</i> ‘сгорать от нетерпения’
Свойства характера человека	13	9	<i>a ball of fire</i> ‘энергичный человек, полный энтузиазма’; <i>have too many irons in the fire</i> ‘заниматься множеством дел одновременно’
Побудитель процесса	12	8	<i>blow the fire</i> ‘разжигать ненависть, провоцировать конфликты’; <i>to kindle the war</i> ‘разжечь войну’
Неконтролируемые действия, хаос	11	7	<i>Chinese fire drill</i> ‘суматоха, хаос’
Скорость, как характерный признак	11	7	<i>burn (up) the road</i> ‘быстро ехать, нестись, мчаться с головокружительной быстротой’; <i>like a forest fire</i> ‘как лесной пожар (невероятно быстро)’
Очищение	8	6	<i>a baptism by/of fire</i> ‘посвящение огнём’
Огонь как символ	7	5	<i>Promethean fire</i> ‘Прометеев огонь’
Источник света	5	3	<i>fires of heaven</i> ‘небесные огни, звёзды’
Цвет как характерный признак	2	1	<i>(as) red as fire</i> ‘огненно-красный, покрасневший’
Всего:	138	100	

Следует отметить, что на развитие семантического наполнения концепта «огонь» большое влияние оказало появление огнестрельного оружия и его применение в войнах.

1. В этом контексте реализуются как понятийные семы «стрелять из огнестрельного оружия»: *fire (one's) pistol in the air* ‘стрелять из огнестрельного оружия в воздух, чтобы не ранить другого участника’; *direct one's fire against ...* ‘обрушиться на, открыть огонь против ...’, так и образные слои ФЕ: *a running fire* ‘град (критических) замечаний’, *be in/on the firing line* ‘быть раскритикованным, атакованным’, *draw fire from smb. (upon oneself)* ‘стать мишенью нападков, насмешек, подвергнуться обстрелу со стороны кого-л.’, *drive out / fight fire with fire* ‘бить противника его же оружием; отплатить той же монетой’.

2. ФЕ со значением концептуальной метафоры 'избегать резкой критики или иного причинения вреда кому-либо во время спора или дебатов', *miss fire* 'не достичь цели, не дать желаемого, должного эффекта', *open fire (on)* 'выступать против кого-л.', *shoot down in flames* 'сильно критиковать идею или план, не соглашаться с ними', мотивированы военной терминологией и апеллируют к признаку огня как выстрела, стрельбы, взрыва. В данных примерах через общую сему «опасность» коррелируют концепты «огонь» и «война». Огонь при этом отождествляется с оружием как источником опасности. Подобные когнитивные метафоры как «одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Лакофф, 2004; Кубрякова, 1996: 431], создаваемые сознанием человека, свидетельствуют о деривационных возможностях фразеологизмов в развитии семантического поля концепта, который они вербализируют.

Появление и проявление сильных эмоций человека часто на когнитивном уровне сравнивается с характерными физическими признаками огня, его непредсказуемой и неконтролируемой силой, и является основой концептуальной метафоры, что демонстрируют такие ФЕ, как *all fired up* 'воодушевлённый в отношении чего-то', *be like drinking from a fire hose* 'быть или чувствовать себя невероятно подавленным', *blaze with fury* 'кипеть от гнева', *breathe fire* 'сильно злиться из-за чего-то', *burn with a low blue flame* 'испытывать сильный гнев, обычно не выражая его', *burning shame* 'позор, стыд и срам', *catch/take fire* 'вспыхнуть, загореться; вспылать любовью, интересом, страстью', *fire and fury* 'неистовая страсть', *fire that's closest kept burns most of all* 'скрытый огонь сильнее горит, обычно говорится о подавляемой страсти', *like blazes* 'с яростью, неистово', *on fire* 'воодушевлённый чем -л., проявляющий рвение, усердие, гнев, пылкость, увлечённость', *set the heather on fire* 'совершать замечательные или волнующие поступки; быть чрезвычайно волнующим, популярным, знаменитым, прославляемым', *strike fire* 'вызвать резкую реакцию, задевать за живое'.

Эмоции, которые соотносятся с понятийным признаком огня как физической субстанции, обладающей свойством быстро и бесконтрольно распространяться, могут нести в себе опасность *fire and fury* (агрессия, страсть, гнев), ярко проявляться (огонь – источник света). Возможно выражение ярких эмоций посредством междометия, например, *Fire in the hole!* 'Ложись!' – предупреждение перед взрывом; *Fire away!* 'Давай, начинай!'; *Great balls of fire!* 'возглас удивления', *where's the fire?* 'что это вы торопитесь, как на пожар?'.

Ключевой процессуальный признак, ассоциирующийся с огнём – горение – лежит в

основе когнитивной метафоры в следующих ФЕ: (*as*) *hot as blazes* ‘горячий как пламя’, *a burning question* ‘жгучий, животрепещущий вопрос’, *a chunk of fire* ‘горящая головня, головешка’, *burn a hole in one’s pocket* ‘деньги жгут карман, долго не держатся’, *burn daylight* ‘1) жечь свет днём; 2) терять время зря, тратить силы попусту’, *burn like a match* ‘быстро и дотла сгореть; вспыхнуть порохом’, *burn like fire* ‘жечь как огонь. В них огонь воспламеняется, обжигает (отражение опасности), выделяет жар. Репрезентативность данной семантической группы может быть связана с физическими ассоциациями о невозможности продолжительного контакта с огнём как опасным угрожающим явлением в процессе его горения и распространения.

Метафорический перенос физического свойства огня, проявления энергии, на характеристику человек реализуют следующие ФЕ: *a ball of fire* ‘энергичный человек, полный энтузиазма’, *a fire in the blood* ‘огонь в крови; страстный, пылкий человек’, *fire in one’s belly* ‘честолюбие, амбиция, инициатива’, *fire-breather* ‘тот, кто сильно и агрессивно увлечен и отчаянно решителен’, *full of bush fire* ‘очень энергичный; жизнерадостный’. Огонь персонифицируется, становится частью человека, частично отождествляясь с ним.

Семантический признак, объединяющий ФЕ с репрезентацией концепта «огонь» как средства очищения, свидетельствует о связи его мотивирующего признака (внутренней формы слова) с историей, религией и мифологическим мировоззрением. Так, *a baptism by / of fire* ‘крещение огнём’, *ordeal by fire* ‘испытание огнём’ являются прямой ссылкой на Библию, т. е. на очищение грехов человека через страдание и боль [Кунин, 1984].

В «Энциклопедии символов, знаков и эмблем» огонь описывается как «символ Духа и Бога, торжества жизни и света над мраком и смертью, всеобщего очищения ... карающий инструмент ... символ зарождения человеческой цивилизации ... источник власти ... средство испытания веры ... кармической энергии» [Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия, 1999: 342-343]. Как считают исследователи, «... в христианский период частью концепта «огонь» стала не только «опасность», но и «наказание грешников в аду». В связи с этим, прежние названия огня в текстах христианского периода обозначают «огонь ада» уже без различия между собой» [Устюжанина, 2015: 160].

ФЕ *go through fire and water* ‘пройти огонь и воду’ отсылает не только к очищающим свойствам огня, но и к его свойству через разрушение быть причиной появления нового качества, состояния, объекта. По определению античных философов и дефинициям в толковых словарях, огонь трактуется как источник энергии для начала процесса. Анализ ФЕ английского языка позволяет наблюдать семантический сдвиг от значения физического процесса в природе к значениям отвлеченного плана, характеризующим

человека, его действия и состояние, что видно на примере следующих ФЕ: *a small spark makes a great fire* ‘маленькая искра может вызвать большой пожар’, *blow the fire* ‘разжигать недовольство, страсть, ревность, вражду’, *fan the flames* ‘усиливать злость и другие негативные чувства’, *hold (one's) feet to the fire* ‘оказывать давление на кого-либо, чтобы заставить его сделать, сказать или согласиться на что-либо’.

Семантическая структура концепта «*Fire*» расширяется за счёт признаков «скорость» и «неконтролируемые действия, хаос», которые мотивируются характерной особенностью огня как источника пожара, который быстро и стремительно распространяется, неся с собой хаос и разруху. Эти признаки составляют основу семантического сдвига в ФЕ *burn (up) the road* ‘быстро ехать’, *burn the earth* ‘нести во весь опор, мчаться с головокружительной быстротой’, *flee like bandicoots before a bushfire* ‘улепётывать, удирать во все лопатки, бежать сломя голову’, *get on like a house on fire* ‘быстро и легко продвигаться вперёд’. Они основаны на ключевом понятии огня – горении, но в своей семантике привязаны больше к скорости распространения огня. ФЕ *dumpster fire* ‘полная катастрофа или совершенно хаотичная ситуация’, *fire into the brown* ‘стрелять в толпу, не целясь ни в кого в отдельности’, *irons in the fire* ‘хаотичные дела, заботы’ актуализируют семы, связанные с признаками огня как опасной стихии.

Невысокая репрезентативность ФЕ с семантикой *fire* как символа человечества, источника тепла и домашнего очага, а также как источника света и цвета может быть связана с ограниченностью и возможной исчерпанностью их связей с мифологическими и библейскими ситуациями. Например: ФЕ *fires of heaven* ‘небесные огни, звёзды’, *Hermes' / St. Elmo's fire* ‘огни св. Эльма’ (явление атмосферного электричества, особое свечение на концах мачт).

Анализ понятийных, образных и символических признаков, характеризующих концепт *Fire* огонь, показал, что, представляя собой единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека, он может реализовать признаки живой и неживой природы, инструмента или орудия, эмоций, человеческих отношений, мифологических или религиозных понятий.

Выводы

Проведенное исследование показало, что объективация концепта *Fire* «огонь» в английской языковой картине мира является многогранной и многоаспектной.

В данном случае можно обратиться к толкованию Г. Фреге, который объясняет

причины многогранности тем, что, смысл словесного имени раскрывается как результат встречи его современного словарного значения с представлением этого имени в данном контексте, в ситуации коммуникации. Он пишет: «Смысл и денотат знака следует отличать от соответствующего этому знаку представления. Если денотат знака – это вещь, данная нам в ощущениях, то мое представление об этой вещи есть внутренний образ, возникший у меня на основе моих впечатлений от этой вещи... Образ представления часто бывает пропитан эмоциями, отдельные его части могут быть более или менее расплывчатыми. Представление (внутренний образ) всегда субъективно – оно меняется от человека к человеку. Отсюда проистекает многообразие различных представлений, сопряженных с одним и тем же смыслом» [Фреге, 1997: 356].

Понятийные признаки концепта *Fire* «огонь» обширны и включают в себя целый ряд его физических проявлений (горение, тепло, свет, скорость распространения), функционального использования (обогрев, готовка, освещение), потенциальных угроз (опасность, взрыв, хаос, уничтожение), ассоциаций с человеческими чувствами и эмоциями (страх, агрессия, страсть). По результатам исследования, наиболее функционально нагруженными репрезентантами концепта *Fire* являются ФЕ, реализующие семантические признаки «опасность» (29 ФЕ или 23%), «сильные эмоции» (22 ФЕ или 17%) и «процесс горения» (18 ФЕ или 14%). Наименьшую репрезентативность представляют ФЕ, соотносящиеся с признаками «символ» (7 ФЕ или 5%), «свет» (5 ФЕ или 3%) и «цвет» (2 ФЕ или 1%).

В процессе исследования лексических средств объективации проводится анализ понятийных структур, лежащих в основе семантики языковых единиц, представляющих лексико-семантическое поле стихии «*fire*» ‘огонь’. При анализе фразеологизмов как репрезентантов концепта *fire* акцент делается на описании концептуально-метафорических структур, составляющих основание концептуального поля этой стихии.

Анализ единиц-репрезентантов концепта «*Fire*» ‘огонь’ позволяет выделить специфические особенности английской языковой картины мира, в которой актуализируется не только понятийная часть его структуры, но и моделируется многоуровневое поле концептуальных коннотаций. В репрезентации концепта стихии *Fire* ‘огонь’ ФЕ реализуют ассоциации с глубинным «образом», акцент ставится на конкретно-чувственных, индивидуальных сторонах, присущих человеку, которые доминируют в английской фразеологической картине мира, подчеркивая её антропоцентризм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Москва: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник Вятского государственного университета. 2008. Т. 1. № 2. С. 75-78.
3. Бабушкин А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: ООО «Ритм», 2018. 229 с.
4. Байрамова Л. К. Фразеологические словари нового поколения // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 29 (210). Филология. Искусствоведение. Вып. 47. С. 27-32.
5. Балонкина О. В. Фразеологическое представление имен природных стихий в русской лингвокультуре: семантический, семиотический, дискурсивный аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2020. 23 с.
6. Балонкина О. В. Фразеологическое представление стихии огонь в русской лингвокультуре // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 111-121.
7. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
8. Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. № 1. С. 130-159.
9. Каюмова А. Р. Лингвокультурологическая характеристика фразеологических единиц с компонентом «Огонь» английского, русского, испанского и татарского языков // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 2. С. 172-180.
10. Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию. 2-е изд., стер. Москва: Флинта : Наука, 2016. 248 с.
11. Кремзикова С. Е. Социокоммуникативные аспекты образования и функционирования *nomina agentis* в диахронии дискурсивной деятельности // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 39-44.
11. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
12. Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4. С. 126-132.
13. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2004. 44 с.
14. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Москва: Языки славянских культур, 2007. 246 с.
15. Устюжанина А. К. Средства вербализации концепта «огонь» в древнеанглийском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48). С. 159-161.
16. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Москва, 1997. Вып. 35. С. 352-379.
17. Хайруллина Д. Д. Бинарные концепты «огонь» и «вода» как фрагмент языковой картины мира (на примере английского и татарского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2009. 25 с.
18. Harras G. Concepts in Linguistics – Concepts in Natural Language // Conceptual Structures: Logical, Linguistic, and Computational Issues. Berlin, Heidelberg, New York: Springer, 2000. P. 13-26.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Винокуров А. М. Англо-русский словарь идиом: 5500 наиболее употребительных устойчивых словосочетаний с примерами. Москва: Мартин, 2009. 351 с.
2. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Москва: Русский язык, 1984. 944 с.
4. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь английского языка. Москва, 1999. 416 с.
5. Book of Idioms: American Language Course. Slang, special expressions and idiomatic language. Defense Language Institute, English Language Center, Lackland Air Force Base, 2000. 67 p.
6. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 2002. 587 p.
7. Collins Online Dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/?ysclid=litgpjk82536346911>. (accessed: 11.02.2023).
8. Etymological dictionary of English language. Oxford Clarendon Press, 1912. 775 p.
9. Longman Dictionary of Contemporary English Online. Available at: <https://www.ldoceonline.com>. (accessed: 11.02.2023).
10. Macmillan Dictionary. Available at: <https://www.macmillandictionary.com/?ysclid=litgs5yhx871139971>. (accessed: 11.02.2023).
11. Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com>. (accessed: 11.02.2023).
12. Oxford Learner's Dictionaries. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/?ysclid=litgkitqi5526794235>. (accessed: 11.02.2023).
13. The Farlex Idioms and Slang Dictionary (The most Complete Collection of Idioms & Slang in the English Language). Farlex International, 2017. 2582 p.
14. The Oxford Dictionary of Idioms. Oxford University Press Inc., New York, 2004. 340 p.

REFERENCES

1. Aristotel. (1976). *Sochineniya* [Works]. In 4 vol. Moskva: Mysl. (In Russ.).
2. Alefirenko, N. F. (2008). Kognitivnaya lingvistika: predposylki, predmet, kategorii [Cognitive linguistics: background, subject, categories]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 1. No. 2. Pp. 75-78. (In Russ.).
3. Babushkin, A. P. (2018). *Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya* [Cognitive linguistics and semasiology]. Voronezh: ООО «Ritm». (In Russ.).
4. Bayramova, L. K. (2010). Frazeologicheskie slovari novogo pokoleniya [Phraseological Dictionaries of the New Generation]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 29 (210). Filologiya. Iskusstvovedenie. Iss. 47. Pp. 27-32. (In Russ.).
5. Balonkina, O. V. (2020). *Frazeologicheskoe predstavlenie imen prirodnykh stikhiy v russkoy lingvokulture: semanticheskii, semioticheskii, diskursivnyy aspekty* [Phraseological representation of the natural elements names in Russian linguoculture: semantic, semiotic, discursive aspects]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Tomsk. (In Russ.).
6. Balonkina, O. V. (2018). Frazeologicheskoe predstavlenie stikhii ogon v russkoy lingvokulture [Phraseological representation of the element fire in Russian linguistic culture]. In *Kommunikativnye issledovaniya*. No. 1 (15). Pp. 111-121. (In Russ.).
7. Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic

personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. In *Filologicheskie nauki*. No. 1. Pp. 64-72. (In Russ.).

8. Karasik, V. I. (2004). Lingvokulturnye kontsepty: podkhody k izucheniyu [Linguistic and cultural concepts: approaches to study]. In *Sotsiolingvistika vchera i segodnya*. No. 1. Pp. 130-159. (In Russ.).

9. Kayumova, A. R. (2013). Lingvokulturologicheskaya kharakteristika frazeologicheskikh edinit s komponentom «Ogon» angliyskogo, russkogo, ispanskogo i tatarskogo yazykov [Linguistic and cultural characteristics of phraseological units with the «Fire» component in English, Russian, Spanish and Tatar languages]. In *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. No. 2. Pp. 172-180. (In Russ.).

10. Kolesov, V. V., Pimenova, M. V. (2016). *Vvedeniye v kontseptologiyu* [Introduction to conceptology]. 2nd ed., ster. Moskva: Flinta : Nauka. (In Russ.).

11. Kremzikova, S. E. (2019). Sotsiokommunikativnye aspekty obrazovaniya i funktsionirovaniya nomina agentis v diakhronii diskursivnoy deyatel'nosti [Sociocommunicative aspects of the nomina agentis formation and functioning in the diachrony of discursive activity]. In *Noveyshaya filologiya: itogi i perspektivy issledovaniy*. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta. Pp. 39-44. (In Russ.).

12. Lakoff, Dzh. (2004). *Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire, and dangerous things: what are the categories of language tell us about thinking]. Moskva: Yazyk slavyanskoy kultury. (In Russ.).

13. Pimenova, M. V. (2011). Kontseptualnye issledovaniya i natsionalnaya mentalnost [Conceptual research and national mentality]. In *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. No. 4. Pp. 126-132. (In Russ.).

14. Slyshkin, G. G. (2004). *Lingvokulturnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic and cultural concepts and meta-concepts]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Volgograd. (In Russ.).

15. Stepanov, Yu. S. (2007). *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. Thin film of civilization]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).

16. Ustyuzhanina, A. K. (2015). Sredstva verbalizatsii kontsepta «ogon» v drevneangliyskom yazyke [Means of verbalization of the «fire» concept in Old English]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 6 (48). Pp. 159-161. (In Russ.).

17. Frege, G. (1997). Smysl i denotat [Meaning and denotation]. In *Semiotika i informatika*. Moskva. Iss. 35. Pp. 352-379. (In Russ.).

18. Khayrullina, D. D. (2009). *Binarnye kontsepty «ogon» i «voda» kak fragment yazykovoy kartiny mira (na primere angliyskogo i tatarskogo yazykov)* [«Fire» and «water» binary concepts as a fragment of the linguistic world view (based on the English and Tatar languages): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan. (In Russ.).

19. Harras, G. (2000). Concepts in Linguistics – Concepts in Natural Language. In *Conceptual Structures: Logical, Linguistic, and Computational Issues*. Berlin, Heidelberg, New York: Springer. Pp. 13-26.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Vinokurov, A. M. (2009). *Anglo-russkiy slovar idiom: 5500 naibolee upotrebitelnykh ustoychivyykh slovosochetaniy s primerami* [English-Russian Idiom Dictionary: 5500 of the most used fixed collocations with examples]. Moskva: Martin. (In Russ.).

2. Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moskva: Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova. (In Russ.).

3. Kunin, A. V. (1984). *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar* [English-Russian Phraseological Dictionary]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
4. Makovskiy, M. M. (1999). *Istoriko-etimologicheskiy slovar angliyskogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the English Language]. Moskva. (In Russ.).
5. *Book of Idioms: American Language Course. Slang, special expressions and idiomatic language*. Defense Language Institute, English Language Center, Lackland Air Force Base, 2000.
6. *Cambridge International Dictionary of Idioms*. Cambridge University Press, 2002.
7. *Collins Online Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/?ysclid=litgpjk82536346911>. (accessed: 11.02.2023).
8. *Etymological dictionary of English language*. Oxford Clarendon Press, 1912.
9. *Longman Dictionary of Contemporary English Online*. Available at: <https://www.ldoceonline.com>. (accessed: 11.02.2023).
10. *Macmillan Dictionary*. Available at: <https://www.macmillandictionary.com/?ysclid=litgs5yhx871139971>. (accessed: 11.02.2023).
11. *Online Etymology Dictionary*. Available at: <https://www.etymonline.com>. (accessed: 11.02.2023).
12. *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/?ysclid=litgkitqi5526794235>. (accessed: 11.02.2023).
13. *The Farlex Idioms and Slang Dictionary (The most Complete Collection of Idioms & Slang in the English Language)*. Farlex International, 2017.
14. *The Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford University Press Inc., New York, 2004.

Кремзикова Светлана Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии (e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kremzikova Svetlana E. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Romanic Philology Department (e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Добрякова Анастасия Андреевна – магистрант кафедры английской филологии (e-mail: nastyadobryakova001@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Dobryakova Anastasia A. – Master degree student of English Philology Department (e-mail: nastyadobryakova001@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 20 апреля 2023 г.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ТЕОРИИ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПОНИМАНИИ И ТОЛКОВАНИИ СИНТАГМЫ

В статье представлены различные концепции построения речи. Описываются особенности употребления термина «синтагма», история развития теории синтагмы. В центре внимания сложности при объяснении, чем синтагма отличается от словосочетания, члена предложения и предложения. Термин по-разному понимается лингвистами. Даны основные его интерпретации. Появление вопросов, касающихся речевой деятельности человека, приводят к выяснению того, как реально порождается речь, каковы её структура и типичные единицы. Важно чётко осознавать бинарную структуру лингвистического мира, которая представлена сферой языка и сферой речи.

Ключевые слова: синтагма, язык, речь, единица языка, единица речи, высказывание.

© 2023 E. V. Filatova

DISCREPANCIES IN THE SPEECH CREATION THEORY AND INDETERMINACY IN SYNTAGMA COMPREHENSION AND INTERPRETATION

Different concepts of speech creation are highlighted in the article. Peculiarities of the syntagma term usage, the history of syntagma theory development are described. Attention is paid to intricacies of explanation the differences between the syntagma, the collocation, the part of the sentence and the sentence. The term is conceived in different ways by linguists. Its main interpretations are provided. Issues referring to the human speech activity lead to clarification how the speech is actually created, what structure and typical units it has. It is important to understand the binary structure of the linguistic world which is represented by the sphere of language and the sphere of speech.

Key words: syntagma, language, speech, language unit, speech unit, utterance.

1. Вводные замечания. Вопрос языка и речи является методологически важным при любом лингвистическом исследовании. Лингвистическая картина мира предстаёт в двух видах: языковая, или статическая, предметно-словесная (отражающая в обобщённой форме предметный мир), и речевая, динамическая, отражающая мир в движении, во времени и пространстве, обусловленности и развитии, представляющая качественно иное его состояние.

Речь выступает как основной инструмент познания и освоения мира, что обуславливает и усиливает интерес к различным её проблемам.

Познание речи одновременно является и познанием постоянно изменяющегося мира, его законов, тенденций и традиций. Вот почему необходимо разграничивать язык и речь и изучать обе эти сферы, не смешивая их и их единицы. К языку проявляют интерес, как к

арсеналу всеобщих лингвистических средств, его норм, правил, аналогий, законов и закономерностей, а к речи – как к вызывающему удивление (а часто и восхищение) индивидуально-творческому использованию отдельными людьми общенародного языкового материала.

При этом появляется много вопросов, касающихся речевой деятельности человека. Поиски ответов на них приводят к истоку – к выяснению того, как реально порождается речь, каковы её структура и типичные единицы. Даже при обычном лингвистическом развитии личности, не говоря уже о научных исследованиях, важно чётко осознавать бинарную структуру лингвистического мира, которая представлена сферой языка и сферой речи. О важности их осознания и разграничения говорили многие лингвисты, начиная с В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1964], Г. Пауля [Paul, 2002] и Ф. де Соссюра [Соссюр, 1977]. Но среди них мало было тех, кто в своей деятельности именно так и поступал. Если человек говорит о важности их разграничения, но при этом объединяет или смешивает единицы этих сфер, как это делали Ф. де Соссюр и его бесчисленные сторонники, то их действия представляются несколько непоследовательными. Наиболее чётко разграничивали эти две сферы И. А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ, 1963] и Л. В. Щерба [Щерба, 2004].

При освещении лингвистических проблем необходимо придерживаться целого ряда принципов. И первым из них, безусловно, является чёткое и последовательное разграничение языка и речи. Смешивая эти сферы или их единицы, нельзя представить никакой убедительной лингвистической концепции, так как любая из них изначально будет деформирована.

Язык – это статическая система, код, номинация, общенародный арсенал установившихся лингвистических средств, парадигм, предписаний, правил и требований, т. е. это система объективных средств и возможностей. Его единицы предполагают:

- *существование до речевой деятельности субъекта;*
- *отдельность;*
- *самостоятельность;*
- *всеобщность;*
- *заданность структуры и значения;*
- *обобщённость значения;*
- *воспроизводимость.*

Так, слово как языковая единица, называя предмет, определяет его по сущностному признаку, противопоставляя всем другим предметам, у которых иные сущностные признаки. Оно обозначает любую из бесчисленных однотипных реалий, независимо от их индивидуальных признаков и качеств.

Речь – это динамика, лингвистический способ формирования, выражения и передачи мыслей, чувств, тончайших движений души, это сфера реализации субъективных возможностей общения. Её единицы предполагают:

- *индивидуально-креативный характер порождения в процессе речевой деятельности;*
- *субъективную (авторскую) заданность структуры и содержания;*
- *коммуникативное назначение;*
- *структурно-смысловую сочетаемость;*
- *конкретность структуры;*
- *ситуативность значения.*

Речевые единицы, отражая реалии, разграничивают их не только по сущностным свойствам, но и по актуальным акцидентным признакам, по ситуативным показателям, порой совершенно случайным, выделяя данный предмет не только из всех существующих предметов, но и из бесконечного ряда аналогичных, делая его предельно узнаваемым.

Таким образом, язык и речь – это разные сферы, единицы языка и речи – качественно разные лингвистические реалии. Их смешение ведёт к автоматическому смешению сфер языка и речи, что неизбежно приводит исследователя в тупик и становится объективным и закономерным тормозом в исследовательской деятельности.

По проблеме, обсуждаемой в статье, были изучены последние публикации на английском языке, представленные в открытом доступе [Aarts, 2001; Baird, Evans, Greenhill, 2021; Baker, Hengeveld, 2012; Denham, Lobeck, 2013; Forsyth, 2013; Found, 2017; Kuperman, Siegelman, 2022; Ruppel, 2018].

2. Основная часть. В лингвистике и психолингвистике существует несколько концепций построения речи, в связи с чем возникает естественный вопрос: почему процесс порождения речи у всех людей один, а его интерпретаций несколько? Такая ситуация вызывает сомнения относительно своей логичности и объективности. Она заставляет размышлять о её причинах, о необходимости верификации предлагаемых концепций с эффективными её принципами и уместными методическими способами и приёмами. Если научная концепция порождения речи строится на основе речевой деятельности, с учётом всех её видов – продуцирующих и рецептивных, устных и письменных, – то при верификации она должна и проверяться речевой деятельностью. Обратимся к наиболее известным из этих концепций.

В своё время Н. Хомским [Хомский, 1962] была предложена стохастическая модель порождения речи. Она представляла речь в виде цепочки непосредственно составляющих языковых компонентов.

Автор утверждал, что речь строится на основе элементарных «ядерных предложений». Он их квалифицировал как непосредственно составляющие, «базовые» языковые элементы. Появление в речевой цепи каждого нового элемента обусловлено предыдущими компонентами.

Но автор ничего не говорит о характере передаваемого содержания, которое ещё в большей степени обуславливает появление новых компонентов. Его модель разработана им на основе принципа, согласно которому язык является особым механизмом, создающим «правильные фразы».

Здесь уместна фраза, введенная Н. Хомским в научные дискуссии еще в 1950-е годы: *Colorless green ideas sleep furiously*. Что, в свою очередь, вызвало немало интерпретаций в мире лингвистики. Например, стихотворение структурного лингвиста Д. Хаймса:

*Hued ideas mock the brain
Notions of color not yet color
Of pure and touchless, branching pallor
Of an invading, essential green.*

Но если у одних носителей языка эти фразы правильные, а у других – не очень, то, по-видимому, дело здесь вовсе не в языке, «создающем правильные фразы», хотя грамматические правила, действительно, представляют систему, позволяющую порождать и понимать бесконечное число предложений.

По отношению к структуре предложения Хомский активно пользуется понятиями *поверхностная структура, глубинная структура, ядерная структура*.

Поверхностная структура предложения, по его представлению, та, которую слышат или воспринимают при чтении.

Глубинная структура – отражает смысл высказывания.

Ядерная же – это элементарная структура.

Субъективность такой дифференциации очевидна. Мысли Хомского, безусловно, интересны, но они совершенно не проясняют вопроса о реальном построении речи и её исходной единице. Они не соотносятся с верификацией, оставаясь исключительно гипотетическими утверждениями автора, и интересны как попытки, направленные на изучение тех или иных сторон речевой деятельности без какой-либо опоры на неё и без попыток проверить свои выводы на предмет их соответствия истине.

Исследователь не ставит своей целью определить реальную исходную единицу речи, выяснить её сущность и признаки, а главное, подтвердить это фактами речевой деятельности. В своей концепции он устанавливает и распределяет роли для базовых единиц языка, которые сам же и определяет, причём без достаточных оснований.

Обращает на себя внимание тот факт, что при построении своей классификации Хомский использует разные принципы. Он не разграничивает лингвистические сферы языка и речи, в результате чего им смешиваются единицы этих сфер, что сразу порождает сомнения в правомерности такого подхода и в результатах исследования.

Коллега Хомского Дж. Миллер, опираясь на результаты экспериментов, делает вывод о том, что человек при восприятии речи оперирует единицами, которые больше, чем отдельное слово, что вполне соответствует речевой действительности. Ещё за полвека до этого аналогичное наблюдение сделал Л. В. Щерба и всегда учитывал его при выяснении реальных единиц речи.

Этот вывод Щербы-Миллера, на наш взгляд, методологически весьма важен в том отношении, что единицы восприятия речи одновременно являются единицами её порождения. Именно из них составлены её структура и содержание, точно понять которое можно только на основе единиц его непосредственного порождения. Иными словами, из каких единиц речь составляется, на их основе она и воспринимается. И, наоборот, на основе каких единиц речь воспринимается, именно из них она непосредственно и составлена.

Основу теории порождения речи, предложенной Л. С. Выготским, составляют постулаты о единстве процессов мышления и речи, о соотношении понятий «смысл» и «значение», а также учение о структуре и семантике внутренней речи. Согласно его теории, процесс перехода от мысли к слову осуществляется следующим образом: от мотива, порождающего мысль, к её оформлению, сначала отражению ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов, наконец, в самих словах.

Интересно отметить, что все термины, используемые автором при пояснении, вполне понятны, но мысль его не совсем ясна и поэтому не убеждает. Утверждение Л. С. Выготского о том, что «мысль не выражается, а совершается в слове», воспринимается в качестве афоризма: такое же лаконичное и образное. Но оно не соответствует речевой практике.

Мысль не совершается и не может совершаться в слове, ибо она всегда отражает динамику, движение, время. Она предполагает *сочетание её компонентов*, тогда как слово – обобщённый, самодостаточный, отдельный знак наименования. Оно единица общественного сознания, а любая речь – факт индивидуального сознания. Каждое слово лексической системы языка отражает какую-то реалию в языковой (словесно-предметной), статической, застывшей картине мира. По мнению А. А. Потебни [Потебня, 1993], слово носит вневременной характер и вне речи статично («мертво»),

представляя отдельную обобщённую единицу наименования предмета, действия, качества, состояния. И с этим мнением нельзя не согласиться.

Так что мысль не совершается в слове, она выражается, сохраняется и передаётся в мгновенно возникающих в сознании субъекта речи и последовательно наращиваемых им спонтанных *структурно-смысловых сочетаниях слов с конкретным ситуативным значением – в синтагмах*.

А. А. Леонтьев строит свою концепцию порождения речи на основе структуры акта речевой деятельности. Главное место в ней занимает модель порождения речевого высказывания. Она включает у него пять этапов.

Первый этап – это мотивация, порождающая речевую интенцию, т. е. направленность сознания, воли, чувства субъекта на конкретный предмет.

Второй этап составляет замысел, преобразующийся в обобщённую смысловую схему высказывания с чётким определением темы и ремы.

Третий этап – это внутреннее программирование, предполагающее процесс построения определённой схемы порождаемого высказывания. Реализуется он благодаря операции определения основных смысловых элементов, установления иерархии смысловых единиц в контексте высказывания и последовательности их в высказывании.

Четвёртый этап отражает лексико-грамматическое распространение высказывания, знаменующее переход от внутренней речи к семантическому отражению. Происходит переход к языковым единицам как средству объективного кода.

Пятый этап завершает реализацию высказывания во внешней речи.

Данная концепция тоже не убеждает. И вот почему.

Если мы попытаемся проверить её основательность, опираясь на метод верификации, например, при обращении к речевой деятельности детей-дошкольников, многие из которых говорят не хуже взрослых людей, даже не подозревая о пятиэтапном характере своей речи, минуя «тему и ремю», сознательное «внутреннее программирование» и «определённую схему порождаемого высказывания», то не найдём у этой концепции никаких соответствий с порождением детской речи. Возможно, так порождается подготовленная речь у психолингвистов и лингвистов, но только не спонтанная, мгновенная речь детей. А значит, в таком случае нет оснований говорить о концепции порождения речи вообще.

При решении рассматриваемой проблемы исследователи уделяют психологическому аспекту порождения речи, схемам, программированию, темам, ремам и этапам больше внимания, чем живой речи, в связи с чем их концепции носят гипотетический характер. В

вопросе восприятия речи у них, несмотря на выводы Дж. Миллера, преобладает мнение, согласно которому единицей её восприятия является слово, что после мыслей Л. В. Щербы об исходной единице восприятия речи выглядит весьма неубедительно.

Если содержание речи составляется не из последовательного наращения значений слов как самостоятельных смысловых единиц языка, что признаётся всеми лингвистами, то как может отдельное слово быть единицей восприятия содержания, к составлению которого оно не имеет непосредственного отношения?

Общий недостаток упоминаемых концепций порождения речи с их моделями, внутренним программированием, предполагающим построение определённой схемы порождаемого высказывания, и алгоритмами в том, что они, игнорируя разграничение сфер языка и речи и их единиц, не только не прояснили вопрос о порождении речи, но даже не определили её реальную исходную единицу. Трудно представить убедительную концепцию, не разделяя сфер языка и речи, языковых единиц и речевых, без внимания к реальной исходной речевой единице.

У большинства людей речь обычно спонтанна. Их речевая деятельность носит автоматический характер. Носители языка, в том числе и дети, не имеющие ещё никаких сведений о лингвистике, тем не менее, легко передают необходимую информацию с различными логическими и грамматическими отношениями (противопоставления, времени, условия, цели, причины, следствия и т. д.). Но когда попытаешься направить их речевую деятельность в сознательное русло и попросишь передать конкретное грамматическое значение, то даже студенты-филологи нередко испытывают затруднения и лишь немногие вполне успешно справляются с заданием.

Таким образом, в спонтанной речевой жизни люди при необходимости легко передают соответствующие значения, а с подключением сознания у них появляются проблемы. И это свидетельствует о том, что концепция сознательного построения речи путём внутреннего программирования и распространения структурных схем предложений весьма сомнительна.

Размышления над современной синтаксической теорией порождения речи приводят к мысли, что некоторые её положения выглядят недостаточно обоснованными, неубедительными. Согласно господствующей концепции предложение как коммуникативная структура строится путём наращения слов как смысловых единиц языка на основе структурной схемы предложения, которое является минимальной речевой единицей, имеющей чёткие границы и выступающей в качестве основы построения текста.

В то же время высказываются мысли об «открытых и закрытых структурах предложений» как единицах построения текста, что противоречит господствующей концепции речепорождения и положению о строгих и чётких границах предложения, логически не согласуется с утверждением об открытых предложенческих структурах и не соотносится с представлением о единой научной теории как системе взаимосвязанных знаний.

Во-первых, с одной стороны, декларируется исключительная роль отдельного слова в построении предложения (речи), с другой же – это слово интонационно теряется в речи, в разграничиваемых паузами лексических группах. Интонационно речь не разграничивается на отдельные слова. В печатном тексте слова разграничены пробелами, но это вовсе не значит, что они разграничиваются и интонационно.

Во-вторых, утверждается, что для предложения характерны чёткие границы, но в то же время, оказывается, в него можно включать не одну, а несколько дополнительных предикативных единиц.

Весьма странное представление о чёткости и строгости границ. Что же касается построения предложения (и речи в целом) на основе структурной схемы при помощи слов-распространителей, эта мысль опровергается тем, что предложение, как и речь в целом, воспринимается не на уровне отдельных слов.

В данном случае нарушается логическая обусловленность, смысл которой в том, что предложение и текст воспринимаются на основе тех речевых единиц, из которых непосредственно были составлены их структура и содержание. Если речь воспринимается не на уровне слов как самостоятельных значимых единиц языка, следовательно, не из них она и составлена. Чтобы разобраться в проблеме, нужно обратиться к самому надёжному источнику – к устной речи, как первичной, природной форме общения, и выяснить, какие именно минимальные речевые единицы интонационно выделяются и разграничиваются в ней её субъектом, позволяя понимать её в момент порождения, и тем самым увидеть, из чего она реально составляется.

В античные времена синтагму относили к области синтаксиса (*Syntagma* – с греч. «вместе построенное, соединённое»). Под влиянием античных теорий к области синтаксиса относил её М. Смотрицкий, когда в начале семнадцатого века описывал, как нужно строить «Граматики Славенския правильное Синтагма». Он даже включил её в название своей грамматики.

Затем интерес учёных переключился на словосочетание и предложение и термин синтагма вышел из употребления. Возвращение его в науку отражает стремление

лингвистов завершить изучение синтаксической теории при чётком разграничении сфер языка и речи и их единиц. Но занимались они этим эпизодически. Объём и результаты исследований не соответствуют той роли, которую синтагма реально играет в процессе речевой деятельности.

Проявление интереса к синтагме отмечается с начала XX века, и связано оно с именами Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртенэ, С. И. Карцевского, Ш. Балли, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и других учёных.

Однако многие лингвисты соотносят её с разными языковыми и речевыми уровнями и фактами. Некоторые из них объясняют её не как реальную лингвистическую единицу, а как признак лингвистической единицы при объединении двух (и более) компонентов на фонетическом, морфемном, морфологическом или синтаксическом уровне, отражающий отношения определяемого и определяющего. При этом смешиваются языковая и речевая сферы.

Развитие теории синтагмы находит отражение в работах Г. Р. Тукумцева, М. В. Скепской, С. Г. Тер-Минасовой, Л. М. Ждановой, О. С. Родионовой, М. В. Влавацкой и других исследователей.

Рассматривая синтагму на фонетическом уровне, соотнося, а часто отождествляя её с речевым тактом, учёные добились того, что получили ещё один синоним известного языкового явления, для которого уже существовал общепринятый термин такт. Стремясь осветить один проблемный вопрос, они затемнили другой, уже достаточно ясный, так и не сумев убедительно разъяснить, чем же различаются речевой такт и синтагма.

Другие лингвисты, рассматривая синтагму как синтаксическую структуру, квалифицировали её в качестве структурно-смысловой единицы языка, а не как единицу речи, что опять-таки свидетельствовало о смешении лингвистических сфер языка и речи, а также об отсутствии чётких критериев разграничения лингвистических единиц по сферам функционирования.

Это привело к тому, что появились сложности при объяснении, чем синтагма отличается от словосочетания, члена предложения и предложения. Пришлось остановиться на тезисе, согласно которому каждое предложение делится на синтагмы, что тоже далеко не всегда соответствовало действительности.

3. Выводы

Подводя итоги, можно отметить: в настоящее время термин *синтагма* по-разному понимается лингвистами. Вот основные его интерпретации:

1) *синтагма* – это бинарное объединение языковых или речевых единиц с установлением между ними отношений определяемого и определяющего на морфемном, словесном, морфологическом и синтаксическом уровнях (Ф. де Соссюр, Ш. Балли и их последователи);

2) *синтагма* – это слово в сфере речи, например в структуре предложения, в отличие от слова (лексемы) как единицы лексической системы языка (И. А. Бодуэн де Куртенэ);

3) *синтагма* – единица членения предложения, которое строится при помощи слов и словосочетаний, а воспринимается на основании синтагм (А. Н. Гвоздев, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова);

4) *синтагма* – это синоним термина *словосочетание* (Н. Н. Прокопович);

5) *синтагма* – фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли (ранний Л. В. Щерба, Л. Л. Буланин и др.);

б) *синтагма* – единица членения речи, осуществляемого читателем, который может расчленить речь «на более мелкие синтагмы» или «на более крупные» (Е. А. Брызгунова, М. И. Матусевич, В. К. Колобаев, Г. Кундротас, Б. М. Лобанов);

7) *синтагма* – синтаксическая единица; минимальный интонационно выделяемый структурно-смысловый компонент речи, осознание которого способствует адекватному пониманию содержания (поздний Л. В. Щерба, Н. В. Черемисина).

Существуют и иные её толкования. Однако вопрос даже не столько в том, какой единицей является синтагма – языковой или речевой, сколько в том, что это предельно минимальная, недискретная единица порождения и восприятия речи и всех составных речевых структур. Необходимость её изучения обусловлена важностью её теоретического осмысления, суть которого заложена в коммуникативно-когнитивной направленности речевой деятельности. Объективно синтагма – основная единица речевой деятельности каждого человека, важнейшая структура речи, главная опора при чтении и восприятии текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. О задачах языкознания // Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. С. 203-221.

2. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Москва: Просвещение, 1964. Ч. I. С. 73-104.

3. Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.

4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1977. 56 с.

5. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. Вып. 2. С. 412-527.

6. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
7. Aarts B. *English Syntax and Argumentation*. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol, 2001. 327 p. (Modern linguistics series)
8. Baird L., Evans N., Greenhill S. J. Blowing in the wind: Using 'North Wind and the Sun' texts to sample phoneme inventories // *Journal of the International Phonetic Association*. No. 52(3). 2011. P. 453-494.
9. Baker A. E., Hengeveld K. *Linguistics*. Blackwell Publishing Ltd., 2012. 469 p.
10. Denham K., Lobeck A. *Linguistics for Everyone: An Introduction*. Wadsworth, Cengage Learning. Boston, USA, 2013. 575 p.
11. Forsyth M. *The Elements of Eloquence: How to Turn the Perfect English Phrase*. London: Icon Books, 2013. 205 p.
12. Found P. Translation or Adaptation? // *Journal of Classics Teaching*. No. 18. 2017. P. 8-10.
13. Kuperman, V. et. al. Text reading in English as a second language: Evidence from the Multilingual Eye-Movements Corpus // *Studies in Second Language Acquisition*. No. 45. 2022. P. 1-35.
14. Paul H. *Principien der Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer, 2002. 288 s.
15. Ruppel A. On Language Teaching // *Journal of Classics Teaching*. No. 19(37). 2018. P. 53-57.

REFERENCES

1. Baudouin de Courtenay, J. N. I. (1963). O zadachakh yazykoznaniya [To the problems of linguistics]. In *Izbrannye trudy po obschemu yazykoznaniyu: v 2-kh. t.* Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. Vol. 1. Pp. 203-221. (In Russ.).
2. Humboldt, W. von. (1964). O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyani na dukhovnoe razvitiye chelovecheskogo roda [About differences in the structure of human languages and its influence on intellectual development of the human race]. In *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Moskva: Prosveshchenie. Ch. 1. Pp. 73-104. (In Russ.).
3. Potebnya, A. A. (1993). *Mysl i yazyk* [Thought and language]. Kiev: SINTO. (In Russ.).
4. Saussure, F. de. (1977). *Kurs obshchey lingvistiki. Trudy po yazykoznaniyu* [Course in general linguistics. Writings in general linguistics]. Moskva: Progress. (In Russ.).
5. Chomsky, N. (1962). Sintaksicheskie struktury [Syntactic structures]. In *Novoe v lingvistike*. Moskva: Izdatelstvo inostrannoy literatury. Iss. 2. Pp. 412-527. (In Russ.).
6. Shcherba, L. V. (2004). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language system and speech activity]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
7. Aarts, B. (2001). *English Syntax and Argumentation*. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol. (Modern linguistics series).
8. Baird, L., Evans, N., Greenhill, S. J. (2021). Blowing in the wind: Using 'North Wind and the Sun' texts to sample phoneme inventories. In *Journal of the International Phonetic Association*. No. 52(3). Pp. 453-494.
9. Baker, A. E., Hengeveld, K. (2012). *Linguistics*. Blackwell Publishing Ltd.
10. Denham, K., Lobeck, A. (2013). *Linguistics for Everyone: An Introduction*. Wadsworth, Cengage Learning. Boston, USA.
11. Forsyth, M. (2013). *The Elements of Eloquence: How to Turn the Perfect English Phrase*. London: Icon Books.
12. Found, P. (2017). Translation or Adaptation? In *Journal of Classics Teaching*. No. 18. Pp. 8-10.
13. Kuperman, V. et. al. Text reading in English as a second language: Evidence from the Multilingual Eye-Movements Corpus. In *Studies in Second Language Acquisition*. No. 45. Pp. 1-35.

14. Paul, H. (2002). *Principien der Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer.

15. Ruppel, A. (2018). On Language Teaching. In *Journal of Classics Teaching*. No. 19(37). Pp. 53-57.

Филатова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей (e-mail: e.filatova@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Filatova Elena V. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of English for Natural Sciences and Humanities Department (e-mail: e.filatova@donnu.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 10 апреля 2023 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111.161.1'37:007

© 2023 Э. Р. Брагина

ДИАМЕТРАЛЬНО ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ТЕРМИНООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ

Статья посвящена специфике терминообразования в терминосистеме кибернетики. Автор статьи указывает на циклический характер терминообразования, который становится причиной того, что значение новообразований может либо оставаться неизменным, либо обогащаться дополнительными значениями, либо подлежать коренному переосмыслению.

Ключевые слова: терминообразование, терминосистема, кибернетика, специфика.

© 2023 E. R. Bragina

DIAMETRICALLY OPPOSED TERMFORMATION PROCESSES

The article is devoted to a specific character of word-formation in terminological system of cybernetics. The author of the article points out a cyclic nature of it and that the meaning of a new formed term may either keep immutable or become covered by the additional meanings or be subjected to changes of the meaning.

Key words: termformation, terminological system, cybernetics, specifics.

1. Введение. Язык науки отличается от обычного языка тем, что его термины точны и однозначны, а его структура логична и последовательна. Одной из главных особенностей языка науки является использование терминов. Термины создаются путем терминообразования, которое может включать в себя использование корней и приставок из других языков, сочетание уже существующих терминов или обратное терминообразование. Термины должны быть точными и однозначными, чтобы избежать путаницы и недопонимания, поэтому в научных и технических текстах термины часто определяются в первом упоминании и используются строго в соответствии с этим определением. Кроме терминов, язык науки также отличается от обычного языка использованием специальных конструкций и формулировок. Например, в научных текстах часто используются пассивные конструкции и отрицания, чтобы подчеркнуть точность и нейтральность изложения. Язык науки также отличается от обычного языка тем, что он стремится к максимальной точности и объективности. Научные тексты должны быть написаны таким образом, чтобы любой читатель мог понять их содержание, независимо от своих личных убеждений и знаний.

В целом, язык науки является важной частью развития науки и техники. Он позволяет

ученым и инженерам описывать свои исследования и разработки точно и понятно. Однако, чтобы он мог быть доступен для всех, необходимо учитывать контекст и точность в использовании терминов, а также использовать понятную и доступную формулировку.

Терминообразование является важной частью лексикографии и лингвистики, так как термины играют ключевую роль в научных и технических текстах. Существует несколько способов создания новых терминов. Один из них – это использование корней и приставок из других языков. Например, слово *биология* происходит от греческих слов *βίος* ‘жизнь’ и *λόγος* ‘слово’. Также часто используются латинские корни, такие как *micro-* ‘микро-’ или *tele-* ‘теле-’. Другой способ – это создание новых слов путем сочетания уже существующих терминов. Например, слово *геномика* происходит от слова *ген* и *генетика*. Этот способ особенно полезен для обозначения новых концепций и технологий, которые появляются в науке и технике. Также существует процесс обратного терминообразования, когда уже существующие слова превращаются в термины. Терминообразование является важной частью развития науки и техники, так как новые концепции и технологии требуют новых терминов для их обозначения.

Согласно принципу преемственности, при разработке теоретических позиций и аспектов общих вопросов терминообразования учитываются общетеоретические и методологические основы, заложенные в отечественном и зарубежном языкознании трудами известных исследователей в области терминоведения и словообразования: М. Э. Ахметова [Ахметова, 2014], Е. Н. Бортничук [Бортничук, 1988], Л. Ю. Буяновой [Буянова, 2013], Г. О. Винокура [Винокур, 1939], М. Н. Володиной [Володина, 1998], С. В. Гринева [Гринев, 1990], В. П. Даниленко [Даниленко, 1976], В. А. Дроздова [Дроздов, 2022], П. М. Карашук [Карашук, 1977], Кэ Чжан [Чжан, 2017], Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1965, 1977], М. В. Лейчик [Лейчик, 2009], О. Д. Мешкова [Мешков, 1976], В. Р. Faber [Faber, 2002], J. Gruber [Gruber, 1976], Н. Marchand [Marchand, 1969], К. Varantola [Varantola, 1992] и др.

Практическим языковым материалом исследования послужили термины кибернетики (простые, двух-, трех-, многокомпонентные) в английском и русском языках – более 10000 единиц. Данный терминокорпус извлекался из частотных, переводных и толковых словарей, словарей-справочников (сфера фиксации терминов), учебных пособий, учебников, научных и научно-теоретических журналов, монографий (сфера функционирования). Указанные источники анализировались полностью или частично, но с достаточной аргументацией в пользу достоверности выборки и результатов анализа.

Цель работы – описание циклического характера терминообразующих диаметрально противоположных процессов в терминологии кибернетики в английском и русском

языках. Эта работа имеет **практическую значимость**, так как ее результаты могут быть использованы в специальных курсах по теории терминов и сопоставительному терминологическому анализу, при преподавании английского языка в технических вузах, а также при переводе научно-технической литературы. Кроме того, они могут послужить основой для создания двуязычного терминологического словаря в данной области.

Анализ терминологической лексики кибернетики в двух языках помог выявить две ярко выраженные диаметральные противоположные тенденции словообразования: **синтаксический способ терминообразования** (создание двух-, трех- и многокомпонентных терминов) и **свертывание, сжатие терминов до одной лексической единицы**. Эти две, диаметральные противоположные тенденции не существуют изолированно, а объективно обуславливают и взаимодополняют друг друга. Создание многокомпонентных терминов, их переход от исходных к многосоставным терминам происходит поэтапно и, соответственно, сопровождается переоформлением и усложнением синтаксической модели. При этом значение нового образования не тождественно сумме значений входящих в него лексических единиц, а представляет новое понятие, ради которого и возникла необходимость в подобном термине. Синтаксический способ терминообразования является объективной необходимостью и свидетельствует о формировании новых понятий, мотивированных предыдущими понятиями, и вырабатываемых на их основе. Следовательно, поначалу они не могут иметь специального термина и выражаются описательно.

2. Синтаксический способ терминообразования. Синтаксический способ терминообразования является одним из наиболее распространенных способов образования новых терминов в языке. Он заключается в сочетании двух или более слов, которые вместе образуют новое понятие. Одним из примеров синтаксического способа терминообразования является сочетание слов *data* и *base*, что приводит к образованию термина *database*. Этот термин используется в информационных технологиях для обозначения системы хранения данных. Еще одним примером является сочетание слов *artificial* и *intelligence*, что приводит к образованию термина *artificial intelligence*. Этот термин используется для обозначения области компьютерных наук, которая занимается разработкой программ и алгоритмов, способных имитировать человеческий интеллект.

С помощью данного способа образуется 60%–95% состава всех исследованных терминологий европейских языков, что свидетельствует о преобладании терминологических словосочетаний (составных терминов) над однословными терминами как характерной черты современной терминологии. Синтаксический способ является регулярным, и активно

действующим способом терминообразования в области кибернетики (согласно нашим подсчетам – 76,5% всех исследованных терминов в английском языке и 69% – в русском языке образуют составные термины- словосочетания).

По количеству терминоэлементов (компонентов словосочетания) можно выделить следующие синтаксические типы:

- а) двухкомпонентные;
- б) трехкомпонентные;
- в) многокомпонентные.

Рассмотрим несколько примеров обрастания однокомпонентного термина дополнительными значениями в **английском языке**:

transmission ‘передача’ – *data transmission* ‘передача данных’ – *high speed data transmission* ‘высокоскоростная передача данных’;

process ‘процесс’ – *decision process* ‘процесс решений’ – *multistage decision process* ‘многошаговый процесс решений’ – *discrete deterministic multistage decision process* ‘дискретный детерминированный многошаговый процесс решений’;

и русском языке:

оценка – *оценка точности* – *оценка точности и погрешности*;

анализатор – *анализатор характеристик* – *анализатор амплитудных характеристик* – *анализатор амплитудных и фазовых характеристик*.

Итак, синтаксический способ терминообразования является важным инструментом для создания новых терминов в языке. Он позволяет точно и кратко выражать новые понятия и явления.

3. Свертывание, сжатие терминов до одной лексической единицы. Этот способ заключается в объединении двух или более слов в одно слово, которое отражает сущность их значения. Свертывание может осуществляться различными способами. Например, это может быть сокращение слов по первым буквам, объединение двух слов в одно, замена части слова другим словом и т. д. Одним из примеров свертывания является термин *wifi*, который является сокращением от *wireless fidelity*. Этот термин используется для обозначения беспроводных сетей связи. Еще одним примером является термин *blog*, который является сокращением от *web log*. Этот термин используется для обозначения интернет-дневников.

Сжатие предложения с вычленением многокомпонентного термина выглядит в **английском и русском** научно-технических текстах по кибернетике следующим образом:

There is a little agreement on what makes one expression of control flow more complicated

than another ‘Программисты еще не пришли к единому выводу, что именно делает одно выражение потока управления более сложным, чем другое’ – *There is considerable agreement among computer professionals that complicated control flow should be minimized.* ‘Большинство программистов пришло к единому мнению о том, что сложный поток управления должен быть минимизирован’ [БАРПС].

Формирование словосочетания *complicated control flow* ‘сложная управляющая логика (программы)’ происходит в несколько этапов и начинается с определения ключевого термина *flow* ‘логика (программы)’. Определение нового, отмежевавшегося понятия *control flow* ‘управляющая логика (программы)’, даётся в форме предложения и является логическим приёмом, позволяющим отличать, отыскивать, строить интересующий предмет, а также формировать значение вновь вводимого термина или уточнять значение уже существующего. Необходимость и целесообразность терминологического сочетания *complicated control flow* ‘сложная управляющая логика’ также обосновывается определением, уточняющим всё сочетание в целом и присоединяемый компонент в частности.

Вышеописанное явление также имеет место и в русских научно-технических текстах по кибернетике, например:

Неточность в этих задачах содержится не только в ошибках измерения координат точек или вычисления геометрических характеристик, но и в самой постановке. На какую величину можно независимо изменять координаты точек задач, чтобы при любых возмущениях в пределах этой величины «геометрия» решений возмущенных задач совпадала с геометрией полученного решения исходной задачи? [БАРПС].

Процесс свертывания терминологических словосочетаний можно проследить и на примере образования **аббревиатур**, например: *CRDTL* ‘резисторно-диодно-транзисторные логические схемы’, *НПМ* ‘начальный путь маршрута’, *FACE* ‘программируемый пользователем управляющий элемент’, *АККОРД* ‘автоматизация контроля и координации оптимальных решений деятельности’, что обеспечивает им дальнейшее существование в производных словах. Л. Ю. Буянова отмечает, что аббревиатуры могут быть полезны для сокращения объема текста и упрощения чтения, а также указывает на опасность неправильного понимания аббревиатур и необходимость их расшифровки в тексте [Буянова, 2013: 113].

Итак, свертывание позволяет создавать новые термины, которые легко запоминаются и используются в различных областях науки и техники. Кроме того, этот способ позволяет экономить место при написании текстов и упрощает их чтение и понимание. Однако

свертывание может приводить к недопониманию термина, особенно если он используется в разных контекстах. Кроме того, свертывание может усложнять процесс перевода терминов на другие языки, так как они могут не иметь аналогов для сокращений.

4. Выводы. Таким образом, в терминологии кибернетики процесс формирования новых терминов на основе уже существующих происходит циклично. Сначала от однокомпонентного термина к двухкомпонентному, трехкомпонентному и многокомпонентному терминологическому словосочетанию. Затем, согласно стремлению языка к краткости, а также из-за громоздкости целых предложений и многокомпонентных терминологических словосочетаний имеют место процессы терминологического стяжения, семантической конденсации и аббревиации. В результате этих процессов количество их компонентов уменьшается, образуются двухкомпонентные терминологические словосочетания, однокомпонентные термины и аббревиатуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметова М. Э. Отечественный и зарубежный опыт изучения терминоведения: эволюция понятия «термин» в лингвистике // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014. № 8. Ч. 1. С. 22-26.
2. Бортничук Е. Н., Василенко И. В. и др. Словообразование в современном английском языке. Киев: Вища школа, 1988. 261с.
3. Буянова Л. Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. Москва: Издательство «Флинта», 2013. 389 с.
4. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // *Труды Московского института истории, философии и литературы*. Москва: ЛИТЕРА, 1939. Т. 5. Сборник статей по языковедению. С. 3-54.
5. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Москва, 1998. 59 с.
6. Гринев С. В. Основы лексикографического описания терминосистем: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Москва, 1990. 44 с.
7. Даниленко В. П. О месте научной терминологии в лексической системе языка // *Вопросы языкознания*. 1976. № 4. С. 57-64.
8. Дроздов В. А. Лексико-семантическая группа «Наименования животных в карибских креолях на англо-язычной основе» // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2022. Т. 18. Вып. 1 (55). С. 75-85.
9. Карашук П. М. Словообразование английского языка. Москва: Высшая школа, 1977. 303 с.
10. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // *Языковая номинация: Виды наименований*. Москва: Наука, 1977. С. 222-303.
11. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование? Москва: Наука, 1965. 76 с.
12. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.
13. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. Москва: Наука, 1976. 245 с.
14. Чжан Кэ. Понимание термина заимствованное слово в русской и китайской лингвистике // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка, Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8.

№ 3. С. 724-734.

15. Faber B. P. The cognitive shift in Terminology and specialised translation // Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering in Honour of Juan C. Sager. John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 115-128.

16. Gruber J. Lexical structure in syntax and semantics. Amsterdam, 1976. 411 p.

17. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. München: Verlag C. H. Beck. Second edition, 1969. 545 p.

18. Varantola K. Words, terms and translators // Euralex' 92 Proceedings 1-2: Papers submitted to the 5 Euralex international congress on lexicography in Tampere, Finland. Tampere, 1992. P. 121-128.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Большой англо-русский политехнический словарь / под ред. С. М. Барина, А. В. Барковского и др. Москва: Руссо, 2008. Т. 2. 1419 с. [БАРПС].

REFERENCES

1. Akhmetova, M. E. (2014). Otechestvennyy i zarubezhnyy opyt izucheniya terminovedeniya: evolyutsiya ponyatiya «termin» v lingvistike [Domestic and foreign experience in the study of terminology: the evolution of the concept of «term» in linguistics]. In *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No. 8. Ch. 1. Pp. 22-26. (In Russ.).

2. Bortnichuk, Ye. N., Vasilenko, I. V. et al. (1988). *Slovoobrazovaniye v sovremennom angliyskom yazyke* [Word formation in modern English]. Kiev: Vishcha shkola. (In Russ.).

3. Buyanova, L. Yu. (2013). *Terminologicheskaya derivatsiya v yazyke nauki: kognitivnost, semiotichnost, funktsionalnost* [Terminological derivation in the language of science: cognition, semiotics, functionality]. Moskva: Izdatelstvo «Flinta». (In Russ.).

4. Vinokur, G. O. (1939). O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoy tekhnicheskoy terminologii [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology]. In *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury*. Moskva: LITERA, Vol. 5. Sbornik statey po yazykovedeniyu. Pp. 3-54. (In Russ.).

5. Volodina, M. N. (1998). *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominatsiya* [Cognitive-informational nature of the term and terminological nomination]: avtoref. diss. d-ra filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

6. Grinev, S. V. (1990). *Osnovy leksikograficheskogo opisaniya terminosistem* [Fundamentals of lexicographic description of term systems]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

7. Danilenko, V. P. (1976). O meste nauchnoy terminologii v leksicheskoy sisteme yazyka [On the place of scientific terminology in the lexical system of the language]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 4. Pp. 57-64. (In Russ.).

8. Drozdov, V. A. (2022). Lexico-Semantic Group «Names of Animals in English-Based Caribbean Creoles» [Lexico-Semantic Group «Names of Animals in English-Based Caribbean Creoles»]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. Vol. 18. Iss. 1 (55). Pp. 75-85. (In Russ.).

9. Karashchuk, P. M. (1977). *Slovoobrazovanie angliyskogo yazyka* [English word formation]. Moskva: Visshaya shkola. (In Russ.).

10. Kubryakova, E. S. (1977). Teoriya nominatsii i slovoobrazovanie [Nomination theory and word formation]. In *Yazykovaya Nominatsiya: Vidy naimenovaniy*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

11. Kubryakova, E. S. (1965). *Chto takoe slovoobrazovanie?* [What is word-formation?]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

12. Leychik, V. M. (2009). *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, methods, structure]. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom». (In Russ.).

13. Meshkov, O. D. (1976). *Slovoobrazovanie sovremennogo angliyskogo yazyka* [Present-day English word-formation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
14. Chian, Kai. (2017). Ponimanie termina zaimstvovannoe slovo v russkoy i kitayskoy lingvistike [Explanation of the term «borrowing» in Russian and Chinese linguistics]. In *Vestnik RUDN. Teoriya yazyka, semiotika, semantika*. Vol. 8. No. 3. Pp. 724-734. (In Russ.).
15. Faber, B. P. (2002). The cognitive shift in Terminology and specialised translation. In *Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering in Honour of Juan C. Sager*. John Benjamins Publishing Company. Pp. 115-128.
16. Gruber, J. (1976). *Lexical structure in syntax and semantics*. Amsterdam.
17. Marchand, H. (1969). *The categories and types of present-day English word-formation*. München: Verlag C. H. Beck. Second edition.
18. Varantola, K. (1992). Words, terms and translators. In *Euralex' 92 Proceedings 1-2: Papers submitted to the 5 Euralex international congress on lexicography in Tampere, Finland*. Tampere. Pp. 121-128.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

Bolshoy anglo-russkiy politekhnicheskii slovar [Unabridged English-Russian Polytechnic Dictionary]. In S. M. Barinova, A. V. Barkovskogo et al. (eds.). Moskva: Russo, 2008. Vol. 2. (In Russ.).

Брагина Эльмира Раясовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для экономических специальностей (e-mail: e.brahina@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Bragina Elmira R. – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of English for Economics Department (e-mail: e.brahina@donnu.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 06 мая 2023 г.

ЭТНОСПЕЦИФИЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ

Данное исследование посвящено изучению особенностей образования и семантики единиц предметно-бытовой лексики, а именно наименований предметов одежды на осетинском языке. Исследование выполнено в этимологическом, лингвокультурологическом и лексико-семантическом аспектах. В ходе изучения лексики искомого лексико-семантического ряда были выявлены определенные этимологические и другие парадигматические параллели.

Ключевые слова: предметно-бытовая лексика, лексико-семантический ряд, наименования одежды, языковая картина мира.

ETHNOSPECIFIC CHARACTERISTICS OF HOUSEHOLD VOCABULARY

The present investigation deals with the study of peculiarities of formation and semantics of such household vocabulary as names of clothes in the Ossetian language. The study is carried out in etymological, lingua-cultural and lexical-semantic aspects. When analyzing the lexical material definite etymological and other paradigmatic connections were found.

Key words: household vocabulary, lexical-semantic line, names of clothes, language picture of the world.

Введение. В данной работе предпринято изучение способов номинации предметов гардероба представителями осетинского народа. Языковая картина мира каждого этноса обладает специфическими характеристиками. Представителям каждой языковой общности свойственны особые, характерные им пути и способы вербализации событий, явлений и фактов окружающей действительности. Среди наиболее актуальных проблем современной лингвистики выделяются особенности вербальной репрезентации индикаторов самобытности языковых сообществ [Малиева, 2020].

Цель исследования – изучить этноспецифичные характеристики наименований предметов одежды в осетинском языке. Исследование проводится с использованием таких **методов**, как: этимологический, словообразовательный, лингвокультурологический. Специфичные характеристики языка наиболее отчетливо раскрываются на уровне слов, поскольку именно лексический состав языка несет в себе отпечаток культуры и традиций народа [Трубецкой, 1991: 82].

Задачи исследования: изучить наиболее рекуррентные наименования предметов одежды на осетинском языке; рассмотреть словообразовательные характеристики наименований предметов одежды; проанализировать пути и способы образования искомым наименований; установить лексико-семантические характеристики изученных

лексических единиц.

Данное исследование представляется **актуальным** ввиду недостаточной разработанности данной проблематики в осетиноведении.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней установлены источники лексики искомой лексико-семантической группы, определены этнокультурные предпосылки их введения в употребление и раскрыты некоторые их структурные особенности.

Теоретическая значимость работы определяется тем фактом, что ее результаты позволяют усовершенствовать механизмы изучения языковой картины мира осетинского народа.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в курсах общего и сравнительного языкознания.

1. Предметно-бытовая лексика как лингвистическая проблематика. На протяжении всей истории народа лингвокультурные контакты накладывают определенный отпечаток на названия понятий, событий и явлений общественной жизни. Индивидуальные особенности каждого этноса находят отражение в национальной культуре [Трубецкой, 1991: 77-87].

Предметно-бытовая лексика представляется как комплекс лексических единиц для наименования предметов домашнего обихода, посуды, одежды, тканей и т. д. В данной работе исследуется предметно-бытовая лексика, обозначающая наименования предметов гардероба (одежды, обуви и головных уборов).

Эмпирический материал представлен лексическими единицами, составляющими тематическую группу «Наименования предметов одежды». **Материалом для исследования** послужили 112 текстовых фрагментов произведений художественной и научно-популярной литературы, взятых из национального корпуса осетинского языка [ОНК].

Одежда является предметом национальной культуры. Ее покроем, отдельные элементы обладают национальным колоритом. Изучение особенностей народного костюма представляет достаточно обширный материал, как в языковом, так и в культурологическом контексте [Попова, 2012: 8]. В языковой картине мира разных этносов, в том числе и русского, наблюдается особое отношение к одежде на протяжении всей истории народов: одежду носили бережно, она передавалась по наследству, ее не выбрасывали даже после длительной носки [Рабинович, 1988: 127].

Исследователь С. Г. Проскурин полагает, что аналитические, идеографические и топикальные словари нередко предлагают называть тематические группы не словом из лексикона, представляющего предмет анализа, а словом, которое играет роль метаязыка по отношению к анализируемым языкам [Проскурин, 2010: 336]. Под тематическими группами

некоторые исследователи понимают не лексико-семантические значения слов в составе группы, а объединение их по способу обозначения явлений и предметов [Филин, 2008: 231].

Анализу фонетических, орфографических и словообразовательных аспектов осетинского литературного языка посвящены работы В. И. Абаева, Н. К. Багаева, Н. Я. Габараева, К. Е. Гагкаева, Л. Л. Зеленской, М. И. Исаева, А. Дз. Цагаевой, А. А. Цомартовой.

Проблемы иноязычных контактов и связанных с ними лексических заимствований в осетинском языке анализировали Е. Ю. Белогурова, А. Р. Джиоева, З. Б. Дзодзикова, М. И. Исаев, Т. Т. Камболов, М. Б. Кульчиева, Б. А. Тахохов и другие.

В зависимости от статуса, социальной, гендерной, религиозной и возрастной принадлежности человека, существуют различные варианты одежды, выступающие маркерами («княжеская» одежда, одежда, изготовленная из дорогих тканей, наряды для замужних и незамужних и пр. [Горячкина, 2013].

В каждом языке существует определенное количество лексических групп, не описанных и не проанализированных в научной литературе. Существует потребность в изучении этих групп для раскрытия их этнокультурных особенностей [Шведова, 1988: 164]. Одной из недостаточно изученных групп в осетинском языке является предметно-бытовая лексика, в том числе наименования предметов гардероба.

2. Особенности предметно-бытовой лексики осетинского языка. Определенный пласт наименований одежды и быта берет начало в праязыке, из которого термины, претерпевая фонетические и морфологические трансформации под влиянием времени пришли в современные языки. Лексика и терминология как близкородственных, так и дальнеродственных языков нередко сохраняет сходство на современном этапе развития и функционирования языков. Это касается в большей мере терминологической и узкоспециальной лексики, носящей зачастую универсальный характер в большом количестве языков. В силу того, что один и тот же термин зафиксирован в разных языках среди носителей разных этносов приблизительно в один и тот же исторический период, нередко проследить точную этимологию не представляется возможным. Реконструкцией и определением происхождения той или иной лексики занимаются специалисты в области лингвистической типологии, обрабатывающие достаточно солидный массив языкового материала для воссоздания праформ и выведения наиболее точной этимологии. В последнее время наблюдается тенденция к сбору терминологического материала, обслуживающего различные сферы деятельности человека, и составлению словарей терминов и специальной лексики – как лингвистических, так и нелингвистических. Поскольку изучающие осетинский язык испытывают недостаток в лексикографических, в том числе терминологических

источниках, исследование лексики, используемой для обозначения предметов одежды в современном осетинском языке, представляется достаточно **актуальным**. В исследовании проводится изучение лексики выбранного ряда с точки зрения мотивированности, **частотности употребления** и происхождения. Анализ эмпирического материала проводится на основе данных этимологического словаря В. И. Абаева.

Лексическим значением слова следует считать его предметно-вещественное содержание, представленное в виде единицы языка как системы и оформленное в соответствии с его правилами [Виноградов, 1977: 169]. Для определения семантики слов необходимо рассматривать их значения и связи в языковой системе [Кретов, Подтележникова, 2016]. Наименования предметов гардероба современных осетин образованы на основе исконно осетинской и заимствованной лексики, функционирующей согласно правилам осетинской грамматики, фонетики и орфографии. Наиболее распространенными терминами, репрезентирующими концепт «одежда» в современном осетинском языке, являются следующие единицы, используемые в различных контекстах в зависимости от номинативно мотивированного признака:

Наименование *дарæс* ‘одежда, платье’, согласно предположению Вс. Миллера, производится от глаг. корня *dar-* (*dar-un* ‘держат, носить’), хотя суффикс неясен. Предложенное Миллером разъяснение первой части (*dar*) остается в силе; одно из основных значений глагола *daryn* – ‘носить одежду’. Что касается *-æс*, то это, по-видимому, не суффикс, а остаток слова *wæst* ‘одетый, одежда’ из *vasta* (др.инд. *vas*, др.иран. *vah-* ‘одевать’). Стало быть, *dar-* + *wæst* > *daræс* образуется закономерным выпадением *w* после согласного с утратой конечного *-t*, как в *is* ‘есть’, *ængas* ‘взгляд’, *æxsar* ‘доблесть’ и др. Точное значение слова *daræс* в этом случае – ‘носимая или носильная одежда’ [Абаев, 1958: 344].

Раласта йæ ‘одаг дарæс æмæ сæ иу суджы лыггагыл адаймаджы хуызæн сарæзта, йæ худ дæр ыл æркодта [Нарты кадджытæ, 2005] ‘Он снял с себя **верхнюю одежду**, накинул ее на бревно, придав ему вид человека, затем надел на него еще и свою **шапку**’.

Достаточно распространена такая форма, как *уæлæ-дарæс* ‘одежда’ (сложение из *уæлæ* ‘*послелог* над, наверху, сверху, на’ и *дарæс* ‘одежда’), *уæллаг дарæс* ‘верхняя одежда’ или *уæлæ-фтау* ‘накидка’ (от *уæлæ* ‘над, наверху, сверху, на’ и *æфтауын* ‘накидывать, набрасывать’). При этом, согласно точке зрения Всеволода Миллера, если предположить, что слово *æфтауын* (*æftawyn*) состоит из преверба *æ-* и корня *-ftaw-*, это допускает происхождение корня от иранского *-pat / -pta* ‘падать’. Тем не менее, ввиду наличия чередования корневой гласной *æ / u* в иронском и дигорском диалектах осетинского языка, наиболее обосновано деление *æf-* (сейчас непродуктивный преверб.

-æf / -æv от *ara-* или *abi-*) и *-tawun* ‘расстилать’. Префикс *ara-* от существительного образует наречия, обозначающие характер действия, противоположный тому, что выражает производящая основа [Кочергина, 1981].

Фæлæ йын кæд йæ уæлæдарæсыл сæхимидæг дис кодтой, уæд афтæ зæгъæн уыд, æмæ йе’ппæт уæлæдарæс дæр йæ иу хæдонæ аргъ нæ уыд, уый алыварс ыл нæ фидыдтой къурткæйæ, хæлафæй, дзабырæй, цъындайæ [Мах дуг. 11. 1997] ‘Но даже если все дивились его **одежде**, можно было с уверенностью сказать, что его рубашка затмевала все остальные предметы его гардероба: куртку, брюки, обувь, носки’.

Среди наименований предметов гардероба, изученных в рамках данного исследования, встречаются многозначные единицы. Наименование *дзаума* (*zawma*, *zawmaw*) ‘вещи, орудия, утварь, одежда’ происходит от перс. *jama* ‘платье одежда’; перс. *jamadan* > ос. *zamadon* ‘вместилище одежды’ является источником русск. *чемодан* [Абаев, 1958: 390].

Дзæгъæлы сæ калы, афтæмæй зæрдæмæдзæугæ дзаума макуы балхæна [Мах дуг. 10. 1998] ‘Бросает деньги на ветер, а достойной **одежды** не покупает’.

Следующее наименование *пысул* (*pysul*) – ед. ч. ‘тряпка’, мн. ч. *пысултæ* ‘одежда, платье’ то же, что *пыскъуыл* (*pysk’yl*) ‘тряпка’ имеет тюркское происхождение и заимствовано в осетинский язык предположительно из карачаевского языка [Абаев, 1973: 246].

Куыд уынаем, афтæмæй дзырд пысул у уæлæдарæсы ирон нæмттæн сæ оригиналондæр æмæ рагондæртæй иу [Мах дуг. 2. 1999] ‘Как мы видим, слово *пысул* ‘**одежда**’ является одним из наиболее оригинальных и ранних наименований предметов гардероба’.

Слово *къаба* (*k’aba*) ‘платье женское’ в арабском и персидском (*qaba*) обозначало ‘верхнее платье, плащ’. Первоисточник группы – иранский пехл. *karah* ‘плащ’, также вед. *карра* ‘сбруя’, согласно мнению осетиноведов, восходит к индоевропейскому *кар* ‘обхватывать’. Славянская группа слов – русск. *кабат*, чеш., пол. *kabat* восходят к тому же источнику, но через греческий [Абаев, 1958: 615].

Дунетхан хуымæтæджы хъуымацæй чындздзон къаба хуыйын нæ уагъта æмæ цавæр хъуымац загъта, ахæмыл фæхæст стæм [Мах дуг. 4. 1996] ‘Дунетхан не хотела, чтобы ее свадебное **платье** шили из простой ткани, и мы смогли найти ту ткань, которая нравилась ей’.

Термин-компонит *дæллаггуыр* (*dællagguræ*, *astæwæjdælcæmæ*) ‘юбка’ представляет собой гибридное образование, состоящее из исконно осетинской основы и заимствованной предположительно из южнокавказских языков: *dællagguræ* > сложение *dællag* ‘нижний’ с *guræ* ‘туловище’, близкое по значению с лезгинским, грузинским, мегрельским *guri*, *guli* ‘сердце, грудь’ (досл. ‘платье для нижней части туловища’) [Абаев, 1958: 351].

Ныййарджытæ, фылдæр хатт та чызг æмæ лæппу сæхæдæг, къаддæр-уæддæр балхæныц (самал кæныц) уæлæдарæс чындзæн: къаба кæнæ костюм, науæд дæллаггуыр

æмæ уæллаггуыр, сæрбæттæн, худ, мидæггаг дзаумæттæ уу фæлыст, къахыдарæс – туфлитæ кæнæ цырыхъхъытæ йе та батинкæтæ – афæдзы афонтæм гæсгæ уу фæлыст [Хæуытаты Къоста, 2012] ‘Родители, а чаще всего парень и девушка сами, покупают как минимум наряд невесты: платье или костюм, или юбку с верхом, косынку, шапку, нижнее белье, обувь’ – туфли, ботинки или сапоги – в зависимости от времени года.

Термин *хæлаф* (*xalaf*) в современном осетинском языке соответствует русскому ‘штаны’ и на ранних этапах становления языка обозначал ‘предмет верхней одежды, покрывающий разные части тела, в том числе и нижнюю’. Этимологию этого слова дал один из основоположников сравнительно-исторического языкознания и родоначальник этимологии как науки – August Pott [Pott, 1833]. Pott сопоставил осетинское слово *xalaf* с цыганским *xolluf* ‘штаны’, *xalloya* ‘чулки’ [Pott, 1964: 169]. Осетинское слово Pott нашел в книге Клапрота [Klaproth, 1823: 92]. Цыганское слово ведет к древнеиндийскому *kalapa* ‘колчан, пояс, украшение, павлиний хвост’. Исходное значение ‘надето’ сделало это странствующее слово пригодным для обозначения разных частей одежды, в том числе и штанов, а также материала на одежду. На иранской почве образованы: персидское *kalaf* ‘моток, путы (лошади)’; в другой диалектной среде это же слово дало персидское *kulah*, в шугнанском диалекте памирского языка *karapci* ‘кожаный пояс’. Из того же источника предположительно происходят языковые единицы как в восточнославянских языках: *халыва*, *халыва* (в том числе и в украинском), *голенуце* в русском языке, так и в языках западнославянской группы славянской ветви: *cholewa* в польском, в серболужицком *kholowa*, *cholowa* ‘штанина, чулок’. В венгерском представлено слово *kalap* ‘шляпа’. Древнеиндийское *kalapa* следует делить *ka-la-pa*, где первая часть – приставка, а вторая отражает индоевропейскую базу *lep-* || *leb-* >, в английском языке оно представлено как *lap* ‘пола, подол, фалда, складка одежды’, в немецком *lappen* ‘тряпка, лоскут, лохмотья’. В осетинском языке отмечено еще одно бродячее слово этого же семантического круга, восходящее на этот раз не к древнеиндийскому языку, а к латинскому. Оно также является общим достоянием осетинского, цыганского и славянских языков: осетинское *k'alca* ‘штаны, брюки’ (на языке охотников). Ср. итальянское *calza* ‘чулок’, *calzoni* ‘брюки, штаны’, французское *caleçon*, русское (из французского) *кальсоны*, латинское *calcea* ‘чулок’, *calceus* ‘башмак’, цыганское *kaltsy* ‘штаны’ <...>. Как часто бывает со странствующими терминами, пути и даты их передвижения трудно установить [Абаев, 1989: 164].

Уæдæ, йæ хæдон æмæ йæ хæлаф фанелæй сты, уый цæмæй зоньс? [Мах дуг. 2. 1999] ‘А откуда ты знаешь, что он носит рубашку и брюки из фланели?’.

Осетинские слова *хæдон* (*xædon* | *xædonæ*) ‘рубашка’ и *кетæн* ‘холст’ представляют в генезисе одно и то же слово и ведут в конечном счете в семиотический мир; в

древнееврейском *ketonet* и в сирийском *kettana* означали ‘нижня, на голом теле носимая одежда’. Но в то время как *ketæn* примыкает к тюркским и кавказским формам этого слова и представляет относительно позднее заимствование, на *xædon* лежит отпечаток большой древности, и источником для него могло послужить греческое *хитон* ‘нательная одежда преимущественно из льняной ткани’. Заимствование могло иметь место в скифо-сарматское время от греческих колонистов Северного Причерноморья. Нательная рубаха была неотъемлемой принадлежностью одежды скифов и сарматов («их костюм состоял из длинной рубахи, плаща, узких штанов ...») [Граков, 1971: 103; Смирнов, 1964: 139]. Осетинское *xædon* связано с кабардинским *xedan* ‘кусочек ткани, тряпка’ [Абаев, 1989: 157].

Название головного убора на осетинском *худ* (*xúd* | *xodæ*) ‘шапка, папаха’ восходит к иранскому *xauda*, ср. перс. *хои*, *ход* ‘шлем’, в древнеперсидском *xauda* встречается в названии одного из скифских племен *saku tighrauda* ‘саки, носящие островерхие шапки’ (на осетинском это звучит *цыргъ худ сург худ*) [Абаев, 1989: 244].

Æмæ фыййау йæ худ куы фелвасы... [Ирон адæмон сфæлдыстад. 2007] ‘И всякий раз когда пастух снимает шапку...’.

Согласно предполагаемой этимологии лексемы *дарæс*, она состоит из двух основ: *-дар-* и *-æс-* (первоначально *-wæst*, произошедший от индо-европейского *-wes-*) соответствует английской единице *vest* ‘свободная верхняя одежда’ (вошла в обиход в начале XVII века). Поскольку первые письменные памятники о современном осетинском языке датируются концом XVIII века (это было продиктовано существующей необходимостью обучения учащихся церковных школ), нет возможности проследить период введения лексемы *дарæс* в активное употребление.

Согласно этимологии, предложенной В. И. Абаевым, осетинское *худ* использовалось среди скифских племен предположительно в VIII в. до н.э. – IV в. н.э., первоначально зафиксировано в древнеперсидском языке.

Осетинское *хæлаф* ‘штаны’ предположительно имеет индо-европейское происхождение, состоит из приставки *ка-* и основы *lep-*, соответствующей английскому *lap* ‘пола, подол, фалда, складка одежды’, и обозначает дословно ‘надетое’.

Таким образом, обозначения основных предметов одежды в осетинском языке (*дарæс*, *дзаума*, *пысул*, *къаба*, *дæллагуыр*, *хæлаф*, *хæдон*, *худ*) уходят корнями в глубокую древность.

Такие названия, как *daræс* ‘одежда’, *k’aba* ‘платье’, имеют древние индоевропейские или индоиранские этимологии. Приведенные в материале иранские этимологии позволяют сделать вывод о том, что эти предметы одежды существовали уже в скифские времена (*daræс*, *xalaf*, *xúd* | *xodæ*, *kyrat* | *kurat*). Более того, отдельные слова использовались в составе наименований предметов гардероба представителей скифских племен (*saku tighrauda* ‘саки,

носящие островерхие шапки'). Наименование *xædon* | *xædonæ* восходит к тюркским и позднее к кавказским языкам, но, согласно предположению В. И. Абаева, это слово ввиду своего достаточно древнего происхождения могло прийти в язык в скифо-сарматские времена от греческих колонистов.

Тюркское влияние выразилось в названии *pysul*, выступающем одним из наиболее рекуррентных, наиболее нейтральных вербальных средств обозначения одежды в современном осетинском языке.

Арабо-персидские этимологии выступают в таких словах, как *дзаума* (*zawta, zawtaw*) и *къаба* (*k'aba*), обозначающих 'платье, одежда' и 'платье женское' соответственно. Последнее, предположительно, имеет древнюю индоевропейскую этимологию.

К более поздним заимствованиям из южнокавказских языков относятся *дæллаггуыр* (*dællagguræ*) и *астæуæйдæлæмæ* (*astæwæjdælæmæ*). Это говорит о близкостаточном взаимодействии народов, что не могло не наложить отпечаток на лексический состав языка, наряду с традициями.

Интересен тот факт, что одно из слов выборки *хæлаф* (*xalaf*), согласно исследованиям, выступает общим достоянием осетинского, цыганского и славянских языков. Таким образом, пространственно-временные рамки введения слова в обиход проследить не представляется возможным.

3. Выводы

По результатам исследования целесообразно сделать следующие обобщающие выводы:

3.1. Обозначения основных предметов одежды в осетинском языке уходят корнями в глубокую древность.

3.2. Названия большинства осетинских предметов одежды имеют индоевропейские или индоиранские этимологии. Некоторые имеют тюркское, греческое или южнокавказское происхождение.

3.3. Тот факт, что многие из рассматриваемых слов имеют некавказские соответствия, является свидетельством вероятности древнего происхождения этих лексических единиц.

3.4. Ряд наименований предметов гардероба восходит к тюркским и позднее к кавказским языкам.

3.5. Отдельные единицы предметно-бытовой лексики имеют арабо-персидские этимологии.

3.6. В выборке выявлена одна единица с размытой этимологией, представленная в ряде языков праиндоевропейского ареала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959. 168 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва: Наука, 1977. 312 с.
3. Горячкина Е. В. Лингвокультурологические особенности названий одежды в русском языке (на примере лексико-семантической группы «Верхняя и основная одежда») // Вестник Югорского государственного университета. 2013. № 1 (28). С. 13-15.
4. Граков Б. Скифы. Научно-популярный очерк. Москва: Издательство Московского университета, 1971. 202 с.
5. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. Москва: Языки славянских культур, 2006. 671 с.
6. Кочергина В. А. Префиксы в системе словообразования санскритских наречий // Вестник Московского университета. Востоковедение. 1981. № 2. Доступ: <http://sanskrt.org/archives/5638>. (дата обращения: 10.02.2023).
7. Кретов А. А., Подтележникова Е. Н. Опыт метаязыкового описания семантических констант русской лексики // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-metayazykovogo-opisaniya-semanticheskikh-konstant-russkoy-leksiki>. (дата обращения: 14.02.2023).
8. Малиева З. Н., Рубаева В. П. К вопросу об этнокультурной лексике: терминология домашней утвари и кулинарии в осетинском языке // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 273-275.
9. Попова Ю. С. «Язык одежды» в творчестве И. А. Бунина: характерологические и сюжетообразующие функции: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2012. 22 с.
10. Проскурин С. Г. Тематическая сеть языка и культуры // Критика и семиотика. 2010. Вып. 14. С. 335-353.
11. Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. Москва, 1988. 350 с.
12. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. Москва: Наука, 1964. 381 с.
13. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1991. № 2. С. 77-87.
14. Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. 2-е изд. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 176 с.
15. Шведова Н. Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня: Язык, система и ее функционирование. Москва, 1988. С. 152-166.
16. Klaproth J. H. Asia Polyglotta. 1823. 152 s.
17. Pott A. F. Etymologische forschungen auf dem gebeite der indogermanischen sprachen. Lemgo Meyersche hof-buchhandlung. 1833. 366 s.
18. Pott A. F. Die Zigeuner in Europa und Asien; ethnographischlinguistische Untersuchung, vornehmlich ihrer Herkunft und Sprache. Leipzig, 1964. 585 s.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград: Изд-во «Наука», 1958. Т. I. А-К. 654 с.; 1973. Т. II. L-R. 450 с.; 1979. Т. III. S-T. 360 с.; 1989. Т. IV. U-Z. 327 с.
2. Online etymology dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com/search?q>. (accessed: 13.01.2023).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Ирон адæмон сфæлдыстад. Дыууæ томы. Дыккаг том. Дзæуæджыхъæу: Ир, 2007. 655 ф.
2. Мах дуг. 4. 1996.
3. Мах дуг. 11.1997.
4. Мах дуг. 10.1998.
5. Мах дуг. 2.1999.
6. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. 3 чиныг. Дзæуæджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат. 2005. 712 ф.
7. Осетинский национальный корпус. Доступ: http://corpus.ossetic-studies.org/search/?interface_language=ru. (дата обращения: 14.01.2023). [ОНК].
8. Уæздандзинады гуырæнтæ. Хæуытаты Къоста. 2012.

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1959). *Grammaticheskij ocherk osetinskogo yazyka* [Grammatical review of Ossetian language]. Ordzhonikidze: Severo-osetinskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russ.).
2. Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selectas. Lexicology and lexicography]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Goryachkina, E. V. (2013). Lingvokulturologicheskie osobennosti nazvaniy odezhdy v russkom yazyke (na primere leksiko-semanticheskoy gruppy «Verkhnyaya i osnovnaya odezhda») [Linguocultural features of clothes names in Russian (based on lexical-semantic group «Outdoor and basic clothing»)]. In *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (28). Pp. 13-15. (In Russ.).
4. Grakov, B. (1971). *Skify. Nauchno-populyarnyy ocherk* [Scythians. Popular scientific study]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
5. Zaliznyak, A. A. (2006). *Mnogoznachnost v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in language and ways of representing it]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
6. Kochergina, V. A. (1981). Prefiksy v sisteme slovoobrazovaniya sanskritskikh narechij [Prefixes in the system of word-formation of Sanskrit dialects]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Vostokovedenie*. No. 2. Available at: <http://sanskrt.org/archives/5638>. (accessed: 10.02.2023). (In Russ.).
7. Kretov, A. A., Podtelezhnikova, E. N. (2016). Opyt metayazykovogo opisaniya semanticheskikh konstant russkoy leksiki [Metalinguage descripton of semantic constants of Russian vocabulary]. In *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-metayazykovogo-opisaniya-semanticheskikh-konstant-russkoy-leksiki> (accessed: 14.02.2023). (In Russ.).
8. Malieva, Z. N., Rubaeva, V. P. (2020). K voprosu ob etnokulturnoy leksike: terminologiya domashney utvari i kulinarii v osetinskom yazyke [Some aspects of ethnocultural lexis: terms of household utensils and culinary in Ossetian language]. In *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. Vol. 9. No. 3 (32). Pp. 273-275. (In Russ.).
9. Popova, Yu. S. (2012). «Jazyk odezhdy» v tvorchestve I. A. Bunina: kharakterologicheskie i syuzhetoobrazuyushchie funktsii [Language of clothes in works of I. A. Bunin: functions of character and plot creation]: avtoref. diss. ...kand. filol. nauk: 10.01.01. Voronezh. (In Russ.).
10. Proskurin, S. G. (2010). Tematicheskaya set yazyka i kultury [Thematic network of language and culture]. In *Kritika i semiotika*. Iss. 14. Pp. 335-353. (In Russ.).
11. Rabinovich, M. G. (1988). *Ocherki materialnoy kultury russkogo feodalnogo goroda* [Review of material culture of Russian feudal town]. Moskva. (In Russ.).
12. Smirnov, K. F. (1964). *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kultura sarmatov* [Savromates. Savromates' early history]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

13. Trubetsky, N. S. (1991). Ob istinnom i lozhnom natsionalizme [True and false nationalism]. In *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya*. No. 2. Pp. 77-87. (In Russ.).
14. Filin, F. P. (2008). *Istoricheskaya leksikologiya russkogo yazyka* [Historical lexicology of the Russian language]. 2nd ed. Moskva: Izd-vo LKI. (In Russ.).
15. Shvedova, N. Yu. (1988). Leksicheskaya sistema i ee otrazhenie v tolkovom slovare [Lexical system and its reflection in glossary]. In *Rusistika segodnya: Yazyk, sistema i ee funktsionirovanie*. Moskva. Pp. 152-166. (In Russ.).
16. Klaproth, J. H. (1823). *Asia Polyglotta*.
17. Pott, A. F. (1833). *Etymologische forschungen auf dem gebeite der indogermanischen sprachen. Lemgo Meyersche hof-buchhandlung*.
18. Pott, A. F. (1964). *Die Zigeuner in Europa und Asien; ethnographisch-linguistische Untersuchung, vornehmlich ihrer Herkunft und Sprache*. Leipzig.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Abaev, V. I. (1958, 1973, 1979, 1989). *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of Ossetian language]. Izd-vo «Nauka». Leningrad. Vol. I-IV. (In Russ.).
2. *Online etymology dictionary*. Available at: <https://www.etymonline.com/search?q>. (accessed: 13.01.2023).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Iron adæmon sfældystad. Dyuuaæ tomy. Dykkag tom* [Ossetian folk art. Two volumes. Volume two]. Dzæuædzhykhæu: Ir, 2007. (In Ossetian).
2. *Makh dug* [Our epoch]. 4.1996. (In Ossetian).
3. *Makh dug* [Our epoch]. 11.1997. (In Ossetian).
4. *Makh dug* [Our epoch]. 10.1998. (In Ossetian).
5. *Makh dug* [Our epoch]. 2.1999. (In Ossetian).
6. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos* [Narts epos. Ossetian people's epos]. 3 chinyg. Dzæuædzhykhæu: Gassity Viktory nomyl rauagdadon-poligrafion kuystuat. 2005. (In Ossetian).
7. *Osetinskiy natsionalnyy korpus* [Ossetic national corpus]. Available at: http://corpus.ossetic-studies.org/search/?interface_language=ru. (accessed: 14.01.2023).
8. *Uæzdandzinady guyræntæ* [The origin of nobleness]. Khæuytaty Kosta. 2012. (In Ossetian).

Джиева Варвила Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка (e-mail: jio.varvilina@mail.ru), Государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова» 100001, Республика Южная Осетия, Цхинвал ул. Путина, 8

Dzhioeva Varvilina P. – Candidate of Philology, Associate professor of English Language Department (e-mail: jio.varvilina@mail.ru), State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «South Ossetia State University named after A. A. Tibilov» 8, V. V. Putin st., Tskhinval, Republic of South Ossetia, 100001

Поступила в редакцию 28 марта 2023 г.

СЕМАНТИКА КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ЭМОТИВНОГО ПОЛЯ ГРУСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье проводится сопоставительный семантический анализ глаголов, которые выражают каузирование эмоционального состояния грусти в английском и русском языках. Анализ словарных дефиниций и примеров употребления из British National Corpus и Национального корпуса русского языка позволил выделить в семантике рассматриваемых глаголов основные и дополнительные семы, которые модифицируют их значение. Сформулированные в результате проведенного семантического анализа формулы толкования позволяют сделать вывод о сходствах и различиях в семантике рассматриваемых каузативных глаголов в английском и русском языках, а также определить специфику отдельных единиц в рамках одного языка.

Ключевые слова: *Агенса, глаголы, выражающие каузирование эмоционального состояния грусти, дополнительная сема, Каузатор, Ситуация, степень интенсивности эмоционального состояния, формула толкования, Экспериенсер.*

SEMANTICS OF CAUSATIVE VERBS EXPRESSING SADNESS (BASED ON ENGLISH AND RUSSIAN)

The article deals with a comparative semantic analysis of verbs expressing the causation of sadness emotional state in English and Russian. The analysis of dictionary definitions and usage examples from the British National Corpus and the National Corpus of the Russian Language made it possible to identify the main and additional semes in the semantics of the verbs under consideration that modify the meaning. Formulas of interpretation defined as a result of the semantic analysis allowed to draw a conclusion about the similarities and differences in the semantics of the considered causative verbs in English and Russian, as well as to determine the specifics of individual lexemes within the same language.

Keywords: *Agent, verbs expressing the causation of sadness emotional state, auxiliary seme, Causator, Situation, level of strength of emotional state, interpretation formula, Experiencer.*

1. Введение

Статья посвящена изучению семантики каузативных глаголов, которые выражают каузирование эмоционального состояния грусти (далее ГКГ) в английском и русском языках, и ее сопоставительному анализу. Несмотря на то, что универсальность эмоций как явления не вызывает сомнений, языковое выражение радости, грусти, гнева, страха и других чувств подвержено влиянию культурно обусловленных скриптов того или иного общества [Вежбицкая, 1999; Красавский, 2008]. Экстралингвистические факторы влияют не только на выражение идей и концептов, но и на их восприятие носителями языка. Определение такой специфики в рамках одного языка или в сопоставительном аспекте обуславливает интерес лингвистов к семантическому анализу лексических единиц разных

тематических групп на материале различных языков [Дроздов, 2022; Калиущенко, 2020; Басыров, 2021 и др.].

Особый интерес в этой связи вызывают каузативные глаголы [Баклагова, 2022; Гуров, 2020; Дадуева, 2019 и др.], выражающие, в частности, каузирование эмоционального состояния (далее ЭС) [Kuznetsova, Vortnikova, 2022; Богданова, 2019; Цуй, 2019 и др.]. Корректное понимание и использование носителями языка лексического выражения каузирования эмоций, а также передача этого процесса средствами другого языка составляют, в том числе, основу успешной межкультурной коммуникации.

Целью данного исследования является сопоставительный семантический анализ глаголов, обозначающих каузирование эмоционального состояния грусти (ГКГ) в английском и русском языках.

Материалом исследования послужили ГКГ (9 глаголов в английском языке и 11 глаголов в русском языке), отобранные из толковых словарей и рассмотренные на примерах из British National Corpus [BNC] (127 предложений) и Национального корпуса русского языка [НКРЯ] (150 предложений).

2. Теоретические основы исследования

В основе явления каузирования лежит так называемая каузативная макроситуация, состоящая из двух микроситуаций, связанных между собой отношением причинения. Каузирующая микроситуация (антецедент) является причиной появления каузируемой микроситуации (консеквента) [Недялков, Сильницкий, 1969: 6-7]. Каузативную макроситуацию формирует предикат – каузативный глагол. В данной работе это глагол, который выражает смену эмоционального состояния одушевлённого объекта каузирования.

В основе ситуации антецедента лежит Каузатор – синтаксический субъект, ключевая причина, которая приводит к возникновению или изменению эмоционального состояния синтаксического объекта. Каузатор – это обобщающий термин, под которым понимается ряд более конкретных семантических актантов антецедента, а именно: Агнс (одушевленный деятель, совершающий осознанное действие) [Fillmore, 1968: 25], Ситуация (событие, состояние или действие, приводящее к каузированию эмоционального состояния) [Сусов, 1973: 15], Событие (нерасчлененная ситуация, в которой нельзя выделить субъект и объект) [Сусов, 1973: 24]. Основу ситуации консеквента составляет семантический актант Экспериенцер – человек или группа лиц, испытывающие смену эмоционального состояния [Падучева, 2004: 47]. Семантические актанты имеют разнообразное выражение на синтаксическом уровне, например:

(1) англ. *Understandably, this change in your partner distresses you and you are anxious about the implications for your future* [BNC] ‘Понятно, что это изменение в вашем партнере огорчает вас, и вы беспокоитесь о последствиях для вашего будущего’.

(2) рус. *После триумфальной победы над «Спартак» осетинские барсы только разочаровывают своих болельщиков <...>* [НКРЯ].

Каузативная макроситуация в примере (1) содержится в следующей части предложения: *this change in your partner distresses you*. К смене эмоционального состояния (ЭС) в данном примере приводит Каузатор-Ситуация *this change in your partner*. Изменения в поведении или отношении партнера (супруг или человек, с которым вы состоите в отношениях) каузируют Экспериенцера *you* ‘вас’ испытывать грусть и непонимание. В примере (2) причиной смены ЭС Экспериенцера *своих болельщиков* является Агенс *осетинские барсы*. Сам по себе Агенс (одушевленный деятель) не может каузировать в Экспериенцере ЭС. Для каузирования эмоции Агенс требует какого-то действия, которое, однако, не всегда выражено эксплицитно в рамках предложения. Из контекста примера (2) можно предположить, что Агенс потерпел несколько поражений в играх после встречи с командой «Спартак», чем каузировал Экспериенцера испытывать ЭС грусти.

Согласно современным лингвистическим представлениям, семантика лексических единиц представляет собой структуру, компоненты (семы) которой находятся в иерархической зависимости. Ю. Д. Апресян выделяет в семантической структуре лексической единицы основные семы, которые представляют базу значения, и дополнительные семы, которые его модифицируют [Апресян, 1970]. Анализ дополнительных сем позволяет выделить сходства и различия в значениях слов, в частности ГКГ, в разных языках, а также определить специфику значений синонимических единиц в рамках одного языка. Основные и дополнительные семы, а также семантические актанты позволяют составить формулы толкования (далее ФТ), т. е. перифразы значений ГКГ с сохранением главных актантов предиката [Калиущенко, 2016: 55]. Основными семами ГКГ являются сема каузирования и сема эмоционального состояния, а актантами, входящими в их толкование – Каузатор и Экспериенцер. Таким образом, общая ФТ для всех каузативных глаголов, выражающих любое ЭС, следующая: «К каузирует Ехр испытывать St», где К – Каузатор, Ехр – Экспериенцер, St – эмоциональное состояние [Липанова, 2022: 99].

3. Анализ семантики ГКГ в английском и русском языках

3.1. Общее в семантике ГКГ английского и русского языков

Анализ семантики ГКГ выявил ряд единиц со схожей семантикой в английском и русском языках: (а) англ. *to sadden, to upset*, рус. *огорчать, огорчить*; (б) *to disappoint*,

to dismay, рус. *разочаровывать, разочаровать*.

3.1.1. Глаголы, которые составляют группу (а), обнаруживают в своей семантике дополнительную сему низкой степени интенсивности ЭС. ГКГ *to sadden* обладает наиболее общим значением: «to make somebody sad» [OED, CD] ‘делать кого-то грустным’, которое позволяет употреблять данный глагол в разнообразных контекстах, например:

(3) англ. *It saddens me to think that these unfortunate souls paid millions of rupees without seemingly any realization of the incredible danger they were going to be put in* [BNC] ‘Мне грустно думать, что эти несчастные души заплатили миллионы рупий, по-видимому, не осознавая невероятной опасности, которой они были подвергнуты’.

Каузативная макроситуация в примере (3) содержится в первом простом предложении *It saddens me to think*. Для определения Каузатора, который непосредственно в каузативной макроситуации выражен неопределённым местоимением *it*, необходим анализ более широкого контекста. Следующая Ситуация каузировала Экспериенцера *me* (рассказчик) испытывать ЭС низкой степени интенсивности: беженцы из Ливии, которые утонули у берегов Греции, когда пытались незаконно мигрировать в страну, заплатили большую сумму денег людям, которые подвергли их смертельной опасности. Несмотря на трагичность произошедшего, Экспериенцер не испытывает ЭС высокой степени интенсивности, так как не является членом семьи или родственником погибших.

ГКГ *to upset* обладает более высокой частотностью употребления, так как, согласно его словарной дефиниции, выражает не только каузирование ЭС грусти, но также волнения и гнева: «to make someone worried, unhappy, or angry» [OED] ‘сделать кого-то обеспокоенным, несчастным или сердитым’, например:

(4) англ. *I feel totally side-lined and sad about the whole situation, and now any talk of the wedding upsets me* [BNC] ‘Я чувствую себя полностью отстраненной и грустной из-за всей этой ситуации, и теперь любой разговор о свадьбе меня огорчает’.

Каузатором в примере (4) является Ситуация *any talk of the wedding* ‘любой разговор о свадьбе’, которая каузирует Экспериенцера *me* (рассказчик) испытывать ЭС грусти низкой степени интенсивности из-за непредвиденных затруднений в ходе подготовки к свадьбе. Возникшие трудности не угрожают проведению мероприятия, поэтому Экспериенцер расстроен не сильно.

Значением каузирования ЭС грусти низкой степени интенсивности в русском языке обладает пара глаголов *огорчать, огорчить*. Являясь видовой парой (один глагол совершенного вида, другой несовершенного), оба эти ГКГ имеют общую словарную

дефиницию: «причинять огорчение кому-либо, расстраивать, опечаливать» [БАСРЯ]. В русском языке *огорчение* – это «чувство горечи (тягостное, гнетущее ощущение, вызванное разочарованием, обидой, неудачей), неудовольствия, вызванное чем-либо» [БАСРЯ]. Анализ примеров употребления позволяет заключить, что глаголы *огорчать*, *огорчить* выражают каузирование ЭС низкой степени интенсивности:

(5) рус. *В этом роде гонорары мои огорчали меня долгое время* [НКРЯ].

(6) рус. *Огорчило меня, что литераторам книга показалась сложной* [НКРЯ].

Вид глагола имеет большое влияние на семантику ГКГ в русском языке. Глаголы несовершенного вида выражают повторяющееся каузирование или каузирование на протяжении некоторого времени, а глаголы совершенного вида – однократное каузирование эмоции. Так, в примере (5) Каузатор-Ситуация *В этом роде гонорары мои* каузирует Экспериенцера *меня* (рассказчик) испытывать ЭС низкой степени интенсивности на протяжении определённого времени, что эксплицитно выражено в предложении: *долгое время*. В примере (6) ЭС Экспериенцера *меня* (рассказчик) каузировала однократная Ситуация *литераторам книга показалась сложной* (книгу прочитали и оценили один раз).

Можно заключить следующее: ГКГ англ. *to sadden, to upset*, рус. *огорчать, огорчить* обладают одной дополнительной семой, что позволяет сформулировать следующую ФТ: «К каузирует Ехр испытывать St (грусть) низкой степени интенсивности».

3.1.2. В группу глаголов (б) вошли ГКГ, в семантике которых была выявлена сема разочарования из-за несоответствия ожиданиям. В английском языке данное ЭС выражают два глагола: *to disappoint* и *to dismay*. Словарная дефиниция ГКГ *to disappoint* очень подробно описывает каузируемое чувство: «to make somebody feel sad because something that they hope for or expect to happen does not happen or is not as good as they hoped» [OED] ‘заставить кого-то грустить, так как то, на что они надеются или ожидают, не происходит или происходит не так хорошо, как они надеялись’, например:

(7) англ. *This inconsistency in Aaliyah's character development disappoints the audience, raising questions about the writing and direction of the show* [BNC] ‘Эта непоследовательность в развитии характера Алии разочаровывает аудиторию, вызывая вопросы о сценарии и направлении шоу’.

Каузатор-Ситуация в примере (7) *This inconsistency in Aaliyah's character development* ‘Эта непоследовательность в развитии характера Алии’ каузирует Экспериенцера *the audience* ‘аудиторию’ испытывать ЭС грусти, так как Экспериенцер ожидал от Алии (будущей популярной американской певицы и актрисы) определенного развития в рамках

шоу *Star Search*, в котором она участвовала.

ГКГ *to dismay* отличается от *to disappoint* тем, что, согласно словарной дефиниции, выражает каузирование не только ЭС грусти из-за несоответствия ожиданиям, но также ЭС удивления, недоверия к происходящим событиям: «*to make somebody feel shocked and disappointed*» [OED] ‘сделать кого-то шокированным и разочарованным’, например:

(8) англ. *We are dismayed by the human resource and manpower gaps in various health institutions at all levels in Kogi state <...>* [BNC] ‘Мы разочарованы нехваткой кадров и ресурсов в различных медицинских учреждениях всех уровней в штате Коги <...>’.

Экспериенцер *we* ‘мы’ в примере (8) испытывают ЭС разочарования, которое каузировала у него Ситуация *the human resource and manpower gaps ...* ‘нехваткой кадров и ресурсов ...’. Экспериенцер также удивлен, так как, вероятно, имел другие представления о ситуации в секторе здравоохранения в штате.

В русском языке каузирование ЭС разочарования выражает видовая пара глаголов *разочаровывать, разочаровать*. Их общая словарная дефиниция «заставлять, вынуждать разочароваться в ком-, чем-либо» [ССРЛЯ] не раскрывает суть разочарования как степени ЭС грусти, что приводит к необходимости анализа примеров употребления:

(9) рус. Фильм разочаровал [НКРЯ].

В примере (9) отсутствует эксплицитное выражение Экспериенцера. Каузатор-Ситуация *фильм* вызывает ЭС грусти у того, кто его посмотрел, а именно у говорящего, который не имеет выражения на синтаксическом уровне. Разочарование каузирует факт несоответствия глубины фильма по сравнению с книгой, по которой он был снят. В более широком контексте невыраженный Экспериенцер подчеркивает, что в фильме всё внимание уделялось «бытовухе», которая была совсем не главной в книге.

Таким образом, можно заключить, что ФТ глаголов англ. *to disappoint, to dismay* и рус. *разочаровывать, разочаровать* включает в себя одну дополнительную сему несоответствия ожиданиям и имеет следующий вид: «К каузирует Exp испытывать St (грусть) из-за несоответствия ожиданиям».

3.2. Специфика семантики ГКГ в английском языке

Ряд глаголов в английском языке обладает семантикой, отличной от семантики эквивалентных русских глаголов.

3.2.1. Специфическим значением в английском языке обладает ГКГ *to trouble*, который употребляется только в ситуациях, когда Экспериенцер находится в затруднительном положении. В его словарной дефиниции нет указания на обязательность

Каузатора-Ситуации – «to make somebody worried or upset» [OED] ‘заставить кого-то волноваться или расстраиваться’, однако анализ примеров подтверждает необходимость наличия Каузатора-Ситуации, вызывающего затруднения у Экспериенцера:

(10) англ. *Funding is only one of the constraints which troubles the scientific community* [BNC] ‘Финансирование – лишь одно из препятствий, беспокоящих научное сообщество’.

Каузатор-Ситуация *Funding* ‘Финансирование’ в примере (10) является проблемой для Экспериенцера *the scientific community* ‘научное сообщество’ из-за его недостаточности и трудностей с его получением, что каузирует Экспериенцера испытывать ЭС грусти низкой степени интенсивности.

Две дополнительные семы: Каузатора-Ситуации и низкой степени интенсивности отражены в ФТ данного ГКГ: «К каузирует Ехр испытывать St (грусть) низкой степени интенсивности из-за затруднительной ситуации».

3.2.2. Каузатора-Ситуацию также требует семантика глагола *to unsettle*, который, согласно словарной дефиниции, употребляется для выражения каузирования грусти и тревоги из-за того, что ситуация, в которой находится Экспериенцер, изменилась неожиданным или неприятным для него образом: «to make somebody feel upset or worried, especially because a situation has changed» [OED] ‘заставить кого-то чувствовать себя расстроенным или обеспокоенным, особенно потому, что ситуация изменилась’, например:

(11) англ. *His penchant for outward expressions of hunger and motivation unsettle fans of a sport that cling to its traditions of gentle and cordial conduct* [BNC] ‘Его склонность к внешнему выражению нетерпеливости и мотивированности тревожит поклонников спорта, которые цепляются за свои традиции мягкого и сердечного поведения’.

В примере (11) Экспериенцера *fans of a sport* ‘поклонников спорта’ беспокоит и расстраивает то, что привычные им отношения между спортсменами меняются на более откровенные, т.е. Каузатор-Ситуация *His penchant for outward expressions of hunger and motivation* ‘Его склонность к внешнему выражению нетерпеливости и мотивированности’ каузирует Экспериенцера испытывать ЭС грусти из-за изменения ситуации, что соответствует ФТ глагола *to unsettle*: «К каузирует Ехр испытывать St (грусть) из-за изменения ситуации».

3.2.3. ЭС грусти часто сопровождается чувством безнадежности. В английском языке такую сдвоенную эмоцию выражает глагол *to depress*, что отражается в его словарной дефиниции «to make somebody sad and without enthusiasm or hope» [OED] ‘сделать кого-то грустным и без энтузиазма или надежды’, и подтверждается примерами употребления:

(12) англ. *I bowed out at the inception of the video-sharing social media app TikTok, which depresses me because it seems to be replacing reading for young people* [BNC] ‘Я отказался от приложения для обмена видео в социальных сетях TikTok, которое меня угнетает, потому что кажется, что оно заменяет чтение для молодежи’.

Экспериенцер *me* (рассказчик) в примере (12) испытывает ЭС грусти, которое каузирует Ситуация *the video-sharing social media app TikTok ... seems to be replacing reading for young people* ‘приложения для обмена видео в социальных сетях TikTok ... кажется, что оно заменяет чтение для молодежи’. Экспериенцер не надеется, что поколение, которое постоянно пользуется приложением TikTok вырастет интеллигентным и начитанным.

Таким образом, можно сформулировать ФТ ГКГ *to depress*, которая будет включать сему безнадежности: «К каузирует Exp испытывать St (грусть) и потерять надежду».

3.2.4. ГКГ *to distress* также употребляется только с Каузатором-Ситуацией. Словарное толкование данного глагола содержит только сему высокой интенсивности каузируемого чувства: «to make somebody feel very worried or unhappy» [OED] ‘заставить кого-то чувствовать себя очень обеспокоенным или несчастным’, однако анализ примеров подтверждает, что данный глагол не употребляется с Каузатором-Агентом:

(13) англ. *Mr Coates said that evidence showed the murder on their property distressed the couple extremely* [BNC] ‘Г-н Коутс сказал, что улики, свидетельствующие об убийстве на их территории, чрезвычайно огорчили пару’.

Пример (13) содержит эксплицитное выражение высокой степени интенсивности каулируемого ЭС – *extremely* ‘чрезвычайно’. Каузатором в данном примере является Ситуация *evidence showed the murder on their property* ‘улики, свидетельствующие об убийстве на их территории’, которая каузирует Экспериенцера *the couple* ‘пару’ испытывать ЭС грусти высокой степени интенсивности.

Две дополнительные семы, содержащиеся в значении ГКГ *to distress*, сема Каузатора-Ситуации и сема высокой интенсивности каулируемого чувства, включены в ФТ данного глагола: «К каузирует Exp испытывать St (грусть) высокой степени интенсивности из-за произошедших событий».

3.2.5. Чувство самого глубокого отчаянья и грусти в английском языке выражает ГКГ *to grieve*. Существительное *grief*, от которого происходит глагол, означает ‘скорбь, глубокое горе’, что влияет на семантику деривата, словарная дефиниция которого следующая: «to make you feel very sad» [OED] ‘сделать тебя очень грустным’. Примеры употребления также подчеркивают высокую степень интенсивности каулируемого чувства:

(14) англ. *The incident that occurred near campus last night grieved us deeply and we extend our deepest condolences to the victim's family and friends* [BNC] ‘Инцидент, произошедший прошлой ночью недалеко от кампуса, глубоко опечалил нас, и мы выражаем наши глубочайшие соболезнования семье и друзьям жертвы’.

Высокая степень интенсивности каузируемого ЭС грусти выражена эксплицитно в примере (14) – *deeply* ‘глубоко’, а также предполагается значением глагола. Каузатор-Ситуация *The incident that occurred near campus last night* ‘Инцидент, произошедший прошлой ночью недалеко от кампуса’ (нападение на девушку неизвестным) каузировал Экспериенцера *us* ‘нас’ испытать ЭС самой высокой степени интенсивности, так как жертва нападения скончалась по пути в больницу.

Сема высокой степени интенсивности каузируемого ЭС отражена в ФТ глагола *to grieve*: «К каузирует Exp испытывать St (грусть) самой высокой степени интенсивности».

3.3. Особенности семантики ГКГ в русском языке

В русском языке только две группы ГКГ обладают специфической семантикой, а именно: *печалить, опечаливать, опечалить* и *расстраивать, расстроить*.

3.3.1. Анализ словарных толкований и примеров употребления позволил выявить в русском языке ГКГ с семантикой, не модифицированной дополнительными семами: *расстраивать, расстроить*. Данная видовая пара глаголов имеет дефиницию «приводить в плохое настроение, огорчать» [ССРЛЯ], например:

(15) рус. *Я люблю эти короткие утренние минуты одиночества, когда можно спокойно подумать, собрать себя для рабочего дня. Оттого стук в дверь меня расстроил* [НКРЯ].

Каузативная макроситуация в примере (15) содержится во втором предложении примера, однако без первого предложения невозможно понять, почему Ситуация *стук в дверь* каузировала Экспериенцера *меня* (рассказчик) испытать ЭС грусти, а именно: тот, кто посетил Экспериенцера, своим визитом прервал его любимую утреннюю рутину.

ФТ глаголов *расстраивать, расстроить* учитывают разницу в однократности / неоднократности каузируемого состояния, а также тот факт, что *расстроить* и *расстраивать* выражают каузирование базовой эмоции без степени интенсивности и других дополнительных сем: «К некоторое время / неоднократно каузирует Exp испытывать St (грусть)» (ФТ ГКГ *расстраивать*); «К однократно каузирует Exp испытывать St (грусть)» (ФТ ГКГ *расстроить*).

3.3.2. В русском языке были выявлены ГКГ, семантика которых содержит компоненты, указывающие не только на эмоциональные, но и на духовные переживания

Экспериенцера. Видовая пара глаголов *печалить*, *опечалить* и их устаревший синоним *опечаливать* имеют следующую словарную дефиницию: «повергать кого-либо в печаль, причинять кому-либо печаль; огорчать» [ССРЛЯ]. Номинант эмоции *печаль*, согласно толковому словарю, выражает «чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи» [БАСРЯ], например:

(16) рус. *Недавние трагические события в Москве, террористические акты в ряде городов на юге России опечалили всех нас <...>* [НКРЯ].

Духовные переживания Экспериенцера *нас всех* вызваны Ситуацией *Недавние трагические события в Москве ...* Массовость Экспериенцера, который означает не одного человека, а массу людей, доказывает глубину каузируемого чувства скорби из-за трагических событий, которые повлекли за собой много человеческих жертв.

Анализ примеров и словарных дефиниций позволяет сформулировать следующую ФТ для исследуемых ГКГ: для *печалить*, *опечаливать* «К некоторое время / неоднократно каузирует Ехр испытывать St (грусть) на духовном уровне»; для *опечалить* «К однократно каузирует Ехр испытывать St (грусть) на духовном уровне».

Данные таблицы наглядно демонстрируют сходства и различия в семантике ГКГ в английском и русском языках.

Таблица. *Формулы толкования ГКГ в английском и русском языках*

Формула толкования	Глаголы	
	английский язык	русский язык
1	2	3
1. «К каузирует Ехр испытывать St (грусть) <i>низкой степени интенсивности</i> »	to sadden to upset	огорчать огорчить
2. «К каузирует Ехр испытывать St (грусть) <i>из-за несоответствия ожиданиям</i> »	to disappoint to dismay	разочаровывать разочаровать
3. «К каузирует Ехр испытывать St (грусть) <i>низкой степени интенсивности из-за затруднительной ситуации</i> »	to trouble	
4. «К каузирует Ехр испытывать St (грусть) <i>из-за изменения ситуации</i> »	to unsettle	
5. «К каузирует Ехр испытывать St (грусть) <i>и потерять надежду</i> »	to depress	
6. «К каузирует Ехр испытывать St (грусть) <i>высокой степени интенсивности из-за произошедших событий</i> »	to distress	
7. «К каузирует Ехр испытывать St (грусть) <i>самой высокой степени интенсивности</i> »	to grieve	

Окончание табл.

1	2	3
8. «К некоторое время / неоднократно каузирует Ехр испытывать St (грусть)» // «К однократно каузирует Ехр испытывать St (грусть)»		расстраивать расстроить
9. «К некоторое время / неоднократно каузирует Ехр испытывать St (грусть) на духовном уровне» // «К однократно каузирует Ехр испытывать St (грусть) на духовном уровне»		печалить опечаливать опечалить

4. Выводы

Подводя итог проведенного исследования можно сделать следующие выводы относительно сходств и различий в семантике ГКГ в английском и русском языках:

4.1. В обоих исследуемых языках были выявлены глаголы схожей семантики. Так, ГКГ англ. *to sadden, to upset* и рус. *огорчать, огорчить* выражают каузирование ЭС грусти низкой степени интенсивности, англ. *to disappoint, to dismay* и рус. *разочаровывать, разочаровать* передают значение каузирования грусти из-за того, что каузирующая ситуация не соответствует ожиданиям Экспериенцера.

4.2. Ряд ГКГ в английском языке содержит в своей семантике специфические семы или специфические сочетания общих для обоих языков сем. Только в английском языке были выделены следующие дополнительные семы исследуемых глаголов: каузирование ЭС грусти из-за изменения ситуации, в которой находится Экспериенцер (*to unsettle*); потеря надежды (*to depress*); каузирование ЭС высокой степени интенсивности из-за произошедших событий (*to distress*); каузирование ЭС самой высокой степени интенсивности (*to grieve*). Комбинация ЭС низкой степени интенсивности с семой затруднительной ситуации также является специфической для английского языка (*to trouble*).

4.3. Специфическими для русского языка являются сема духовного переживания эмоции (*печалить, опечаливать, опечалить*), а также отсутствие дополнительных сем: ГКГ, выражающие каузирование базового чувства, не модифицированного степенью интенсивности или семами особых условий употребления (*расстраивать, расстроить*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Описание семантики через синтаксис // *Sign, Language, Culture. The Hague: Mouton, 1970. P. 195-215.*
2. Баклагова Ю. В. Семантические параметры лабильного употребления глагола *freeze* в английском языке // *Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 2. Доступ: <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK222.pdf>. (дата обращения: 17.07.2023).*

3. Басыров Ш. Р. Структурно-семантические особенности лексики периода пандемии коронавируса // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2020. Т. 16. № 4 (50). С. 79-85.
4. Богданова Л. И. Эмоции, оценки и ценности в актантной рамке глагола // *Россия и Запад: диалог культур*. 2019. № 22. С. 33-37.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.
6. Гуров А. Н. Семантика и залоговые формы прямо-каузативных переходных глаголов (на материале испанского и русского языков) // *Казанская наука*. 2020. № 5. С. 128-130.
7. Дадужева Е. А. Семантические особенности конструкций с глаголами двойной каузации в бурятском языке // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2019. № 4 (26). С. 9-16.
8. Дроздов В. А. Лексико-семантическая группа «Наименования животных в карибских креолях на англоязычной основе» // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2022. Т. 18. № 1 (55). С. 75-85.
9. Калиущенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике. Донецк: ДонНУ, 2016. 281 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12.).
10. Калиущенко В. Д. Глаголы, мотивированные зоонимами, в средневерхненемецком и современном немецком языке // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2020. Т. 16. № 4 (50). С. 86-94.
11. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Москва: Гнозис, 2008. 374 с.
12. Липанова П. К. Семантика глаголов, обозначающих каузирование эмоционального состояния радости в английском и русском языках // *Studia Germanica et Romanica*. Донецк, 2022. Т. 18. № 1 (55). С. 97-112.
13. Неद्याлков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969. 310 с.
14. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
15. Сусов И. П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения современного немецкого языка). Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ин-та, 1973. 141 с.
16. Цуй Я. Обозначение эмоции злобы в глагольной лексике (на материале русского и китайского языков) // *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*. 2019. № 3. С. 115-120.
17. Fillmore Ch. J. The case for case // *Universals in Linguistic Theory*. New York, 1968. P. 1-90.
18. Kuznetsova E. V., Bortnikova T. G. Causation in sentences-statements transmitting situations of emotional impact on the object – the carrier of emotion // *Когнитивные исследования языка*. 2022. № 2 (49). С. 343-347.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой академический словарь русского языка: в 26-ти т. Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004-. [БАСРЯ]
2. Современный словарь русского литературного языка: в 17-ти т. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950-1965. [ССРЛЯ]

3. Cambridge Dictionary. Доступ: <https://dictionary.cambridge.org/ru>. (дата обращения: 15.03.2023). [CD].

4. Oxford English Dictionary. Доступ: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. (дата обращения: 10.03.2023). [OED].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Национальный корпус русского языка. Доступ: <https://ruscorpora.ru/new>. (дата обращения: 13.03.2023). [НКРЯ].

2. British National Corpus. Доступ: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>. (дата обращения: 17.03.2023). [BNC].

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1970). *Opisanie semantiki cherez sintaksis* [The description of the semantics through syntax]. In *Sign, Language, Culture*. The Hague: Mouton. Pp. 195-215. (In Russ.).

2. Baklagova, Yu. V. (2022) *Semanticheskie parametry labilnogo upotrebleniya glagola freeze v angliyskom yazyke* [Semantic Parameters of Changeable Usage of *Freeze* Verb in English]. In *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya*. Vol. 13. No. 2. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK222.pdf>. (accessed: 17.02.2023). (In Russ.).

3. Basyrov, Sh. R. (2020) *Strukturno-semanticheskie osobennosti leksiki perioda pandemii koronavirusa* [Structural-Semantic Peculiarities of Covid-19 Pandemic Vocabulary]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 16. No. 4 (50). Pp. 79-85. (In Russ.).

4. Bogdanova, L. I. (2019). *Emotsii, otsenki i tsennosti v aktantnoy ramke glagola* [Emotions, evaluation and value in actant frame of verbs]. In *Rossiya i Zapad; dialog kultur*. No. 22. Pp. 33-37. (In Russ.).

5. Wierzbicka, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic Universals and Language Description]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).

6. Gurov, A. N. (2020). *Semantika i zalogovye formy pryamo-kauzativnykh perekhodnykh glagolov (na materiale ispanskogo i russkogo yazykov)* [Semantics and Voice of Causative Transitive Verbs (based on Spanish and Russian)]. In *Kazanskaya nauka*. No. 5. Pp. 128-130. (In Russ.).

7. Dadueva, E. A. (2019). *Semanticheskie osobennosti konstruktsiy s glagolami dvoynoy kauzatsii v buryatskom yazyke* [Semantic features of constructions with double causation verbs in Buryat]. In *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. No. 4 (26). Pp. 9-16. (In Russ.).

8. Drozdov, V. A. (2022). *Leksiko-semanticheskaya gruppa «Naimenovaniya zivotnykh v karibskikh kreolyakh na angloyazychnoy osnove»* [Lexical-Semantic Group «Names of Animals in English-Based Caribbean Creoles»]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 18. No. 1 (55). Pp. 75-85. (In Russ.).

9. Kaliušchenko, V. D. (2016). *Ot lingvisticheskoy tipologii k istoricheskoy lingvistike*. [From Linguistic Typology to Historical Linguistics]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya. Vol. 12.). (In Russ.).

10. Kaliušchenko, V. D. (2020). *Glagoly, motivirovannyye zoonimami, v sredneverkhnenemetskom i sovremennom nemetskom yazyke* [Zoonym Motivated Verbs in Middle High German and Modern German]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 16. No. 4 (50). Pp. 86-94. (In Russ.).

11. Krasavskiy, N. A. (2008). *Emotsionalnye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh* [Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).

12. Lipanova, P. K. (2022). Semantika glagolov, oboznachayushchikh kauzirovanie emotsionalnogo sostoyaniya radosti v angliyskom i russkom yazykakh [Semantics of Verbs Denoting Causation of Emotional State of Joy in English and Russian]. In *Studia Germanica et Romanica*. Vol. 18. No. 1 (55). Pp. 97-112. (In Russ.).

13. Nedyalkov, V. P., Silnitskiy, G. G. (1969). *Tipologiya kauzativnykh konstruksiy. Morfologicheskiiy kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

14. Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Semantic of Words]. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russ.).

15. Susov, I. P. (1973). *Semanticheskaya struktura predlozheniya (na materiale prostogo predlozheniya sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Semantic Structure of a Sentence (based on a Simple Sentence in Modern German)]. Tula: Izdatelstvo Tulskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institutata. (In Russ.).

16. Tsuy, Ya. (2019). Oboznachenie emotsii zloby v glagolnoy leksike (na material russkogo i kitayskogo yazykov) [Nomination of anger emotion in lexis (based on Russian and Chinese)]. In *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*. No. 3. Pp. 115-120. (In Russ.).

17. Fillmore, Ch. J. 1968. The case for case. In *Universals in Linguistic Theory*. New York. Pp. 1-90.

18. Kuznetsova, E. V., Bortnikova T. G. (2022). Causation in sentences-statements transmitting situations of emotional impact on the object – the carrier of emotion. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 2 (49). Pp. 343-347.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Bolshoy akademicheskiiy slovar russkogo yazyka* [Unabridged Dictionary of the Russian Language]: v 26-ti t. Moskva: Nauka; Sankt-Peterburg: Nauka. 2004-. (In Russ.).

2. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]: v 17-ti t. Moskva – Leningrad: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1950-1965. (In Russ.).

3. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru>. (accessed: 15.03.2023).

5. *Oxford English Dictionary*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. (accessed: 10.03.2023).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new>. (accessed: 13.03.2023).

2. *British National Corpus*. Available at: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>. (accessed: 17.03.2023).

Липанова Полина Константиновна – аспирант кафедры германской филологии (e-mail: p.lipanova@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Lipanova Polina K. – Postgraduate Student of Germanic Philology Department (e-mail: p.lipanova@donnu.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 14 апреля 2023 г.

УДК 811; 161.1

© 2023 Е. И. Петрищева

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ НОМИНАЦИЯ РОДСТВЕННИКОВ

В статье анализируются функционально-семантические особенности английских, немецких, русских и украинских эмоционально-оценочных наименований родственников в неофициальном общении.

Ключевые слова: номинация, семантика, метафора, метонимия, оценочность, номинативная функция.

© 2023 E. I. Petrishcheva

EMOTIONAL-EVALUATIVE NOMINATION OF RELATIVES

The article deals with functional and semantic features of English, German, Russian and Ukrainian emotional-evaluative names of relatives in informal communication.

Key words: nomination, semantics, metaphor, metonymy, evaluation, nominative function.

1. Введение

Наименования лиц – это наиболее активно пополняемый пласт лексики любого языка, который наиболее подвержен эмоционально-оценочному восприятию. Данной проблематике посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных лингвистов, в которых подробно анализируются различные аспекты процесса номинации, а также рассматривается специфика акта наименования отдельных групп языковых единиц [Басыров, 2012; Калиущенко, 2013; Косицкая, 2018; Петрищева, 2022, Fleischer, 1988].

Настоящая статья посвящена изучению проблем номинации эмоционально-оценочных наименований родственников (далее ЭОНР) в английском, немецком, русском и украинском языках.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, повышенным интересом лингвистов к изучению повседневной разговорной речи, которая стала «диалогичнее, эмоциональнее и оценочнее» [Стернин, 2001], а с другой, недостаточной изученностью функциональных и семантических особенностей ЭОНР как в отдельно взятом языке, так и в сопоставительном аспекте.

Объектом исследования являются эмоционально-оценочные наименования родственников в английском, немецком, русском и украинском языках, а **предметом** – функциональные и семантические особенности данных лексических единиц.

Целью настоящего исследования является рассмотрение семантических и функциональных особенностей ЭОНР в неофициальном общении (семейном и дружеском).

Материалом исследования послужили 1722 ЭОНР (англ. – 498 ед.; нем. – 434 ед.;

русск. – 424 ед.; укр. – 366 ед.), полученные из толковых и переводных словарей различного типа (разговорных, сленговых, арготических, жаргонных), из Интернет-ресурсов и национальных корпусов, а также 1782 контекста их употребления, представленные в названных словарях и национальных корпусах сопоставляемых языков.

2. Семантические и функциональные особенности ЭОНР

Оценочность – важнейшее свойство человеческого сознания, способность языковых единиц выражать относительно устойчивую, позитивную или негативную характеристику человека, а также отношение, мнение, суждение о положительной или отрицательной для языковой личности ценности предметов, явлений и процессов; это оценка, выраженная средствами языка [Бессонова, 2018; Городникова, 1985; Кабирова, 2011; Телия, 1986; Яхина, 2008; Hunston, 2011].

Положительная оценка может быть передана только через положительную эмоцию – одобрение, похвалу, ласку, восторг, восхищение и т. п., отрицательная – через отрицательную эмоцию – неодобрение, неприятие, осуждение, досаду, раздражение, пренебрежение, презрение и т. п. Оценка как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию, а параметры эмоции и оценки совпадают: «приятное» – «хорошо», «неприятное» – «плохо».

Анализ ЭОНР в четырех сопоставляемых языках показал, что семантическая оценочность, проявляющаяся в пейоративной и мелиоративной оценках, фиксирует различные оттенки отношения к адресанту (речь идет о наименованиях родственников, выступающих в качестве обращений) и третьему лицу.

Семантическая и прагматическая дифференциация ЭОНР позволили выделить следующие оттенки оценки: оттенок *фамильярности*, выражающий положительную эмоциональную составляющую, подчеркивающий приятельские отношения коммуникантов друг к другу; *оттенок одобрения*, отражающий положительную реакцию на адресата, его поведение, а также на третье лицо, о котором идет речь, *гипокористический оттенок*, выражающий эмоциональную реакцию со стороны говорящих, связанную с интимно любовными чувствами; *оттенок неодобрения*, передающий пренебрежительное отношение; *оттенок иронии*, передающий шутливо-пейоративное отношение; *оттенок презрения*, выражающий сугубо отрицательное отношение.

2.1. Отношения симпатии, любви, эмоциональной близости и благорасположения

В ходе исследования было установлено, что часто ЭОНР употребляются в роли обращений. Обращения в данном случае рассматриваются в двух аспектах: с одной стороны, они являются прагматическими операторами, а с другой, наделены эмоционально-оценочным характером, указывают на отношение адресанта к адресату.

Принимая во внимание иллокутивную цель речевого акта, говорящий использует то или иное обращение, содержащее в себе оценочный показатель. Следовательно, в основе оценочного показателя лежит оценка как объективно-субъективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно.

Для выражения отношения симпатии, любви, эмоциональной близости и благорасположения, как правило, используются ЭОНР, образованные при помощи диминутивов, ср.: англ. разг. *mumsie / mumsy, daddy*; нем. разг. *Männe / Männi, Papsi*; русск. разг. *женушка, муженек*; укр. разг. *брацюра, сестрелянка*:

(1) англ. разг. *Mommy!! Mommy!! Yes, baby boy?* [Urband.]. ‘Мамочка!! Мамочка!! Да, малыш?’.

В данном примере маленький ребёнок (адресант) для привлечения внимания матери (адресата) использует аппелятив *Mommy* (одновременная комбинация трех функций – номинативной, вокативной и социально-регулятивной), в структуру которого входит диминутивный суффикс *-y*, выражающий эмоционально-оценочную функцию.

(2) нем. разг. *Papi, Papi, sieh zu, daß wir hier heil rauskommen* [DSWD]. ‘Папочка, папочка, посмотри, чтобы мы отсюда целыми выбрались’.

(3) русск. разг. – *Это ты вот так **папе** говоришь, посуду помыть надо?! – Ну, **папочка!** Там немного осталось, я почти всё вымыла* [ТСРРРЗ].

(4) укр. разг. *Синочок дивиться крізь тихий сум на мене: «Як ти змінився, **татусь!** Як схуд...»* [НКУЯ]. ‘Сыночек смотрит с тихой грустью на меня: «Как ты изменился, **папочка!** Как похудел...»’.

В сопоставляемых языках в функции обращений могут выступать также зоо- и фитоморфизмы и мифонимы, которые демонстрируют нежные чувства к собеседнику, ср.: англ. *small fry, chicko, chickabiddy*; нем. *Häschen, Ferkel, Engel*; русск. *котик, зайка, рыбка, цветочек, мухоморчик*; укр. *хробачок, кицюню, тигрюля, кульбаба*. Как правило они используются для номинации детей и супругов, и их количество в славянских языках значительно больше, чем в германских, например:

(5) нем. разг. [Обращение жены к мужу]: *Du musst mir helfen, **Häschen*** [DSWD]. ‘Зайка, ты должен мне помочь’.

В примере (5) адресант-жена для выражения иллокутивной функции просьбы и привлечения внимания адресата-мужа использует зооморфизм *Häschen* ‘зайка’, который выполняет номинативную, вокативную и эмоционально-оценочную функции.

(6) англ. разг. [Обращение матери к ребёнку]: *All right, **small fry**, come on, lets go show dad* [Urband.]. ‘Хорошо, малыш, пошли, *покажем* это папе!’.

(7) русск. разг. *Я знаю, на твою руку есть много претендентов, цветочек мой, – кивнул отец* [НКРЯ].

(8) укр. разг. [Обращение мужа к жене]: *Як тобі, кицюню, це подобається?* [НКУЯ]. ‘Как тебе, кисуня, это нравится?’.

Установлению и поддержанию гармоничных отношений в любой коммуникации способствуют тактики юмора, шутки, добродушной иронии, которые формируют у коммуникантов положительный настрой на дальнейшее продолжение общения. С помощью данных тактик можно сделать выговор без нанесения обиды, выразить свое критичное отношение, избегая прямого указания на явления и ситуации, входящие в табуированные области. Неофициальное общение не лишено творчества, в нем часто используются яркие образные ЭОНР, образованные по различным метафорическим и метонимическим моделям, и которые могут быть использованы в ходе общения для номинации третьих лиц, тем самым выполняя номинирующую, характеризующую, оценочную и социально-регулятивную функции:

(9) англ. сленг. *No partying at the house tonight, the warden's home* [Urband.]. ‘Никаких вечеринок сегодня, надзиратели (сленг. ‘родители’) дома’.

(10) нем. разг. *Lars: «Ich geh jetzt, sonst gibts wieder Ärger». Jürgen: «Ach komm, jetzt lass dir doch von deinem Hausdrachen nichts verbieten»* [Mundmische]. ‘Ларс: «Я уже ухожу, а то опять будет скандал. Юрген: «Да брось, не позволяй своей Мегере тебе все запрещать»’.

В данном примере речь идет о разговоре двух товарищей, один из которых именуется супругу-доминанта другого *Hausdrachen* – домашний дракон (номинирующая функция), сравнивая ее скверный характер со сказочным существом (оценочная функция).

(11) русск. разг. *Когда спонсоры (разг. ‘родители’) возвращаются? Надо квартиру убирать* [ТСРРРЗ].

(12) укр. жарг. – *Я ще годину побуду вдома, бо мають заїхати мої коркодители.* – Угу [НКУМ]. ‘Я еще часик побуду дома, а то должны приехать мои коркодители (родители). – Ага’.

2.2. Пренебрежительное, ироничное, неодобрительное, шутливо-пейоративное отношение

В ходе семейно-бытового и дружеского общения дается оценка таким членам семьи, как муж / жена, родители / дети, братья / сестры, бабушка / дедушка и т. д. Оцениваются их внешние данные, особенности характера, поведения, статус и функции в семье, интересы, привычки и т. д. Как правило, больший интерес у говорящего вызывают негативные характеристики, так как человеку в принципе свойственно критиковать все,

что не соответствует его стандартам. В связи с этим среди ЭОНР во всех сопоставляемых языках имеется довольно большой пласт лексики, выражающей пренебрежительное, ироничное, неодобрительное, шутливо-пейоративное отношение говорящего к объекту номинации. Особенно это касается германских языков, т. е. как в них, в отличие от славянских, в принципе доминируют ЭОНР с пейоративной оценкой (см. табл.).

Таблица. Аксиологическая оценка ЭОНР в сопоставляемых языках

Языки	Оценка		Всего
	положительная	отрицательная	
1. Английский	222	276	498
2. Немецкий	209	225	434
3. Русский	306	118	424
4. Украинский	240	126	366
<i>Всего:</i>	<i>977</i>	<i>745</i>	<i>1722</i>

Достаточно популярны в германском и славянском лингвосоциумах мифонимы, образованные на базе названий сказочных и фантастических существ. Так, например, женщина-жена, мать, свекровь, теща при этом наделяется сверхъестественными способностями, качествами и признаками, отличающими ее от других представительниц прекрасного пола (искусство готовить, умение колдовать, очаровать, свести с ума своей красотой или, наоборот, сварливым нравом), ср.: англ. сленг. *devil's daughter, old hige*; нем. разг. *Weibsteufel, Godzilla. Schwiegermonster*; русск. разг. *кикимирова, мегера*; укр. разг. *відьма, фурія* и др. Например:

(13) англ. сленг. *I really wanted to go snowboarding at Lake Tahoe with my friends this weekend but my old hige won't let me go* [Urband.]. 'Я действительно хотел покататься на сноуборде на озере Тахо с друзьями в эти выходные, но моя старая ведьма (т. е. 'жена') меня не пустила'.

(14) нем. разг. *Jungs, ich kann heute nicht mitkommen auf Sauf-Tour ... sonst gibt's wieder Ärger mit Godzilla!* [Mundmische]. 'Парни, сегодня выпить не получится ... а то снова поругаюсь со своей Годзиллой (т. е. 'женой')!'.

(15) русск. разг. *Веселый мужик, все время на мотоцикле разъезжал с геологической сумкой. А жена была мегера, ей, видно, на Кубе не нравилось, и по ночам у них слышались крики и звон разбиваемых тарелок — полы там каменные* [ТСРР2].

(16) укр. разг. *Видурила в мене хуру грошей, але принаймні я її вже не бачу. Клята відьма, зануда, фурія, мегера, холера, каналія, мерзотниця! Життя з нею стало для мене пеклом* [НКУЯ]. 'Выманила у меня кучу денег, но по крайней мере я ее уже не вижу. Проклятая ведьма, зануда, фурия, мегера, холера, каналья, мерзавка! Жизнь с ней стала

для меня адом’.

В ходе исследования среди ЭОНР были выделены наименования, образованные по моделям зоонимной и артефактной метафор, дающие оценку внешности родственников, преимущественно женам:

(17) русск. разг. *Ты жену его видел? Вот жаба-то! Особенно когда мужа своего ругает. Глаза выпучит, щеками трясет, чистая жаба!* [ТСРР1].

(18) укр. разг. *Ти жінку його бачив? Оксанку? Та ще жаба* [НКУЯ]. ‘Ты жену его видел? Оксанку? Та еще жаба’.

(19) англ. сленг. *I have seen many foreigners with a stunningly beautiful «trophy wife»* [Urband.]. ‘Я видел много иностранцев с потрясающе красивой «трофейной женой»’.

Как мы видим из примера (19) в английском сленге молодую, красивую жену, обычно старого богатого мужчины, именуют *trophy wife*, т. е. жена, которой, словно, трофеем, можно похвастаться.

Добавим, что только в американском варианте английского языка были отмечены инициальные аббревиатуры, которые, восхваляют внешность как отца, так и матери:

(20) ам. сленг. *Devan Andersons mom was SO hot. Shes a deff. Milf* (← *mother I'd like to fuck*) [Urband.]. ‘Мама Девана Андерсона была ТАКАЯ горячая. Она определенно секси’.

(21) ам. сленг. груб. *Girl #1: Did you see that guy with the stroller over there? He's a total dilf* (← *dad I'd like to fuck*)! *Girl #2: Yeah, but don't go up and flirt with him. That woman with him is probably his wife* [Urband.]. ‘Девушка #1: ‘Ты видела вон того парня с коляской? Он просто секси!’ Девушка #2: ‘Да, но не вздумай с ним флиртовать. Эта женщина рядом с ним, скорее всего, его жена’.

В примере (21) в ходе дружеского общения одна из подруг для номинации внешне привлекательного отца использует инициальную аббревиатуру *dilf* (← *dad I'd like to fuck*). С одной данное ЭОНР выполняет номинирующую и эмоционально-оценочную функции (дается положительная оценка внешности человека), с другой, мы видим, что они сочетаются еще с тремя функциями – коммуникативной, конспиративной и опознавательной функциями (использование аббревиатуры *dilf* вместо обценного *dad I'd like to fuck*).

Широкими дистрибутивными возможностями обладает социальная метафора (поведение и функции родственников в повседневной и общественной жизни, а также их черты характера ассоциируются с контролирующими (управляющими) функциями должностных лиц (руководителей), государственных учреждений, титулованных особ). Так, с помощью данного типа переноса дается оценка статусу родителей в семье; доминирующему положению мужа; властному, авторитарному характеру жены:

(22) англ. сленг. *Sorry, I can't, I need home. My boss lady expects total submission and respect. Her word is law* [Urband.]. 'Прости, не могу, нужно домой. Моя жена ожидает полного подчинения и уважения. Ее слово – закон'.

(23) нем. разг. *Meine Chefin darf über die Party nicht erfahren* [Sprachnudel]. 'Моя госпожа (т. е. 'мать') не должна узнать о вечеринке'.

(24) русск. жарг. *Завтра ханы* (т. е. 'родители') *отвалят на юг, тогда и раскрутимся* [НКРЯ];

(25) укр. жарг. «*Солдафон!* Звик наказувати!» Чи не так? – Так. [НКУМ]. 'Солдафон (т. е. 'властный муж')! Привык приказывать! Разве не так? – Так'.

Во всех сопоставляемых языках критике как со стороны детей, так и третьих лиц подвергается гиперзабота родителей. Так, для номинации беспокойной, излишне опекающей своего ребёнка (детей) матери, в немецком, русском и украинском языках используют схожий анималистический образ – наездки, ср.: русск. разг. *наседка*; нем. разг. *Glucke*; укр. разг. *квочка*:

(26) нем. разг. *Ok, ich bin keine Glucke und er kann kaum PTA buchstabieren* [Mundmische.]. 'Ладно, я конечно не мамочка-наседка, а он с трудом выговаривает «родительский комитет»'.

(27) русск. разг. *Дело в том, что умник мечтал нравиться. Тем, кого с детства боялся. Которые отвеивали пендаля в школе. Которых отгоняла наседка-мамаша. Которые срывали с него шапку и засовывали за шиворот глазированные сырки. Спустя годы бедняга все еще презирал, ненавидил и грезил, грезил, грезил, чтобы взяли в компанию, приняли за своего, хлопнули по плечу крепкой ладонью* [ТСРРР2].

В английском и немецком языках для номинации родителей, которые уделяют чрезмерно большое внимание своему ребёнку, особенно в образовательных учреждениях, следят за каждым его поступком и решением, пытаются уберечь и решить все проблемы используется артефактная метафора, построенная на переносе с транспортного средства (вертолета) на родителей, ср. англ. сленг. *helicopter parent/mom*; нем. разг. *Helikopter-Eltern / Hubschrauber-Eltern / Helikopter-Mutter / Hubschrauber-Mutter*. Действия родителей, их покровительство, поддержка и т. п. ассоциируется в номинативно-мотивирующей структуре НР с полетом вертолета, который с высоты получает всю информацию относительно наблюдаемого объекта (ребёнка / детей), например:

(28) англ. сленг. Jan: *Are Jane's helicopter parents back in town this weekend?* Judy: *Do you really have to ask that question? They're ALWAYS in town for the weekend.* Jan: *Poor, poor Jane* [Urband.]. 'Джен: А родители Джейн, страдающие гиперопекой

(букв. ‘родители-вертолеты’), вернулись в город в эти выходные?’ Джудит: ‘Тебе действительно нужно задавать этот вопрос? Они ВСЕГДА в городе на выходные’. Джен: ‘Бедная, бедная Джейн’.

(29) нем. разг. *Meine Helikoptereltern machten mich zum Psychotherapiefall* [Mundmische]. ‘Из-за моих родителей-вертолетов (т. е. ‘гиперзаботливых родителей’) мне пришлось проходить курс психотерапии’.

Как в западной, так и славянской культуре гендерные стереотипы сохраняют свои позиции и находят свое отражение в речи: считается неприемлемым, если мужчина занимается «немужским» делом (выполняет работу по дому), слишком явно или охотно подчиняется жене, данный факт закрепляется в эмоционально-оценочной номинации слабых, нерешительный, находящийся в полном подчинении у жены мужей, ср.: англ. сленг. *home bird, monkey-man, pussywhipped*, нем. разг. *Rampenfiffi, Pantoffelheld, Ehestandskrüppel*, русск. разг. *каблук*, укр. разг. *підкаблучник*, ср.:

(30) англ. сленг. *Friend1: Dude, Ryan is really pussywhipped. He follows Christian all over the place, doesn't talk to his friends (unless she does) and only hangs out with her and her friends. Friend2: At least he's getting some* Friend1: *Yeah, but we haven't seen him in 4 months. Tommorrow I'm gonna report him missing to the police* [Urband.]. ‘Friend1: Чувак, Райан самый настоящий **подкаблучник**. Он повсюду следует за Кристиан, не общается со своими друзьями (если только с ней) и тусуется только с ней и ее друзьями. Friend2: По крайней мере, у него кто-то есть Friend1: Да, но мы не видели его 4 месяца. Завтра я сообщу о его пропаже в полицию’.

(31) *Oft kennt ein Pantoffelheld nicht seine Probleme, bis er mit einem glücklichen Junggesellen gesprochen hat* [Mundmische]. ‘Подкаблучник часто не осознаёт своих проблем, пока не поговорит со счастливым холостяком’.

(32) *А может быть, и была ею. Грустный, потерянный человек, **подкаблучник** у **стервы**, как я понимаю, жены, непьющий, малорослый, трудоголик и бессребреник. Иногда его, конечно, заносило, но кто без греха* [НКРЯ].

(33) укр. разг. *На жаль, за вдачею Флавіан типовий **підкаблучник**, і через те йому потрібна жінка без владних амбіцій, бажано взагалі без амбіцій, тиха, сумирна, покірлива* [НКУЯ]. ‘К сожалению, по натуре Флавиан типичный **подкаблучник**, и поэтому ему нужна женщина без властных амбиций, желательно вообще без амбиций, тихая, смиренная, кроткая’.

2.3. Сугубо отрицательное, презрительное, грубое отношение

Материал исследования позволил сделать вывод, что сугубо отрицательное,

презрительное, грубое отношение проявляется в различных ситуациях семейно-бытового и дружеского общения в отношении неверных супругов (как мужа, так и жены), а также незаконнорожденных детей. Как в германской, так и в славянской культурах институт брака священен, поэтому супружеская неверность, а в результате – наличие незаконнорожденных детей порицается как самими супругами, так и обществом, что находит свое отражение в языке. Преобладающее большинство данных ЭОНР являются пейоративами, среди которых наряду с ироничными наименованиями (например, англ. сленг. *baby in the bushes* ('незаконнорожденный ребенок'), *old wolf* ('старый волк'); нем. разг. *Alimentenfrucht* ('незаконнорожденный ребенок'), груб. *Ehehure* ('гулящая жена'); русск. диал. *подогородник* ('незаконнорожденный ребенок'); укр. разг., ирон. *десь там зроблений* ('незаконнорожденный ребенок')) встречаются аффективы (гробиианизмы и бранные слова) русск. груб. *выблюдок / выродок* ('незаконнорожденный ребенок'), русск. руг. *кобель* ('гулящий муж'); укр. груб. *вилупок / виблядок / нагулянець* ('незаконнорожденный ребенок'), укр. бран. *поблядушка / блудниця* ('гулящая жена').

Многие пейоративно окрашенные ЭОНР являются вторичными наименованиями, возникшими в ходе метафоризации и метонимизации. Часто данные стилистические окрашенные ЭОНР сопровождаются пейоративными (грубыми) эпитетами. Рассмотрим на примерах:

а) неверный супруг

(34) англ. сленг. *How dare my wife accuse me of being **bedswerver**? Just because she found women's panties in my suitcase doesn't mean a thing. Prove it!* [Urband.]. 'Как посмела моя жена обвинить меня в неверности? То, что она нашла женские трусики в моем чемодане, еще ничего не значит. Докажите это!'

(35) русск. разг. *Гадалка сказала, что муж вернется к ноябрю, он и вернулся, – не о нем, **кобелине**, речь* [ТСРРЯ2].

(36) укр. разг. *І хто в нас попує? **Блудники, двоєженці, розбійники, лихварі*** [НКУЯ]. 'И кто у нас священствует? Кобели, двоеженцы, разбойники, ростовщики'

б) неверная супруга

(37) нем. бран. *Sagt der Ehemann zu seinem besten Freund: «Na, hab' ich nicht eine geile **Ehehure als Weib?!**»* [Sprachnudel]. 'Муж говорит своему лучшему другу: «Ну, разве моя жена не шлюха?!»'

(38) «*Ужаснулся и усмехнулся. «Что ты, мой муж, голову повесил?». «Жена ты моя, **курва-разбойница**. Загубила ты мою буйную головушку»*» [ТСРРР2].

(39) *Одружився з **кішкою**, а тепер хоч повісся* [ПСУМС]. 'Женился на кошке

(сленг. ‘гулящая жена’), а теперь хоть в петлю иди’.

в) *незаконнорожденный ребенок*

(40) *My new girlfriend has two brush colts* [Urband.]. ‘У моей новой подружки два незаконнорождённых ребенка’.

(41) нем. прен. *Mein Gott, redet ihr schon wieder von Heikes Alimentenfrucht?* [DSWD]. ‘Боже мой, вы опять обсуждаете незаконнорожденного ребёнка Хайке?’.

(42) **Внепачочный** (ребёнок) – это ребёнок от неизвестного **фазера**. И вообще. *Эврикошет!* [НКРЯ].

(43) *Парох на Богданівці мав звичай всіх бенькартів називати одним і тим самим іменем. Всі діставали ім'я Калясантий. Хресний тато Клима зрозумів відразу, що це ім'я було причиною трагедії для молодого хлопця. Калясантий – то було страшне ім'я. До того стыду, що був в родині, ще дитина з таким ім'ям!* [НКУЯ]. ‘Священник на Богдановке имел привычку всех незаконнорожденных детей называть одним и тем же именем. Все получали имя Калясантий. Крестный папа Клима понял сразу, что это имя было причиной трагедии для молодого парня. Калясантий – это было страшное имя. До того стыда, который был в семье, еще ребенок с таким именем!’.

3. Выводы

Сопоставительный анализ эмоционально-оценочных наименований родственников в английском, немецком, русском и украинском языках, позволяет сделать следующие выводы:

1. В семейном и дружеском общении ЭОНР выступают, с одной стороны, в роли обращений, с другой стороны, являются средством выражения эмоционального отношения к члену семьи.

2. Основным механизмом образования слов-наименований родственников в сопоставляемых языках, а также выражения их экспрессивности и передачи эмоциональной наполняемости является метафорический перенос (артефактная, зоонимная и социальная метафоры).

3. С аксиологической точки зрения, анализируемые наименования распадаются на 2 группы: ЭОНР с пейоративной и мелиоративной оценками, которые фиксируют различные оттенки отношения говорящего к слушателю, в частности: оттенки фамильярности, уменьшительности, ласкательности, неодобрения, иронии, презрения. В германских языках преобладают ЭОНР с пейоративной оценкой, а в славянских языках, наоборот, ЭОНР с мелиоративной оценкой.

4. Положительной коннотацией в сопоставляемых языках обладают ЭОНР, которые

образуются преимущественно при помощи различных уменьшительно-ласкательных суффиксов, а также по моделям зоонимной и сказочно-мифологической метафор.

5. Негативную коннотацию, часто с оттенками шутовности и ироничности, в сопоставляемых языках носят обычно ЭОНР, обозначающие родителей, супругов и образованные на базе зоонимной, артефактной, социальной и сказочно-мифологической метафор. Они отображают их основные функции в семье (контроль, власть, материальное обеспечение), а также свойства их характера (суетливость, вспыльчивость, архаичность взглядов, слабохарактерность и др.).

6. Пейоративные ЭОНР с ярко выраженной отрицательной (презрительной, грубой) оценкой в семейно-бытовом и дружеском общении используются обычно для номинации неверных супругов (как мужа, так и жены), а также незаконнорождённых детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басыров Ш. Р. Номинация муж / жена, возлюбленный / возлюбленная в немецком, английском и украинском языках // Филологические чтения. Оренбург: ОГУ, 2012. С. 35-38.
2. Бессонова О. Л. Оценочные наименования лица в разноструктурных языках // Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations. Berlin: PeterLang, 2018. P. 77-93.
3. Городникова М.Д. Эмотивные явления в речевой коммуникации. Москва: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1985. 70 с.
4. Кабирова Г. У. Оценка как языковой концепт // Актуальные вопросы филологических наук. Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. С. 85-87.
5. Косицкая А. Г. Структурно-семантические особенности наименований человека в искусстве (на материале английского и немецкого языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Донецк, 2018. 236 с.
6. Петрищева Е. И. Стилистически маркированные наименования лиц по родственным отношениям: сопоставительный аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Донецк, 2021. 272 с.
7. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: ИПЦ МОУВЭПИ, 2001. 252 с.
8. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 141 с.
9. Яхина А. М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках (на материале ФЕ, обозначающих поведение человека): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2008. 226 с.
10. Fleischer W. Zur Theorie der sprachlichen Benennung // Wortschatz der deutschen Gegenwartssprache in der DDR: Fragen seines Aufbaus u. seiner Verwendungsweise. 2., unveränd. Aufl. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1988. S. 41-50.
11. Hunston S. Corpus Approaches to Evaluation. Phraseology and Evaluative Language. London: Routledge, 2011. 166 p.
12. Kaliuščenko V. D. Die Nominationstypologie eines Begriffs // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt / M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 13-18 (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Британский национальный корпус. Доступ: <https://www.english-corpora.org/bnc>. (дата обращения: 18.01.2023). [BNC].
2. Национальный корпус немецкого языка. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 15.02.2023). [DWDS].
3. Национальный корпус русского языка. Доступ: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>. (дата обращения: 17.01.2023). [НКРЯ].
4. Национальный корпус украинского языка. Доступ: <http://korpus.org.ua/search>. (дата обращения: 07.02.2023). [НКУМ].
5. Онлайн-словарь слов и фраз англоязычного сленга UrbanDictionary. Доступ: <https://www.urbandictionary.com>. (дата обращения: 10.09.2022). [Urband.].
6. Онлайн-словарь повседневного немецкого языка и сленга Mundmische.de. Доступ: URL: <https://www.mundmische.de>. (дата обращения: 16.09.2022). [Mundmische.].
7. Онлайн-словарь повседневного немецкого языка и сленга Sprachnudel.de. Доступ: <https://www.sprachnudel.de>. (дата обращения: 18.07.2022). [Sprachnudel].
8. Перший словник українського молодіжного сленгу. Київ: АТ «ВІПОЛ», 1998. 84 с. [ПСУМС].
9. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А-И / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 776 с. [ТСРРР1].
10. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К-О / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2017. 864 с. [ТСРРР2].
11. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3. П-Р / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2019. 824 с. [ТСРРР3].

REFERENCES

1. Basyrov, Sh. R. (2012). Nominatsiya muzh / zhena, vozlyublenny / vozlyublennaya v nemetskom, angliyskom i ukrainskom yazykakh [Nomination husband / wife, beloved-boy / beloved-girl in the German, English and Ukrainian languages]. In *Filologicheskie chteniya*. Orenburg: OGU. Pp. 35-38. (In Russ.).
2. Bessonova, O. L. (2018). Otsenochnye naimenovaniya litsa v raznostrukturnykh yazykakh [Evaluative nominations of a person in different structural languages] In *Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations*. Berlin: PeterLang. Pp. 77-93. (In Russ.).
3. Gorodnikova, M. D. (1985). *Emotivnye yavleniya v rechevoy kommunikatsii* [Emotive phenomena in communication] Moskva: MGPIIYa im. M. Toreza. (In Russ.).
4. Kabirova, G. U. (2011) Otsenka kak yazykovoy kontsept [Evaluation as language concept] In *Aktualnye voprosy filologicheskikh nauk*. Chita: Izdatelstvo Molodoy uchenyy. Pp. 85-87. (In Russ.).
5. Kositskaya, A. G. (2018). *Strukturno-semanticheskie osobennosti naimenovaniy cheloveka v iskusstve (na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Structural and semantic characteristics of names of people in art (based on the English and German languages)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Donetsk. (In Russ.).
6. Petrishcheva, E. I. (2021). *Stilisticheski markirovannye naimenovaniya lits po rodstvennym otnosheniyam: sopostavitelnyy aspekt* [Stylistically marked kinship names: comparative aspect]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Donetsk. (In Russ.).
7. Sternin, I. A. (2001). *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie* [Introduction to speech influence]. Voronezh: IPC MOUVEPI. (In Russ.).
8. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
9. Yakhina, A. M. (2008). *Otsenochnost kak komponent znacheniya frazeologicheskikh edinits v russkom, angliyskom i tatarskom yazykakh (na materiale FE, oboznachayushchikh povedenie cheloveka)* [Evaluation as a component of the meaning of phraseological units in the

Russian, English and Tatar languages (based on phraseological units designating human behavior): diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan. (In Russ).

10. Fleischer, W. (1988). Zur Theorie der sprachlichen Benennung. In *Wortschatz der deutschen Gegenwartssprache in der DDR: Fragen seines Aufbaus u. seiner Verwendungsweise*. 2., unveränd. Aufl. Leipzig: Bibliographisches Institut. S. 41-50.

11. Hunston, S. (2011). *Corpus Approaches to Evaluation*. Phraseology and Evaluative Language. London: Routledge.

12. Kaliuščenko, V. D. (2013). Die Nominationstypologie eines Begriffs. In *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt / M. u.a.: Peter Lang. S. 13-18 (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Britanskiy natsionalnyy korpus* [British national corpus]. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc>. (accessed: 18.01.2023).

2. *Natsionalnyy korpus nemetskogo yazyka* [National corpus of the German language]. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 15.02.2023).

3. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>. (accessed: 17.01.2023). (In Russ.).

4. *Natsionalnyy korpus ukrainskogo yazyka* [National corpus of the Ukrainian language]. Available at: <http://korpus.org.ua/search>. (accessed: 07.02.2023). (In Ukr.).

5. *Onlayn-slovar slov i fraz angloyazychnogo slenga Urbandictionary* [Online dictionary of words and phrases of English slang Urbandictionary]. Available at: <https://www.urbandictionary.com>. (accessed: 10.09.2022).

6. *Onlayn-slovar povsednevnogo nemetskogo yazyka i slenga Mundmische.de* [Online dictionary of everyday German and slang Mundmische.de]. Available at: <https://www.mundmische.de>. (accessed: 18.07.2022).

7. *Onlayn-slovar povsednevnogo nemetskogo yazyka i slenga Sprachnudel.de* [Online dictionary of everyday German and slang Sprachnudel.de]. Available at: <https://www.sprachnudel.de>. (accessed: 18.07.2022).

8. *Pershyy slovnyk ukraiynskogo molodizhnogo slengu* [The first dictionary of Ukrainian youth slang]. Kiyiv: AT «VIPOL», 1998. (In Ukr.).

9. *Tolkovyuy slovar russkoy razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Vyp. 1. A-I / otv. red. L. P. Krysin. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury, 2014. (In Russ.).

10. *Tolkovyuy slovar russkoy razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Vyp. 2. K-O / otv. red. L. P. Krysin. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury, 2017. (In Russ.).

11. *Tolkovyuy slovar russkoy razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Vyp. 3. P-R / otv. red. L. P. Krysin. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury, 2019. (In Russ.).

Петрищева Елена Игоревна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германской филологии (e-mail: petrishchewa-elen@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Petrishcheva Elena I. – Candidate of Philology, Senior Lecturer of German Philology Department (e-mail: petrishchewa-elen@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 03 апреля 2023 г.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВНЕШНЕ МОТИВИРОВАННЫХ ПРОЗВИЩ В АНГЛИЙСКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье в сопоставительном аспекте рассматриваются способы образования внешне мотивированных прозвищ в английском и осетинском языках. Приводятся количественные данные в отношении групп прозвищ по словообразовательному типу, соответственно выявляются наиболее продуктивные способы.

Ключевые слова: прозвище, номинация, внешняя мотивация, словообразование.

© 2023 I. A. Tadtaeva

FORMATION OF EXTERNALLY MOTIVATED NICKNAMES IN THE ENGLISH AND OSSETIAN LANGUAGES

The article is devoted to the comparative analysis of mechanisms of externally motivated nickname formation in the English and Ossetian languages. The analysis provides the quantitative data for the nickname groups, singled out on the basis of the type of formation; consequently, the most productive mechanisms are identified.

Key words: nickname, nomination, external motivation, word-formation.

1. Вводные замечания. В статье рассматриваются структурные и семантические типы образования внешне мотивированных прозвищ в английском и осетинском языках. Производится количественный анализ групп прозвищ по типу мотивации и способу образования.

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, тем, что оно выполнено в русле сопоставительной лингвистики, а также тем, что онимическая лексика в целом и ее национально-культурный фон в частности представляют большой интерес для лингвистов, вместе с тем они изучены недостаточно, особенно в осетинском языке.

Объектом исследования являются английские и осетинские прозвища, полученные методом сплошной выборки из газетных статей, словарей, интернет-сайтов, произведений художественной литературы. Осетинские прозвища получены также из народного эпоса и путем опроса осетиноязычных информантов (учащихся образовательных учреждений, родственников, соседей, знакомых) (см. список лексикографических источников). В результате была составлена авторская картотека, насчитывающая по 2000 единиц в английском и осетинском языках.

Предметом данного исследования являются национально-культурные особенности образования внешне мотивированных прозвищ в английском и осетинском языках.

Целью работы является выявление и сравнение способов образования внутренне мотивированных прозвищ в английском и осетинском языках.

Номинация, или называние – это процесс, постоянно сопутствующий познаниям человеком окружающего мира. Различаются номинации, сложившиеся естественным путем, и номинации, специально введенные для обозначения и различения каких-либо разновидностей объектов [Суперанская, 1973: 236]. Искусственно созданные имена, как правило, бывают порождением целенаправленного словотворческого акта. Лингвистам, всесторонне изучающим собственные имена как слова, рассматривающим их словообразовательные и словоизменительные модели, пути и способы заимствования имен из одного языка в другой, связь с именами нарицательными и т. п., необходимо знать их мотивировку как тот исходный момент номинации, после которого слово становится собственным именем.

Совокупность фактов, лежащих в основе мотивировок собственных имен, едина для всего человечества. Для антропонимов такими основными факторами, определяющими их мотивировку, служат физическая, психическая, биологическая, моральная, интеллектуальная характеристика лица, его социальная, национальная, территориальная принадлежность, родственные связи и др. Все эти факты внематематические, наблюдающиеся во всех языках и у всех народов.

Прозвища – это особая категория номинативных единиц. По определению Н. В. Подольской, прозвище – это вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии [СРОТ, 1978: 116].

Прозвища как знаки вторичной номинации не могут быть немотивированными, ибо вторичное использование слова в роли называния всегда опосредовано и мотивировано его предшествующим значением [Телия, 1977: 159].

Определение **внешней** и **внутренней мотивации** в процессе дополнительного имянаращения (the internal and external motivation) предложили Дж. Морган. К. О'Нил и Р. Харрэ [Morgan, O'Neill, Harre, 1979: цит. по Фоменко, 2003: 43]. Внешне мотивированными являются прозвища, возникающие под воздействием экстралингвистических факторов – это те внешние факторы, которые являются стимулом к прозвищному имятворчеству (внешность, характер, физические и интеллектуальные способности, поведение, профессия, национальность, место рождения и проживания). А внутренние факторы основаны на стимуле лингвистического характера – официальные антропонимы индивида (личное имя, среднее имя, фамилия) [Фоменко, 2003: 43].

Способы образования внутренне мотивированных прозвищ в английском и осетинском языках были описаны ранее [Тадтаева, 2022: 128].

В данном исследовании рассматриваются типы образования **внешне мотивированных прозвищ**. В корпусе прозвищ в английском языке внешне мотивированные прозвища составляют 72% (1440 ед.) от общего числа прозвищ, а в осетинском языке – 38% (760 ед.).

Исследования таких лингвистов как В. В. Виноградов, Е. С. Кубрякова, Е. А. Земская, И. С. Улукханов, В. В. Лопатин, Н. Д. Арутюнова и др. в значительной степени способствовали прояснению характера словообразовательного процесса и наметили пути его дальнейшего изучения. В отечественном языкознании классическими работами по английскому словообразованию являются работы Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1965, 1977], О. Д. Мешкова [Мешков, 1976, 1985], И. В. Арнольд [Арнольд, 2012], Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 2007], П. В. Царева [Царев, 1984], П. М. Карашука [Карашука, 1977], в зарубежном – Л. Бауэра [Baueer, 1983], А. Хэтчера [Hatcher, 1960], М. Халле [Halle, 1973], М. Ароноффа [Aronoff, 1985]. По осетинскому словообразованию – Н. Я. Габараев, В. А. Алборов, В. И. Абаев, Н. К. Багаев.

2. Основываясь на работах вышеупомянутых авторов, были выделены способы образования внешне мотивированных английских прозвищ, которые были классифицированы по следующим типам.

Структурные типы

2.1. Словопроизводство (словообразовательная деривация) – образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем либо безаффиксным способом по определенным моделям, существующим в данном языке [ССЛТ, 1985: 273].

2.1.1. **Суффиксация** (присоединение суффикса к основе). В корпусе английских прозвищ были выделены суффиксы **-y**, **-ie**, **-ey**, реже **-o**, **-a**, **-er**.

Boney – Тощий, прозвище худого человека (*bone* ‘кость’ + суффикс **-y**)

Baldy – Лысый, прозвище лысого человека (*bald* ‘лысый’ + суффикс **-y**)

Lippy – Болтун, прозвище болтливое человека (*lip* ‘губа’ + суффикс **-y**)

Chunky – Толстяк, прозвище толстого и невысокого человека (*chunk* ‘толстяк’ + суффикс **-y**)

Skinny – Тощий, прозвище худого человека (*skin* ‘кожа’ + суффикс **-y**)

Foodie – Гурман, любитель вкусно поесть (*food* ‘еда’ + суффикс **-ie**)

Chipper – Рубило, Дровосек, прозвище американского спортсмена Larry Wayne Jones Jr. (*chip* ‘стругать, колоть’ + агентивный суффикс **-er**)

2.1.2. **Конверсия** – это разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи [БЭС, 1998: 235]. Этот способ словообразования весьма характерен для английского языка в силу аналитического характера его строя.

Forty-five (45) – прозвище Дональда Трампа (имя числит.).

Honest (John Mayer) (*honest* ‘честный’ – имя прил.).

Silent – Тихоня (*silent* ‘тихий, молчаливый’ – имя прил.).

Slick – Julius David «Slick» Johnson III, прозвище американского гонщика (*slick* ‘скользящий, гладкий, ловкий’ – имя прилагательное).

Happy – Счастливец (*happy* ‘счастливый’ – имя прил.).

Rip – Rip Collins, американский бейсболист, подающий (*to rip* ‘рвать’ – глагол).

Skip – Clyde «Skip» Battin, американский певец (*to skip* ‘прыгать’ – глагол).

Stretch – Augie Vander Meulen, американский баскетболист (*to stretch* ‘тянуться’ – глагол).

2.2. **Словосложение** – образование новых слов путем объединения в одно целое двух и более основ [ССЛТ, 1985: 274].

2.2.1. Простое словосложение:

Lamppost – прозвище высокого человека (*lamp* + *post* ‘фонарный столб’);

Hairpin – прозвище худой девушки (*hair* + *pin* ‘шпилька для волос’);

Bootlip – прозвище афроамериканцев (*boot* + *lip* ‘пухлые губы’);

Broomstick – прозвище худого мальчика (*broom* + *stick* ‘ручка у метлы’);

Firehead – прозвище рыжеволосого человека (*fire* + *head* ‘огненная голова’);

Fleabait – прозвище неряшливого человека (*flea* + *bait* ‘приманка для блох’).

2.2.2. Словосложение и суффиксация (суффикс **-er**):

Phrasemaker – прозвище 28-го президента США Вудро Вильсона, отличался красноречием (Woodrow Wilson) (*phrase* + *make* + *er* ‘составитель фраз’);

Beefeater – прозвище англичан (*beef* + *eat* + *er*).

2.3. **Словосочетание** – соединение двух или более знаменательных слов, связанных по смыслу и грамматически, выражающее единое, но расчлененное понятие и представляющее собой сложное наименование явлений объективной действительности [ССЛТ, 1985: 275].

School Milk Snatcher – прозвище Маргарет Тэтчер, которая отменила бесплатную выдачу молока в школах ('похититель молока').

Hot Dog Eaters – прозвище американцев (*hot dog eat+er* 'поедатель хот-догов').

Количественная характеристика структурных типов приведена в таблице 1.

Таблица 1. Количественная характеристика структурных типов внешне мотивированных прозвищ в английском и осетинском языках

Словообразовательный способ	Английский язык (кол-во, %)	Осетинский язык (кол-во, %)
1. Непроизводные	443 (30,8%)	269 (35,4%)
2. Конверсия	258 (17,8%)	94 (12,3%)
3. Суффиксация	211 (14,6%)	117 (15,4%)
4. Простое словосложение	240 (16,6%)	137 (18%)
5. Словосложение и суффиксация	60 (4,1%)	81 (10,7%)
6. Словосочетание	228 (15,8%)	62 (8,2%)
Всего:	1440 (100%)	760 (100%)

3. Семантические типы

Все внешне мотивированные прозвища являются результатом семантического переноса (транспозиции) – возникновение новых семантических единиц вследствие изменения значения слов [СЛТ, 2004: 424]. В работе отмечены следующие способы: *метафоризация, метонимизация, антономазия, ирония, перифраз, паронимазия*.

Традиционная лингвистика даёт следующее определение понятия метафора: «Употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений. В отличие от двучленного сравнения, в котором приводится и то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, метафора содержит только второе, что создаёт компактность и образность употребления слов» [ССЛТ, 1985: 176].

Метафора (буквально «перенос») – самый типичный случай переносного значения. Перенос наименования при метафоре основан на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движения и т. п. [Реформатский, 1996: 45].

Метафора рассматривается как сокращённое сравнение: т. е. это сравнение, из которого исключены предикаты подобия (похож, напоминает и др.) и компаративные союзы (как, как будто, как бы, словно, точно и др.). Вместе с ними устраняются основания сравнения, его мотивировка, обстоятельства времени и места, а также другие модификаторы. Метафора лаконична; она сокращает речь, в то время как сравнение её распространяет.

Метафора обычно понимается как скрытое сравнение, как способ переосмысления на основе сходства или аналогии признаков в понятийном отражении обозначаемого

объекта и в денотате переосмысляемого слова. Это отличает метафору от метонимии, где основа переосмысления заложена в смежности самих обозначаемых объектов.

Метонимия – такой перенос названия, который совершается не на основании сходства внешних или внутренних признаков прежней вещи и новой, а на основании смежности, т. е. соприкасания вещей в пространстве или во времени [Реформатский, 1996: 47]. Смежность признаков того, что уже обозначено в предшествующем значении слова, и нового обозначаемого создает основание для плавного перехода одного смысла в другой и объективную ясность метонимического переосмысления [Телия, 1977: 190].

Таким образом, в результате вторичной номинации, некоторые признаки значения, присущие переосмысляемой языковой единице, переносятся в денотат нового наименования, т. е. прозвища. Вторичное использование нарицательных имен в роли прозвищ всегда опосредованно и мотивировано их структурно-семантическими признаками. Метафора и метонимия – это различные виды процессов, метафора – способ постижения одного в терминах другого, а метонимия позволяет нам использовать один объект для того, чтобы заменить другой [Фоменко, 2003: 69].

3.1. Метафоризация:

Ginger – Рыжик (*ginger* ‘имбирь’);

Rat – Крыса (*rat* ‘крыса’);

Carrot – Рыжик (*carrot* ‘морковка’);

Chips – прозвище столяра (*chips* ‘стружка’);

Xerox – Повторюшка (*xerox* ‘ксерокс’);

Antenna – прозвище человека с отличным обонянием (*antenna* ‘антенна’);

Mill – прозвище человека, который много ест (*mill* ‘мельница’).

3.2. Метонимизация:

Specs – прозвище человека, который носит очки (*specs* сокращенное от *spectacles* ‘очки’);

Big Mouth – прозвище болтливого человека (*big mouth* ‘большой рот’);

The Rocket – прозвище теннисиста (Rod Laver) (*rocket* ‘ракета’);

Mr. Hockey – прозвище хоккеиста Горди Хоу (Gordie Howe) (*hockey* ‘хоккей’);

3.3. Антономазия – замена имени нарицательного собственным именем исторического лица, литературного персонажа или другим нарицательным [БТСРЯ, 2000: 43]:

Hitler – Гитлер, прозвище жестокого человека;

Rockefeller – Рокфеллер, прозвище богача;

Einstein – Эйнштейн, прозвище умного человека;

Casanova – Казанова, прозвище любвеобильного человека;

Benedict Arnold – Бенедикт Арнольд, прозвище предателя (генерал-майор, участник войны за независимость США, прославился в боях на стороне американских повстанцев, но позже перешёл на сторону Великобритании);

Judas – Иуда, прозвище предателя;

Adonis – Адонис, прозвище красивого мужчины;

Rembrandt – Рембрандт, прозвище художника;

Cicero – Цицерон, прозвище оратора.

3.4. Ирония – употребление слова или выражения в смысле обратном буквальному с целью насмешки [ССЛТ, 1985: 91]:

Genius ‘гений’ – прозвище;

Tiny ‘крошечный’ – прозвище толстого человека;

Curly ‘кудрявый’ – прозвище лысого человека;

Aphrodite ‘Афродита’ – прозвище некрасивой женщины.

3.5. Парономазия – стилистический приём, состоящий в намеренном сближении слов, имеющих звуковое сходство [БЭС, 1998: 368]:

Chinderella – прозвище девушки с массивным подбородком (*chin* ‘подбородок’ + *Cinderella* ‘Золушка’);

Chinocchio – прозвище мужчины с массивным подбородком (*chin* ‘подбородок’ + *Pinocchio* ‘Пиноккио’);

Baldilocks – прозвище британского политика Бернарда Кауфмана (General Bernard Kaufman), который был лысым (*baldy* ‘лысый’ + *locks* ‘локоны’ ср. *Goldilocks* ‘Златовласка’);

Prince of Whales ‘Принц китов’ – прозвище принца Чарльза (созвучно с *Prince of Wales* ‘принц Уэльский’);

Jack the Dripper ‘Джек Капатель’ (созвучно с *Jack the Ripper* ‘Джек Потрошитель’) – прозвище американского художника Джексона Поллока (Jackson Pollock) (*to drip* ‘капать, стекать’).

3.6. Перифраз – замена прямого названия описательным выражением, в котором указаны признаки не названного прямо предмета [БЭС, 1998: 371]:

Old Sink or Swim «Старина Тонуть или Плыть» – прозвище Джона Адамса, 2-го президента США (за свою речь: «*to sink or swim; to live or die; survive or perish with my country was my unalterable determination*» ‘тонуть или плыть, жить или умереть, выжить или погибнуть вместе со своей страной – мое непоколебимое решение’);

Old Blue Eyes «Голубоглазый старина» – прозвище Френка Синатры;

Big Clunking Fist «Большой удар кулаком» – прозвище Гордона Брауна, бывшего премьер-министра Великобритании;

Call Me Dave «Зовите меня Дейв» – прозвище Дэвида Кэмерона (после выхода книги Майкла Эшкрофта о Дэвиде Кэмероне);

The Great She Elephant «Великая слониха» – прозвище Маргарет Тэтчер («*Another politician, Denis Healey, named her «The Great She Elephant». He stated that she has an impenetrably thick hide...*» ‘Еще один политик, Денис Хили, назвал ее Великой Слонихой. Он заявил, что у нее непроницаемо толстая шкура...’) [Searching in History, Nicknames of Margaret Thatcher, 2014];

Количественная характеристика семантических типов приведена в таблице 2.

Таблица 2. Количественная характеристика семантических типов внешне мотивированных прозвищ в английском и осетинском языках

Словообразовательный способ	Английский язык (кол-во, %)	Осетинский язык (кол-во, %)
1. Метафоризация	869 (60,3%)	507 (66,7%)
2. Метонимизация	93 (6,4%)	38 (5%)
3. Антономазия	142 (9,8%)	83 (10,9%)
4. Ирония	87 (6%)	70 (9,2%)
5. Перифраз	228 (16%)	62 (8,2%)
6. Парономазия	21 (1,5%)	0 (0%)
Всего:	1440 (100%)	760 (100%)

4. Способы образования внешне мотивированных прозвищ в осетинском языке.

Структурные типы

4.1. Словопроизводство (словообразовательная деривация):

4.1.1. Суффиксация

Цъупе прозвище человека с острым носом (*цъупп* ‘острый’ + суфф. *-е*)

Бури прозвище светловолосого или рыжего человека (*бур* ‘желтый’ + суфф. *-и*)

Рижа прозвище рыжего человека (от рус. *рыжий* + суфф. *-а*)

Чорна прозвище смуглого человека (от рус. *черный* + суфф. *-а*)

Сæрджын прозвище человек с большой головой, или умного человека (*сæр* ‘голова’ + суфф. *-джын*, *сæрджын* ‘головастый’)

В корпусе осетинских прозвищ были выделены суффиксы: **-и, -е, -а, -джын.**

4.1.2. **Конверсия.** При субстантивации прилагательных и глаголов меняется ударение в слове, что придает ему номинативность (возможность использования знака в качестве номинативного средства), характерную для осетинских имен.

З'ылын – от имени прил. *зыл'ын* ‘кривой’

Р'æсугъд – от имени прил. *рæс'угъд* ‘красивый’

Чъиллон – от имени прил. *чъиллон* ‘грязный’

Цопп'ай – от глагола *ц'оппай кæнын* ‘ходить по кругу’

Хуырр'ытт – от глагола *хуыррытт кæнын* ‘храпеть’

4.2. Словосложение

4.2.1. Простое словосложение:

Зылынхъах ‘Кривоножка’ (*зылын* ‘кривой’+*къах* ‘нога’)

Гуыбырхъус ‘Лопоушка’ (*гуыбыр* ‘сгорбленный’+*хъус* ‘ухо’)

4.2.2. Словосложение и суффиксация:

Цыппарцæстон ‘Четвероглазый’ прозвище очкарика (*цыппар* ‘четыре’+*цæст* ‘глаз’)

Дзæгæлдзу ‘Шалопай, Бездельник’ (*дзæгъæл* ‘блуждающий’+*цæуын* ‘идти’+*суфф у*)

5. Семантические типы: метафоризация, метонимизация, антономазия, ирония, перифраз.

5.1. Метафоризация:

Арс прозвище неуклюжего человека (*арс* ‘медведь’);

Циклоп – прозвище одноглазого человека (от рус. ‘циклоп’);

Хæрæг – прозвище человека с большими зубами или некрасивого человека (*хæрæг* ‘осел’);

Згæ – прозвище рыжего человека (*згæ* ‘ржавчина’);

Бирæгъ прозвище жадного ненасытного человека (*бирæгъ* ‘волк’);

Дзынга – прозвище человека, который любит выпить (*дзынга* ‘мошка’ – мошки слетаются на сосуд с вином).

5.2. Метонимизация:

Бæрзæй прозвище человека с массивной шеей (*бæрзæй* ‘шея’);

Дæндаг – прозвище человека с большими зубами (*дæндаг* ‘зуб’);

Быркуы – прозвище человека, который любит выпить (*быркуы* ‘кувшин’).

5.3. Антономазия. Часто источником для таких прозвищ становятся герои Нартских сказаний и других осетинских литературных произведений. Например, сильного человека могут назвать *Батразом*, хитреца – *Сырдоном*, умелую женщину – *Сатаной* (по характерам персонажей), *Сæтти* и *Бæтти* (персонажи осетинской сказки) – такие прозвища получают неразлучные друзья. Также источником прозвищ могут быть имена известных во всем мире людей: *Гитълер*, *Ленин*, *Мичурин* (прозвище умелого садовода), *Пушкин* (прозвище человека с кудрявыми волосами), *Цезарь*, *Борман*, *Тарзан*, *Аполлон*, *Цицерон* и т. д.

5.4. Ирония (на основе антонимии):

Зæнджын ‘умный’ – прозвище глупого человека;

Къæцæл ‘щепка’ – прозвище полного человека;

Чысыл ‘маленький’ прозвище высокого и полного человека.

5.4. Перифраз:

Къобалайы сæгъ ‘коза Кобала’ – прозвище полного человека, который любит поест (в сказке у козы старика Кобала было три живота);

Барастыры хæдивæг ‘заместитель Барастыра’ – прозвище работника кладбища (*Барастыр* – в осетинской мифологии правитель загробного мира);

Дæлзæхыл бырæг прозвище проворного человека (дословно ‘ползающий по подземному царству’);

Бæттинаг æрра ‘сумасшедший’ (дословно ‘сумасшедший, которого надо связать’);

Уæларвы куырдалæгон ‘небесный кузнец’ прозвище умельца.

6. Выводы

6.1. В корпусе английских прозвищ преобладают внешне мотивированные, в корпусе осетинских – внутренне мотивированные прозвища.

6.2. В обоих языках были выделены следующие способы номинации структурных и семантических типов.

Структурные типы: словопроизводство: суффиксация, конверсия; словосложение: простое словосложение, словосложение в сочетании с суффиксацией; словосочетание;

Семантические типы: метафоризация; метонимизация; антономазия; ирония; перифраз; паронимизация (только в английском языке).

6.3. В обоих языках внешне мотивированные прозвища являются результатом семантического переноса.

6.4. В английском языке наиболее продуктивными способами структурного типа являются суффиксация, конверсия и простое словосложение, а семантического типа – метафоризация и перифраз, в осетинском языке наиболее продуктивными способами структурного типа являются суффиксация и простое словосложение, семантического типа – метафоризация (см. табл. 1 и 2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алборты Б. А. Ирон æвзæджы цыбыр грамматика. Дзæуджыхъæу, 1925. 247 с.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. 2-е изд., перераб. Москва: ФЛИНТА, 2012. 376 с.
3. Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования. Москва: Языки славянских культур, 2007. 288 с.

4. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1965. 487 с.
5. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. Москва: Наука, 1975. 371с.
6. Габараев Н. Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 176 с.
7. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Флинта, 2011. 328 с.
8. Каращук П. М. Словообразование английского языка. Москва: Высшая школа, 1977. 303 с.
9. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований. Москва: Наука, 1977. С. 222-303.
10. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование? Москва: Наука, 1965. 76 с.
11. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Москва: Высшая школа, 1977. 351 с.
12. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. Москва: Наука, 1976. 245 с.
13. Мешков О. Д. Словосложение в современном английском языке. Москва: Высшая школа, 1985. 187 с.
14. Реформатский А. А. Введение в языкознание. Москва: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
15. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 366 с.
16. Тадтаева И. А. Способы образования внутренне мотивированных прозвищ в английском и осетинском языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2022. Т. 18. № 1 (55). С. 128-142.
17. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды. // Языковая номинация (виды наименований). Москва: Наука, 1977. 359 с.
18. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. Москва: Наука, 1996. 327 с.
19. Фоменко О. А. Неофициальные имена собственные в современном американском английском языке: Лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2003. 196 с.
20. Царев П. В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке. Москва: Изд-во МГУ, 1984. 225 с.
21. Aronoff M. *Word Formation in Generative Grammar*. London; Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1985. 134 p.
22. Bauer L. *English Word Formation*. Cambridge: CUP, 1983. 311 p.
23. Halle M. *Prolegomena to a Theory of Word-Formation* // *Linguistic Inquiry*. 1973. No. 4. P. 3-16.
24. Hatcher A. G. *An Introduction to the Analysis of English Noun Compounds* // *Word*. 1960. Vol. 16. No. 3. P. 356-373.
25. Morgan J., O'Neill Ch., Harre R. *Nicknames. Their Origins and Social Consequences*. London, Boston, and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1979. 153 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Москва – Ленинград: АН СССР, 1958. Т. I. 659 с.; Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1973. Т. II. 451 с.; Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1979. Т. III. 362 с.; Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1989. Т. IV. 330 с.; Москва: РАН, 1995. Т. 5. 449 с.

2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. [БТСРЯ].
3. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
4. Гутнов Ф. Х. Осетинские фамилии. Владикавказ: Респект, 2012. 536 с.
5. Пухаев К. П. От «Агента» до «Японца»: Клички и прозвища в Южной Осетии. Цхинвал: Типография ЮОГУ, 2018. 24 с.
6. Словарь английских прозвищ / под ред. О. А. Леонович. Москва: КДУ, Университетская книга, 2017. 146 с.
7. Словарь лингвистических терминов / под ред. О. С. Ахманова. 2-е изд., стереотипное. Москва: Едитория, УРСС, 2004. 576 с. [СЛТ].
8. Словарь русской ономастической терминологии / под ред. Н. В. Подольская. Москва: Наука, 1978. 198 с. [СПОТ].
9. Словарь-справочник лингвистических терминов / под ред. Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Просвещение, 1985. 357 с. [ССЛТ].
10. Funny Nicknames. Available at: <https://www.findnicknames.com/funny-nicknames>. (accessed: 16.10.2022).
11. List of Nicknames. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Lists_of_nicknames. (accessed: 20.02.2022).
12. Matching up Nicknames with Given Names. Available at: <https://www.thoughtco.com/matching-up-nicknames-with-given-names-1421939>. (accessed: 31.07.2022).
13. Name Blending. Available at: https://wiki2.org/en/Name_blending. (accessed: 16.10.2022).
14. Nicknames of Famous People. Available at: <http://www.thehypertexts.com/Famous%20Nicknames.htm>. (accessed: 29.09.2022).
15. Oxford Dictionary of Nicknames. Oxford University Press, 2003. 229 p. Available at: https://archive.org/details/oxforddictionary00dela_0/page/n7/mode/2up. (accessed: 29.09.2022).
16. Searching in History, Nicknames of Margaret Thatcher. 2014. Available at: <https://searchinginhistory.blogspot.com>. (accessed: 29.09.2022).

REFERENCES

1. Alborty, B. A. (2012). *Iron avzadzhy tsybyr grammatika* [Grammar of the Ossetian Language]. Dzauzhykau. (In Ossetian).
2. Arnold, I. V. (2012). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of Modern English]. 2nd ed., rev. Moskva: FLINTA. (In Russ.).
3. Arutunova, N. D. (2007). *Problemy morfologii i slovoobrazovaniya* [The Problems of Morphology and Word-formation]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
4. Bagaev, N. K. (1965). *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Ch. I. Fonetika i morfologiya* [Modern Ossetian Language. Part I. Phonetics and Morphology]. Ordzhonikidze: Sev.- Oset. kn. izd. (In Russ.).
5. Vinogradov, V. V. (1975). *Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii* [Word formation in its relation to grammar and lexicology]. In *Issledovanie po russkoy grammatike*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
6. Gabaraev, N. Ya. (1977). *Morfologicheskaya struktura slova i slovoobrazovanie v sovremennom osetinskom yazyke* [Morphological Structure of a Word and Word-formation in the Present-day Ossetian Language]. Tbilisi: Metsniereba. (In Russ.).
7. Zemskaya, E. A. (2011). *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word-formation]. 3rd ed., rev. and enlar. Moskva: Flinta. (In Russ.).
8. Karashchuk, P. M. (1977). *Slovoobrazovanie angliyskogo yazyka* [English Word-formation]. Moskva: Visshaya shkola. (In Russ.).

9. Kubryakova, E. S. (1977). *Teoriya nominatsii i slovoobrazovanie* [Nomination Theory and Word Formation]. In *Yazykovaya Nominatsiya: Vidy naimenovaniya*. Moskva: Nauka. Pp. 222-303. (In Russ.).
10. Kubryakova, E. S. (1965). *Chto takoe slovoobrazovanie?* [What is Word-formation?]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
11. Lopatin, V. V. (1977). *Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika* [Russian word formation morphemics]. Moskva: Visshaya shkola. (In Russ.).
12. Meshkov, O. D. (1976). *Slovoobrazovanie sovremennogo angliyskogo yazyka* [Present-day English Word-formation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
13. Meshkov, O. D. (1985). *Slovoslozhenie v sovremennom angliyskom yazyke* [Word-formation in Modern English]. Moskva: Visshaya shkola. (In Russ.).
14. Reformatskiy, A. A. (1996). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moskva: Aspect Press. (In Russ.).
15. Superanskaya, A. V. (1977). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of the proper name]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
16. Tadtaeva, I. A. (2022). *Sposoby obrazovaniya vnutrenne motivirovannykh prozvizhch v angliyskom i osetinskom yazykakh* [Formation of Internally Motivated Nicknames in English and Ossetian]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 18. Iss. 1 (55). Pp. 128-142. (In Russ.).
17. Teliya, V. N. (1977). *Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy* [Secondary Nomination and its Types]. In *Yazykovaya Nominatsiya (vidy naimenovaniy)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
18. Ulukhanov, I. S. (1996). *Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of the Word-formation System of the Russian Language and their Lexical Implementation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
19. Fomenko, O. A. (2003). *Neofitsialnye imena sobstvennye v sovremennom amerikanskom angliyskom yazyke: Lingvokulturologicheskiy aspekt* [Unofficial Names in Modern American English]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Volgograd. (In Russ.).
20. Tsaryov, P. V. (1984). *Produktivnoe imennoe slovoobrazovanie v sovremennom angliyskom yazyke* [Productive Nominal Word-formation in Present-day English] Moskva: Izd-vo MGU. (In Russ.).
21. Aronoff, M. (1985). *Word Formation in Generative Grammar*. London: Cambridge, Mass.: The MIT Press.
22. Bauer, L. (1983). *English Word Formation*. Cambridge: CUP.
23. Halle, M. (1973). Prolegomena to a Theory of Word-Formation. In *Linguistic Inquiry*. No. 4. Pp. 3-16.
24. Hatcher, A. G. (1960). An Introduction to the Analysis of English Noun Compounds. In *Word*. Vol. 16. No. 3. Pp. 356-373.
25. Morgan J., O'Neill Ch., Harre R. (1979). *Nicknames. Their Origins and Social Consequences*. London, Boston, and Henley: Routledge and Kegan Paul.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Abaev, V. I. (1958, 1973, 1979, 1989, 1995). *Istoriko-etimologicheskiy slovar osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad. Nauka. Vol. I-V. (In Russ.).
2. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Unabridged Explanatory Dictionary of the Russian Language]. In S. A. Kuznetsov (ed.). Saint Petersburg: Norint, 2000. (In Russ.).
3. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar. Yazykoznanie* [Unabridged Encyclopedic Dictionary. Linguistics]. In V. N. Yartseva (ed.). Moskva: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, 1998. (In Russ.).

4. Gutnov, F. Kh. (2012). *Osetinskie familii* [Ossetian Surnames]. Vladikavkaz: Respekt. (In Russ.).
5. Pukhaev, K. G. (2018). *Ot «Agenta» do «Yapontsa». Klichki i prozvishcha Yuzhnoy Ossetii* [From “Agent” to “Japanese”. Nicknames in South Ossetia]. Tskhinval: Tipografiya YuOGU. (In Russ.).
6. *Slovar angliyskikh prozvishch* [A Dictionary of English Nicknames]. In O. A. Leonovich (ed.). Moskva: KDU, Universitetskaya kniga, 2017. (In Russ.).
7. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [A Dictionary of Linguistic Terms]. In O. S. Ahmanova (ed.). 2nd ed., ster. Moskva: Editoria, URSS, 2004. (In Russ.).
8. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [A Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. In N. V. Podolskaya (ed.). Moskva: Nauka, 1978. (In Russ.).
9. *Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [A Dictionary of Linguistic Terms]. In D. E. Rozental, M. A. Telenkova (eds.). 2nd ed., rev. and enlar. Moskva: Prosvesheniye, 1985. (In Russ.).
10. *Funny Nicknames*. Available at: <https://www.findnicknames.com/funny-nicknames>. (accessed: 16.10.2022).
11. *List of Nicknames*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Lists_of_nicknames. (accessed: 20.02.2022).
12. *Matching up Nicknames with Given Names*. Available at: <https://www.thoughtco.com/matching-up-nicknames-with-given-names-1421939>. (accessed: 31.07.2022).
13. *Name Blending*. Available at: https://wiki2.org/en/Name_blending. (accessed: 16.10.2022).
14. *Nicknames of Famous People*. Available at: <http://www.thehypertexts.com/Famous%20Nicknames.htm>. (accessed: 29.09.2022).
15. *Oxford Dictionary of Nicknames*. Oxford University Press, 2003. Available at: https://archive.org/details/oxforddictionary00dela_0/page/n7/mode/2up. (accessed: 29.09.2022).
16. *Searching in History, Nicknames of Margaret Thatcher*. 2014. Available at: <https://searchinginhistory.blogspot.com>. (accessed: 29.09.2022).

Тадтаева Ирина Алановна – преподаватель
кафедры английского языка
(e-mail: ir.tadtaeva@mail.ru),
Государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Юго-Осетинский
государственный университет
имени А. А. Тибилова»
100001, Республика Южная Осетия,
Цхинвал, ул. В.В. Путина, 8

Tadtaeva Irina A. – Lecturer of English Language
Department (e-mail: ir.tadtaeva@mail.ru),
State Autonomous Educational Institution
of Higher Professional Education «South Ossetia
State University named after A. A. Tibilov»
8, V. V. Putin st., Tskhinval,
Republic of South Ossetia, 100001

Поступила в редакцию 31 марта 2023 г

ПЕРЕВОД

УДК 81'25:811.161+111+112

© 2023 В. Д. Калиущенко, А. Ю. Сладкомёдова

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

В данной статье осуществляется анализ оценочных единиц в произведениях А. П. Чехова, а также определение условий и способов их перевода на английский и немецкий языки. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей классификации типов оценки, а также в сопоставлении оценки в переводах разных авторов.

Ключевые слова: оценка, имплицитность, перевод, художественный перевод, адекватность, эквивалентность.

© 2023 V. D. Kaliuščenko, A. Yu. Sladkomedova

THE CATEGORY OF EVALUATION IN TRANSLATION

In the article the evaluative units in the works of A. P. Chekhov are analyzed, as well as the conditions and methods for their translation into English and German are determined. The results of the study can be used both in further classification of evaluation types and while comparing evaluations in translations by different authors.

Key words: evaluation, implicitness, translation, literary translation, adequacy, equivalence.

Введение

Язык является реальным отражением взаимодействия человека и окружающего его мира, что выражается в различных аспектах, одним из которых является оценочный. Так, в глазах говорящего объективный мир делится на различные факторы в связи с его ценностными представлениями в вопросах добра и зла, пользы и вреда. Так как в мире не существует языка, в котором бы отсутствовали понятия о плохом и хорошем, то было бы целесообразно допустить, что категория оценочности носит универсальный характер.

Исследованию оценочных единиц посвящены работы таких отечественных лингвистов как А. А. Ивин [Ивин, 1970: 2], Н. Н. Ледовская [Ледовская, 2003: 7], Е. А. Чернявская [Чернявская, 2001], Р. З. Мурясов [Мурясов, Самигуллина, Фёдорова, 2004: 68] и др.

Особенностями классифицирования, структуры, а также трудностями перевода оценочных единиц занимались В. В. Виноградов [Виноградов, 2001], В. Н. Комиссаров [Комиссаров, 2001], Е. С. Игумнова [Игумнова, 2012: 99-103] и др.

Актуальность проведенного исследования обусловлена необходимостью формирования конкретно четких трансформационных и интерпретативных методик при

переводе единиц с компонентов оценочности.

Объектом исследования являются лексические единицы, включающие оценочный компонент значения, в художественном пространстве текстов А. П. Чехова.

Предмет исследования – основные методы и особенности перевода лексических единиц с имплицитным выражением категории оценочности с русского языка на английский и немецкий языки.

Цель работы заключается в анализе лексических единиц с компонентом оценочности в творчестве А. П. Чехова, а также в определении условий и способов перевода данных единиц на английский и немецкий языки путем решения следующих **задач**:

- изучить характеристику понятия и ознакомиться с классификациями «категории оценки» в лингвистическом аспекте;
- исследовать своеобразие выражения оценочных характеристик в рассказах А. П. Чехова;
- выявить особенности перевода исследуемых лексических единиц на английский и немецкий языки.

Материалом исследования служат 607 примеров имплицитно выраженных оценочных единиц из 43 художественных текстов А. П. Чехова, а также их переводы на английский и немецкий языки.

1. Теоретические основы исследования

1.1. Впервые глубоким изучением концептов «добра» и «зла» и процессами, характеризующими эти концепты, занялся Аристотель. Так, учёный разделил добро на следующие аспекты: счастье, благо, удовольствие. Эти аспекты соответственно противопоставлялись злу, которое Аристотель разделил на дурное, неудачу и страдание [Аристотель, 2000].

1.2. Средневековый человек привык ассоциировать понятия «добра» и «зла» с Богом и Сатаной. Так, добрые поступки считались проявлением принадлежности человека к Богу, его приверженности своей вере и благочестию. Плохие поступки рассматривались как деяния человека, одержимого дьяволом, хотя само зло при этом считалось не столько грехом, сколько недостатком [Сейфулина, 1999: 18].

1.3. С наступлением эпохи Нового Времени и эры антропоцентризма проблема данных понятий рассматривалась сквозь призму человека.

Таким образом, в 1658 году знаменитый английский философ Томас Гоббс сместил фокус на изучение субъективной разницы между понятиями добра и зла. Теперь добро оценивалось не как результат, а как стремление человека или необходимый элемент

набора его потребностей [Hobbes, 2010: 85].

В свою очередь первым, кто отделил прескриптивный компонент от оценочного, будет И. Кант. В своих исследованиях ученый утверждал, что понятие «добро» и «зло» взаимодействуют не столько с модальностью желания, как с модальностью долженствования. Таким образом, хорошее следует рассматривать только как элемент соответствия нравственному и моральному закону, хотя само по себе оно может расходиться с желаниями и намерениями непосредственного субъекта, выражающего свою оценку [Timmermann, 2013: 36-64].

1.4. Что касается новейшего периода в эпохе развития современной лингвистики и языкознания, то изначально понятие «оценка» было заимствованно из аксиологии, где оно определялось, как высказывание о ценностях [Ивин, 2002: 82]. Оценка демонстрировала ценностное отношение к чему-либо, полагаясь на положительные либо отрицательные стороны объекта.

1.5. Со временем, рассматривая оценку как явление междисциплинарное, в лингвистической науке стали встречаться разнообразные подходы к ее исследованию. Однако, так или иначе, все они продолжают труды Аристотеля, базируясь на основных проблемах категории оценочности, выделенных греческим философом. Так, Е. Н. Токарёва выделяет следующие подходы: **логико-философский, коммуникативно-прагматический, интеллектуально-логический и когнитивный** [Токарёва, 2006].

Логико-философский подход также принято называть семантическим, лингвофилософским или денотативным. В отечественной лингвистике к работам данного направления можно отнести работы А. А. Ивина и Н. Д. Арутюновой. Специалисты в данной области изучают связи языковых и аксиологических структур, ориентируясь на исследования понятий «хорошо / плохо».

Именно А.А. Ивин дал более точное определение оценке, которое позже получило широкое распространение в области языкознания: «Оценка – это такое определение объекта, при котором выявляется его положительное (отрицательное) значение для субъекта, при условии, что объект способен удовлетворять потребности субъекта» [Ивин, 1970: 2].

Н. Д. Арутюнова определила оценку как «отношение, выдаваемое за признак оцениваемого объекта» [Арутюнова, 1988: 230].

Сторонники **коммуникативно-прагматического** (иллокутивного) подхода больше придерживаются методов, задача которых состоит в разграничении оценочного и дескриптивного компонента объекта или явления окружающего мира.

Так, например, по Т. В. Маркеловой, оценку следует рассматривать как

«функционально-семантическую категорию, реализуемую в речевой деятельности системой разноуровневых языковых средств: дидактических, эмотивных, когнитивных, что подчёркивает прагматический характер языковой природы оценки, функцией которой является цель высказывания, основное назначение которого – воздействие на поведение адресата в процессе коммуникации, а оценочность как добавочное значение к иным ядерным смыслам – бытия, количества, отрицания и т. д.» [Маркелова, 1995: 69].

Учеными, чьи работы соответствуют **интеллектуально-логическому** подходу, оценка рассматривается как имманентная единица, т.е. она имплицитно содержится в любом тексте или высказывании. Г. В. Колшанский, к примеру, изначально исследовал оценку как категорию универсального характера, благодаря которой субъект способен выразить свое отношение к действительности с помощью языковых средств. «Познавательный акт как некоторый фрагмент деятельности человека уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания (восприятие, понимание, обобщение, заключение и т. д.), что представляет собой «оценку» в самом широком понимании. Оценка содержится, таким образом, повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [Колшанский, 1975: 142].

Согласно **когнитивному** подходу, категория оценочности исследуется в рамках специфики представлений о системах ценностей, существующих в различных культурах. Так, Е. Н. Токарёва указывает, что наряду с семантическими факторами при исследовании оценочных единиц правомерно учитывать и прагматический аспект, в частности, фактор говорящего субъекта [Токарёва, 2006: 9].

Несмотря на большое количество различных подходов и исследований, посвященных категории оценочности и структуре оценочных выражений, единого понятия для данного явления не существует хотя бы потому, что оно многогранно и каждое последующее определение взаимодополняет и сочетается с предыдущими, тем не менее, сохраняя свои собственные особенности и направление исследования.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что под категорией оценки можно понимать всё даже в пределах обыденных представлений. Сюда могут быть включены поступки, качества и состояния людей наравне с различными свойствами и характеристиками объектов окружающего мира, явлений, вариативных ситуаций и процессов.

2. Классификация оценки в современном языкознании

2.1. Одним из фундаментальных вопросов в исследовании категории оценочности является выделение классификации оценок и оценочных выражений. Еще Аристотель, как

это уже было упомянуто выше, в своих работах предпринимал первые классификации категории оценочности. В конце концов, это деление со временем становилось все более дробным, появлялись новые аспекты и их классификации.

2.2. Наиболее часто используемой и фундаментальной классификацией является классификация, которая базируется на **аксиологической** составляющей интерпретации явлений. Согласно данной классификации, объект оценивания может рассматриваться либо только положительно, либо только отрицательно. Данная трактовка оценки прослеживается в работах многих исследователей. Например, З. Х. Ибадильдина через призму оппозиции «хорошо / плохо» рассматривает семантические компоненты на предмет принадлежности к категории оценочности [Ибадильдина, 1997]. В своей классификации Е. М. Вольф называет такие типы мелиоративным и пейоративным соответственно [Вольф, 1985: 11]. Помимо этого, Е. М. Вольф также выделяет нейтральную или «нулевую» оценку, выражающую безразличное отношение к объекту или явлению.

2.3. В работе «Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт» Н. Д. Арутюнова взяла за основу критерий характера **основания оценки**. Так, первая группа оценок получила название «индивидуальная», так как в таких оценках отсутствует признак логического обоснования и мотивации. Решение производится на основе вкусов определенного субъекта согласно его физическому и чувственному опыту с различными экспрессивными и стилистическими оттенками. В эту группу входят сенсорно-вкусовые оценки, например, «вкусный» – «невкусный», а также психологические: «глубокий» – «поверхностный», «умный» – «глупый», «радостный» – «печальный» [Арутюнова, 1988].

Вторая группа – наиболее обширная из всех – включает сублимированные или «гуманизированные» оценки, которые подчеркивают чувство прекрасного в человеке и оценивают аспекты объекта с точки зрения нравственного фактора. Группа объединяет следующие подтипы: эстетическую (прекрасный – безобразный) и этическую (нормальный – ненормальный) оценки.

Третья группа связана с практической деятельностью человека, а также психической или физической пользой определённых объектов. Это группа получила название рациональной оценки. Н. Д. Арутюнова включила сюда утилитарные оценки (полезный – вредный), а также их нормативные (правильный – неправильный) и теологические (удачный – неудачный) подтипы.

2.4. В свою очередь, Ю. Д. Апресян, опираясь на прагматический аспект категории оценочности, выделяет три типа оценки в зависимости от **отношения адресанта к объекту** [Апресян, 1995: 136-140]: 1) непосредственное отношение к реальности (итоговая оценка по критерию качества); 2) отношение адресанта к содержанию в сообщении (оценка по

критерию иллюкутивности и истинности); 3) отношение адресанта к самому реципиенту.

2.5. Важной классификацией является группировка оценочных высказываний по способу **выражения семантики** языковых единиц. Так, выделяют имплицитную и эксплицитную оценки. Имплицитные значения, как правило, как бы скрыты, не имеют самостоятельного явного выражения в структуре языка [Шептухина, 2006: 249]. Эксплицитной же информацией считается та, в которой оценочное значение закреплено в семантической структуре ЛСВ, а также зафиксировано в словарной статье [Новиков, 1992: 6].

3. Результаты исследования

3.1. Основываясь на классификации Ю. Д. Апресяна, в работе предлагается следующая типология оценочных единиц, выбранных путем стратифицированного отбора из 43 художественных текстов А. П. Чехова. Выбранные лексико-тематические группы (ЛТГ), базируются на типе объекта оценки: 1) **ЛТГ отношения к реальности** (в область данной ЛТГ входят оценочные выражения, которые имеют непосредственное отношение к реалиям окружающего мира, его явлениям, событиям и факторам, т. е. место, время и образ действия); 2) **ЛТГ отношения к содержанию в сообщении** (как правило, у Чехова это оценочные единицы, являющиеся как бы результатом ответной реакции говорящего на сказанное ранее); 3) **ЛТГ отношения непосредственно к объекту оценки** (т. е. отношение к тому или иному одушевленному объекту – человеку, животному – или предмету, прямо или косвенно имеющему отношение к человеку).

В нижеприведенной таблице отображено, какие ЛТГ содержат большее количество языковых средств конкретных уровней текста для выражения имплицитной оценки в художественных произведениях А. П. Чехова.

Таблица 1. *Лексико-тематическая классификация оценочных высказываний (на материале произведений А. П. Чехова)*

ЛТГ	Лексический уровень	Морфологический уровень	Синтаксический уровень	Стилистический уровень
Отношение субъекта к реальности	114 (61%)	54 (81%)	38 (37%)	85 (34%)
Отношение субъекта к содержанию в сообщении	51 (27%)	4 (6%)	46 (45%)	72 (29%)
Отношение субъекта непосредственно к объекту оценки	23 (12%)	9 (13%)	19 (18%)	92 (37%)
Всего:	188 (100%)	67 (100%)	103 (100%)	249 (100%)

Оценка может реализовываться с помощью средств различных языковых уровней: лексического, морфологического, синтаксического, стилистического и фонетического.

Так, например, в рассказе «Ведьма» сравнение дьячихи с 'паучихой' намекает на такие человеческие черты, как ловкость и проворство. Как правило, суффикс «-их» в именах собственных, которые являются названиями животных, указывает на самок этих видов (напр., 'крольчиха', 'бегемотиха', 'жирафиха'), однако в данном контексте складывается ощущение, будто он также добавляет слову негативное значение. Конечно, в английском и немецком языке передать весь оттенок слова за счет суффикса невозможно, но при этом переводчики сохранили лексему, сравнивающую главную героиню с пауком: англ. *spider* и нем. *Spinne*.

Имплицитно негативное оценочное суждение отношения главного героя к своей жене в рассказе А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда» выражено в распространённом типе предложения с помощью однородных членов: 'ни разу не приласкал ее, не пожалел, ни разу не догадался купить ей платочек или принести со свадьбы чего-нибудь сладенького'. Как правило, цепочку таких словосочетаний, объединенных одной связью и относящихся к одному и тому же члену предложения, необходимо переводить поочередно, сохранив оригинальную синтаксическую последовательность, задуманную автором: нем. *zärtlich an sich gezogen habe oder auch nur ein wenig Teilnahme für sie gezeigt hätte, daß er noch nie auf den Gedanken gekommen war, ihr ein Kopftüchlein zu kaufen oder ihr von einer der Hochzeiten irgendeine Leckerei mitzubringen*. При дальнейшем сравнении примеров видно, что в немецком тексте присутствует явление полисиндетона, т. е. многосоюзия, так как в силу своих языковых особенностей некоторые из употребленных глаголов не являются однородными. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в рамках словообразовательного уровня текста в словах 'платочек', 'сладенькое' добавляют коннотаций сожаления о несделанном. Райнхольд фон Вальтер удачно использовал тот же прием в слове *Kopftüchlein* (*Kopftuch* – платок на голову + '-lein' – уменьшительно-ласкательное 'платочек'). В данном случае словообразование относится к морфологическому уровню текста.

Стилистический прием антитезы, который на письме выделен пунктуационно: 'ставил себя в воображении рядом с Ньютою – и эта пара казалась ему невозможной', А. С. Элиасберг при переводе рассказа «Володя» на немецкий язык передал с помощью синтаксического строя условного предложения *wenn er sich selbst an Njutas Seite dachte, erschien ihm dieses Paar ganz unmöglich*, что может переводиться как 'когда он представлял себя рядом с Ньютой, ему эта пара казалась невозможной'.

3.2. Конечно, в силу грамматических аспектов языков перевода многие особенности чеховского стиля, как правило, непередаваемы. Блестящим примером такого случая является

отрывок из рассказа «Зиночка». Особый интерес в данном рассказе представляет отрывок, где впервые А. П. Чеховым введен ироничный неологизм, образованный методом сращения основ, ‘физиомордия’: ‘Саша смеется, бормочет что-то несвязное и с неуклюжестью очень влюбленного человека кладет обе свои ладони на Зинокину физиомордию’.

Рассказ был переведен на оба исследуемых иностранных языка, однако ни в одном из них переводчик так и не смог подобрать ту трансформационную методику, которая помогла бы реализовать перевод данной единицы. При переводе на английский язык Р. Э. К. Лонг предложил обобщенный нейтральный аналог *face*. Владимир Чумиков в тексте немецкого перевода также предложил вариант *Gesicht*.

Таким образом, именно наличие подобных окказиональных единиц в художественном творчестве А. П. Чехова составляет основную проблему перевода оценочных единиц, выраженных путем использования языковых приемов на разных речевых уровнях.

Сам А. П. Чехов скептически относился к переводам своих произведений, будучи уверенным, что передать национальный колорит, человеческий код и простую русскую душу посредством языка невозможно, обо всех переводах писатель отзывался практически одинаково [Мухин, 2016: 508].

Среди переводчиков чеховианы на английский язык можно выделить Р. Э. К. Лонга, Мэриэн Фелл и Констанс Гарнетт. На немецкий язык рассказы русского писателя были переведены Йоханессом Трейманом, Рихардом Гофманом, А. С. Элиасбергом и Райнхольдом фон Вальтером.

Количественный анализ показал, что в ИЯ было выявлено 607 исходных оценочных единиц, в том числе 249, выраженных стилистически; 188, выраженных лексически, 103, переданных с помощью морфологических языковых средств, и 67, реализующихся на синтаксическом уровне текста. Наиболее типичной является лексическая передача.

Таблица 2. Количественный анализ переданных языковых единиц оценочности на английский и немецкий языки

Языки	Лексический уровень	Стилистический уровень	Морфологический уровень	Синтаксический уровень	Всего
Русский (в произведениях А. П. Чехова)	188 (100%)	249 (100%)	67 (100%)	103 (100%)	607
Английский (в переводах)	153 (81%)	179 (72%)	15 (22%)	76 (74%)	423
Немецкий (в переводах)	127 (68%)	133 (53%)	9 (13%)	59 (57%)	328

Выводы

Из всего вышеизложенного можно прийти к следующим выводам.

Обладая своей индивидуальной экспрессивностью, стилистическим окрасом, образностью оценочные единицы в произведениях А. П. Чехова являются труднопереводимой лексической категорией для английского и немецкого языков.

Оценочные выражения могут реализовываться с помощью различных языковых средств на всех типах уровня языка. Наиболее многочисленной является группа стилистических приемов текста. В число группы данных языковых средств входит использование таких средств выразительности, как эпитеты, ирония, метафора, в частности, и олицетворение, антитеза, сравнение. В группу, относящуюся к лексическому уровню текста следует отнести различного рода лексику, использующуюся как в соответствующем, так и в совершенно противоположном значении. Помимо этого, сюда входят единицы фразеологического типа. Синтаксический уровень текста включает, чаще всего, употребление различных типов предложений – восклицательные, вопросительные, побудительные. Что касается средств морфологического уровня, основными речевыми приемами являются словообразование и его подтипы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Москва, 1995. Т. II. 767 с.
2. Аристотель. Риторика. Поэтика. Москва: Лабиринт, 2000. 224 с.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва, 2001. 642 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Наука, 1985. 228 с.
6. Ибадильдина З. Х. Эмотивная лексика казахского и русского языков. Алматы, 1997. 223 с.
7. Ивин А. А. Основания логики оценок. Москва: МГУ, 1970. 229 с.
8. Ивин А.А. Риторика. Искусство убеждать. Москва, 2002. 299 с.
9. Игумнова Е. С. Морфологические единицы и их роль в описании степного пейзажа (на материале произведений А. П. Чехова) // Вестник АГТУ. 2012. № 2. С. 99-103.
10. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. Москва: Наука, 1975. 232 с.
11. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Москва: ЭТС, 2001. 424 с.
12. Ледовская Н. Н. Категория оценки степени качества имен прилагательных // Сборник научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия «Гуманитарные науки». Ставрополь, 2003. №10. С. 7-13
13. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке. Филологические науки. 1995. № 3. 297 с.
14. Мурясов Р. З., Самигуллина А. С., Фёдорова А. Л. Опыт анализа оценочного высказывания. Вопросы языкознания. Москва, 2004. № 5. С. 68-78

15. Мухин М. Ю. Лексическая статистика и идиостиль А. П. Чехова. Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 507-517
16. Новиков В. П. Оценочная лексика в языке английской газеты. Москва, 1992. 22 с.
17. Сейфулина С. А. Категория оценки в речи младших школьников. Таганрог, 1999. 23 с.
18. Токарёва Е. Н. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе: на материале современного английского языка. Уфа, 2006. 204 с.
19. Чернявская Е. А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи: На материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина. Брянск, 2001. 270 с.
20. Шептухина Е. М. Эксплицитность/имплицитность смысловой структуры русских глаголов со связанными основами // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2006. С. 249-255.
21. Hobbes T. Elementorum philosophiae sectio secunda De homine. EEBO Editions, ProQuest, 2010. 85 p.
22. Timmermann J. Kantian Dilemmas? Moral Conflict in Kant's Ethical Theory, Archiv für Geschichte der Philosophie. № 95. 2013. 64 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Москва, 1984. Т. 4. Сочинения (1885-1886). 544 с.
2. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Москва, 1985. Т. 6. Сочинения (1887). 736 с.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Москва, 1986. Т. 8. Рассказы. Повести (1892-1894). 520 с.
4. Tschchow A. P. Russian silhouettes; more stories of Russian life, by Anton Tchekoff; tr. from the Russian by Marian Fell. New York, 1915. 318 p.
5. Tschchow A. P. Rothschilds Geige. Der schwarze Mönch und andere Erzählungen. Berlin, 1901. 476 S.
6. Tschchow A. P. Von Frauen und Kindern. München, 1920. 212 S.
7. Tchekhoff A. The Kiss and other stories. Translated from the Russian by R. E. C. Long. New York, 1915. 318 p.
8. Garnett C. The Lady with the dog and other stories by Anton Tchekhov. London, 1917. 303 p.
9. Garnett C. The Witch and other stories by Anton Tchekhov. New York, 1918. 336 p.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1995). *Performativy v grammatike i slovare. Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. Izbrannye trudy* [Performatives in grammar and vocabulary. Integral description of the language and system lexicography. Selectas]. Moskva. Vol. II. (In Russ.).
2. Aristotel. (2000). *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. Moskva: Labirint. (In Russ.).
3. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
4. Vinogradov, V. V. (2001). *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Moskva. (In Russ.).
5. Volf, E. M. (1985). *Funktionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

6. Ibadildina, Z. Kh. (1997). *Emotivnaya leksika kazakhskogo i russkogo yazykov* [Emotive vocabulary of the Kazakh and Russian languages]. Almaty. (In Russ.).
7. Ivin, A. A. (1970). *Osnovaniya logiki otsenok* [Arguments of Evaluation Logic]. Moskva: MGU. (In Russ.).
8. Ivin, A. A. (2002) *Ritorika. Iskusstvo ubezhdad* [Ritoric. The art of persuasion]. Moskva. (In Russ.).
9. Igumnova, E. S. (2012). *Morfologicheskie edinitsy i ikh rol v opisani stepnogo peyzazha (na materiale proizvedeniy A. P. Chekhova)* [Morphological units and their role in the description of the steppe landscape (based on the works of A. P. Chekhov)]. In *Vestnik AGTU*. No. 2. Pp. 99-103. (In Russ.).
10. Kolshanskiy, G. V. (1975). *Sootnoshenie subektivnykh i obektivnykh faktorov v yazyke* [Correlation of subjective and objective factors in language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
11. Komissarov, V. N. (2001). *Sovremennoe perevodovedenie. Uchebnoe posobie* [Modern translation studies. Learning guide]. Moskva: ETS. (In Russ.).
12. Ledovskaya, N. N. (2003). *Kategoriya otsenki stepeni kachestva imen prilagatelnykh* [The category of assessing of adjectives quality degree]. In *Sbornik nauchnykh trudov Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. Stavropol. No. 10. Pp. 7-13. (In Russ.).
13. Markelova, T. V. (1995). *Semantika i pragmatika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke* [Semantics and pragmatics of means of expressing evaluation in Russian]. In *Filologicheskie nauki*. No. 3. (In Russ.).
14. Muryasov, R. Z., Samigullina, A. S., Fedorova, A. L. (2004). *Opyt analiza otsenochnogo vyskazyvaniya* [Experiment in the analysis of evaluative statements]. In *Voprosy yazykoznaniya*. Moskva. No. 5. Pp. 68-78. (In Russ.).
15. Mukhin, M. Yu. (2016). *Leksicheskaya statistika i idiostil A. P. Chekhova* [Lexical statistics and the idiostyle of A. P. Chekhov]. In *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke*. Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. Pp. 507-517. (In Russ.).
16. Novikov, V. P. (1992). *Otsenochnaya leksika v yazyke angliyskoy gazety* [Evaluative vocabulary in the language of English newspaper]. Moskva. (In Russ.).
17. Seifulina, S. A. (1999). *Kategoriya otsenki v rechi mladshikh shkolnikov* [The category of evaluation in the speech of younger schoolchildren]. Taganrog. (In Russ.).
18. Tokareva, E. N. (2006). *Spetsifika vyrazheniya otsenki v gendernom diskurse: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka* [Characteristic aspects of evaluation expression in gender discourse: based on modern English]. Ufa. (In Russ.).
19. Chernyavskaya, E. A. (2001). *Otsenka i otsenochnost v yazyke i khudozhestvennoy rechi: Na materiale poeticheskogo, prozaicheskogo i epistolyarnogo naslediya A. S. Pushkina* [Assessment and evaluation in language and belles-lettres: Based on the poetic, prose and epistolary heritage of A. S. Pushkin]. Bryansk. (In Russ.).
20. Sheptukhina, E. M. (2006). *Eksplitsitnost / implitsitnost smyslovoy struktury russkikh glagolov so svyazannymi osnovami* [Explicit / implicit semantic structure of Russian verbs with connected stems]. In *Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost / implitsitnost vyrazheniya smyslov*. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta. Pp. 249-255. (In Russ.).
21. Hobbes, T. (2010). *Elementorum philosophiae sectio secunda De homine*. EEBO Editions, ProQuest.
22. Timmermann, J. (2013). *Kantian Dilemmas? Moral Conflict in Kant's Ethical Theory*, *Archiv für Geschichte der Philosophie*. No. 95.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Chekhov, A. P. (1984). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [The complete dramatic works and letters]. In 30 vol. Moskva. Vol. 4. Sochineniya (1885-1886). (In Russ.).

2. Chekhov, A. P. (1985). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [The complete dramatic works and letters]. In 30 vol. Moskva. Vol. 6. Sochineniya (1887). (In Russ.).
3. Chekhov, A. P. (1986). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [The complete dramatic works and letters]. In 30 vol. Moskva. Vol. 8. Rassказы. Povesti (1892-1894). (In Russ.).
4. Tschechow, A. P. (1915). *Russian silhouettes; more stories of Russian life, by Anton Tchekoff; tr. from the Russian by Marian Fell*. New York.
5. Tschechow, A. P. (1901). *Rothschilds Geige. Der schwarze Mönch und andere Erzählungen*. Berlin.
6. Tschechow, A. P. (1920). *Von Frauen und Kindern*. München.
7. Tchekhoff, A. (1915). *The Kiss and other stories*. Translated from the Russian by R. E. C. Long. New York.
8. Garnett, C. (1917). *The Lady with the dog and other stories by Anton Tchekhov*. London.
9. Garnett, C. (1918). *The Witch and other stories by Anton Tchekhov*. New York.

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии (e-mail: v.kaliushenko@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Kaliuščenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of Germanic Philology Department (e-mail: v.kaliushenko@donnu.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Сладкомёдова Алина Юрьевна – магистрант кафедры теории и практики перевода (e-mail: alina_sladkomedova@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Sladkomedova Alina Yu. – Master degree student of Translation Studies Department (e-mail: alina_sladkomedova@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 09 апреля 2023 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p. Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.
<i>Статья из сборника</i>	Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46. Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428. Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
<i>Журнальная статья</i>	Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22. Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161. Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014). Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.). Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5. Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.). Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).
<i>Статья из сборника</i>	Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.). Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.). Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
<i>Журнальная статья</i>	Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i>

	<i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.). Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.). Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.). Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 19 Выпуск 2 (60) 2023

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте
ФГБОУ ВО «ДонГУ» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 03.07.2023 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 15,92.
Тираж 100 экз. Заказ № 23июль96.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.